

INTERREGIONAL ORGANIZATION
“RUSSIAN PLATONIC PHILOSOPHICAL SOCIETY”

RUSSIAN CHRISTIAN ACADEMY FOR THE HUMANITIES
NAMED AFTER FYODOR DOSTOEVSKY

32ND INTERNATIONAL CONFERENCE
«THE UNIVERSE OF PLATONIC THOUGHT»:
«Plato’s Heritage in the History
of Science and Education»

Saint Petersburg
20–21 June 2024

St Petersburg
2024

МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ
«ПЛАТОНОВСКОЕ ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО»

РУССКАЯ ХРИСТИАНСКАЯ ГУМАНИТАРНАЯ АКАДЕМИЯ
ИМЕНИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Российское философское общество

Балтийский федеральный университет им. И. Канта

**XXXII НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«УНИВЕРСУМ ПЛАТОНОВСКОЙ МЫСЛИ»:
«Платоновское наследие
в истории науки и образования»**

Санкт-Петербург, 20–21 июня 2024 г.

Тезисы докладов

Санкт-Петербург

2024

Оргкомитет конференции:

Председатель организационного комитета: *Светлов Роман Викторович*,
доктор филос. наук, профессор СПбГУ, профессор БФУ им. И. Канта.

Организационный комитет: *Melina Musala*, PhD, Assistant Professor, University of Patras; *Thomas Robinson*, Emeritus Professor, University of Toronto;

Эмилиано Меттини, кандидат педагогических наук, Российский национальный исследовательский медицинский университет им. Н.И. Пирогова; *Степанова Анна Сергеевна*, доктор филос. наук, профессор РГПУ им. А.И. Герцена;

Протопопова Ирина Александровна, кандидат культурологии, ведущий научный сотрудник РГГУ; *Тантлевский Игорь Романович*, доктор филос. наук, профессор СПбГУ; *Аванесов Сергей Сергеевич*, доктор филос. наук, профессор Новгородского гос. университета им. Ярослава Мудрого.

Программный комитет конференции:

Председатель программного комитета: *Шмонин Дмитрий Викторович*,
доктор филос. наук, профессор, СПбГУ.

Программный комитет: *Афонасин Евгений Васильевич*, доктор философских наук, профессор БФУ им. Иммануила Канта;
Алымова Елена Валентиновна, кандидат филос. наук, доцент СПбГУ;
Мочалова Ирина Николаевна, кандидат филос. наук, доцент СПбГУ;
Курдыбайло Дмитрий Сергеевич, кандидат филос. наук, научный сотрудник НИУ ВШЭ, старший научный сотрудник БФУ им. Иммануила Канта, старший научный сотрудник РГПУ им. А.И. Герцена.

XXXII научная конференция «Универсум Платоновской мысли: Платоновское наследие в истории науки и образования». Тезисы докладов. Санкт-Петербург, 20–21 июня 2024 г. — СПб.: МОО «Платоновское философское общество»; Изд-во РХГА, 2024. — 300 с.

ISBN 978-5-907855-89-2

Настоящий сборник включает тексты тезисов докладов участников XXXII Международной конференция «Универсум Платоновской мысли: Платоновское наследие в истории науки и образования». Организованная Платоновским философским обществом, конференция прошла на площадке Русской христианской гуманитарной академии при поддержке Российского философского общества и БФУ им. Иммануила Канта.

© Коллектив авторов, 2024

© МОО «Платоновское философское общество», 2024

© АНО ВО «РХГА», 2024

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

ПРОТОПОПОВА ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА, кандидат культурологии, доцент; Платоновский исследовательский научный центр (Москва, Россия), руководитель; Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Россия), старший научный сотрудник

ГЕРМЕНЕВТИКА ХАЙДЕГГЕРА КАК «АНТИ-ПЛАТОНИЗМ»: ИСТОЛКОВАНИЕ «МИФА О ПЕЩЕРЕ»*

Речь идет о том, как Хайдеггер перетолковывает платоновский «миф о пещере». Сначала «эйдос» как «вид» у него оказывается неким «образом», а потом, исходя из того, что Платон представляет *агатон* как «идею» в смысле «идеи идей», Хайдеггер объявляет, что «несокрытое» оказывается у Платона «идеией». У него получается, что Платон впервые в европейской мысли представляет «идею» как основание «правильного взгляда» и корреляции «идея-вещь» и тем самым становится основателем рационального типа философствования. Будет показано, как именно Хайдеггер истолковывает написанное у Платона для того, чтобы выдвинуть собственную идею «несокрытого». Будет представлен вариант платоновского «несокрытого» на материале «Пира», «Федра» и «Государства».

Ключевые слова: Платон, Хайдеггер, эйдос, истина, несокрытое

* Исследование выполнено в Балтийском федеральном университете им. Иммануила Канта за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00980 «Герменевтика классического текста как форма философской самоидентификации: Платон и его наследие от Античности до современной России» <https://rscf.ru/project/24-18-00980/>

IRINA PROTOPOVA, CSc in Culturology, Associate
Professor; Platonic Research Center (Moscow, Russia),
Head; Russian State University for Humanities
(Moscow, Russia), Major Research Fellow

**HEIDEGGER'S HERMENEUTICS
AS ANTI-PLATONISM: PLATO'S CAVE REINTERPRETED***

We are talking about how Heidegger reinterprets Plato's "cave." Firstly, through the fact that "eidos" as a "species" turns out to be a kind of "image" for him, and then, based on the fact that Plato presents "Agathon" precisely as an "idea" in the sense of "idea of ideas," Heidegger says that "the "uncovered" turns out to be for Plato, the "idea." It turns out that Plato for the first time presents the "idea" as the basis of the "right view" and the relationship "idea-thing" and thereby becomes the founder of a rational type of philosophizing. It will be shown exactly how Heidegger distorted what was written in Plato in order to put forward his own idea of the "uncovered."

Keywords: Plato, Heidegger, eidos, truth, the uncovered

АФОНАСИНА АННА СЕРГЕЕВНА, кандидат философских
наук, доцент; Балтийский федеральный университет
им. Иммануила Канта (Калининград, Россия), доцент

**ФИЗИКА И/С ЭТИКА: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ДВУХ
ДЕЙСТВУЮЩИХ СИЛ В ПОЭМЕ ЭМПЕДОКЛА И ИХ
ОТРАЖЕНИЕ В «ПОЛИТИКЕ» ПЛАТОНА**

Имена, которые дает Эмпедокл основным действующим силам — Любовь и Вражда — невольно вызывают приятное и неприятное чувства соответственно. Мы привыкли считать, что любовь есть нечто положительное, к чему нужно стремиться и преумножать. В свою очередь вражда воспринимается как то, чего нужно избегать. Содержание нескольких фрагментов как будто убеждает нас в правоте сказанного, кажется, что Эмпедокл отдает явное предпочтение Любви, а Вражду сопровождает негативными

* The research was carried out at Immanuel Kant Baltic Federal University with the support of the Russian Science Foundation, project No 24-18-00980, <https://rscf.ru/en/project/24-18-00980/>

эпитетами. Эта эмоциональная реакция естественна, но в контексте философии Эмпедокла скорее всего ошибочна. Я предлагаю изучить, что вкладывает в Любовь и Вражду Эмпедокл, рассматривает ли он их только как физические силы, или давая им такие имена, отсылает нас к этике? Для убедительного ответа на этот вопрос нам необходимо, во-первых, принимать во внимание всю картину мироздания Эмпедокла, и, во-вторых, опираться на последующую традицию, в которой идеи Эмпедокла нашли отражение. Таковой для нас станет «Политик» Платона.

Ключевые слова: Эмпедокл, Любовь, Вражда, Афродита, физика, этика, Платон, «Политик»

ANNA AFONASINA, CSc in Philosophy, Associate
Professor; Immanuel Kant Baltic Federal University
(Kaliningrad, Russia), Assistant Professor

PHYSICS VS ETHICS: INTERPRETING THE TWO ACTING FORCES IN EMPEDOCLES' POEM AND THEIR REFLECTION IN PLATO'S "POLITICUS"

The names Empedocles gives to the main acting forces — Love and Strife — involuntarily evoke pleasant and unpleasant feelings respectively. We are accustomed to think that love is something positive, something to be strived for and multiplied. In turn, strife is perceived as something to be avoided. The content of several fragments seems to convince us of the rightness of these words, it seems that Empedocles gives clear preference to Love, while Strife is accompanied by negative epithets. This emotional reaction is natural, but in the context of Empedocles' philosophy it is most likely mistaken. I propose to explore what Empedocles means by Love and Strife, does he regard them only as physical forces, or does he refer to ethics by giving them such names? For a convincing answer to this question we need, firstly, to take into account the whole picture of Empedocles' universe, and, secondly, to rely on the subsequent tradition in which Empedocles' ideas were reflected. Plato's 'Politicus' will be such a tradition for us.

Keywords: Empedocles, Love, Strife, Aphrodite, physics, ethics, Plato, *Politicus*, the *Statesman*

**СЕКЦИЯ I: «НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ
В АНТИЧНОМ ПЛАТОНИЗМЕ»**

GIANLUIGI SEGALERBA, PhD; Institute for Philosophical Studies (Coimbra, Portugal), member

ASPECTS OF PSYCHIC ILLNESS IN PLATO

In my study, I examine aspects of Plato's description of the healthy and unhealthy conditions of the soul. My inquiry is mainly directed to Plato's illustration of the progressive degeneration of the soul up to the explosion of mental illness and criminal actions. Throughout my investigation, I point out that the origin and the cause of the unhealthy and healthy conditions of the soul lie in the components of the soul. Due to its components, the soul can both reach a morally healthy condition, on the one hand, and degenerate, on the other hand. The components of the soul are given, but the development of the parts of the soul is not given: the part of the soul which prevails organises the whole soul. Individual actions are a consequence of the disposition of the individual's soul. The possibility of being evil and of falling into a state of criminal madness is directly rooted in one of the components of the soul. The structure of the society depends on the tendency of development of the souls of the individuals living in the society and, vice versa, the development of the individual soul depends on the organisation of the society: the development of the society and the development of the individual soul steadily influence each other. The text of Plato on which I concentrate my attention is the *Republic*.

Keywords: illness, health, soul, Republic, society, individual, constitution, degeneration

БОГОМОЛОВ АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ, кандидат философских наук; Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина (Нижний Новгород, Россия), доцент

**“AGNOSTOS THEOS” Э. НОРДЕНА,
НЕГАТИВНАЯ ТЕОЛОГИЯ
В РАННЕЙ ГРЕЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ
И ОДИН «СПОРНЫЙ» ФРАГМЕНТ ГЕРАКЛИТА**

Формирование негативной теологии в период ранней греческой мысли является одним из самых спорных и неочевидных вопросов античной философии в целом. Особое место в данной историко-философской ситуации занимает философское учение Гераклита. В специальной литературе есть мнение, что определяющий контекст негативной теологии философа из Эфеса — критика религии, верований греков того времени. Однако, очевидно, что здесь есть и иной аспект: интерпретация бога как «неведомого», «непознаваемого». В этой связи интересно вспомнить теорию Э. Нордена о «Неведомом Боге» (Ἄγνωστος Θεός). Вне зависимости от того, принимаем ли мы данную концепцию, «включение» в нее гераклитовского апофазиса представляется значимым. В рамках историко-философской реконструкции негативной теологии Гераклита также предлагаем обратить внимание на фрагмент DK 14: «Кому же именно пророчит Гераклит Эфесский? Ночным гулякам, волхвам, вакхантам, менадам и посвященным. Им он грозит посмертной карой, им предвещает он огонь. Ибо не священным образом совершается посвящение в таинства, которые чтятся у людей». Представляется, DK 14 может иметь определенные нюансы, которые не столь часто становятся предметом исследований.

Ключевые слова: апофатика, Гераклит, ранняя греческая философия, *agnostos theos*, негативная теология

ALEXEY BOGOMOLOV, CSc in Philosophy; Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University — Minin University (Nizhny Novgorod, Russia), Associate Professor

“AGNOSTOS THEOS” BY E. NORDEN, NEGATIVE THEOLOGY IN EARLY GREEK PHILOSOPHY AND ONE “CONTROVERSIAL” FRAGMENT OF HERACLITUS

The formation of negative theology in the period of early Greek thought is one of the most controversial and non-obvious issues of ancient philosophy in general. A special place in this historical and philosophical situation is occupied by the philosophical teaching of Heraclitus. There is an opinion in the specialized literature that the defining context of the negative theology of the philosopher from Ephesus is criticism of religion and the beliefs of the Greeks of that time. However, it is obvious that there is another aspect here: the interpretation of God as “unknown,” “unknowable.” In this regard, it is interesting to recall E. Norden’s theory about the “Unknown God” («Άγνωστος Θεός»). Regardless of whether we accept this concept, the “inclusion” of the Heraclitic apophysis in it seems significant. As part of the historical and philosophical reconstruction of the negative theology of Heraclitus, we also propose to pay attention to the fragment DK 14: “To whom exactly does Heraclitus of Ephesus prophesy? Night revellers, magi, bacchantes, maenads and initiates. He threatens them with posthumous punishment, he foreshadows fire for them. For initiation into the sacraments, which are revered by people, is not performed in a sacred way.” It seems that DK 14 may have certain nuances that are not so often the subject of research.

Keywords: apophaticism, Heraclitus, early Greek philosophy, *agnostos theos*, negative theology

ЛИХТЕР ПАВЕЛ ЛЕОНИДОВИЧ, кандидат юридических наук, доцент; Пензенский государственный университет (Пенза, Россия), доцент

ОБРАЗОВАНИЕ И ЗАКОНЫ КАК ИНСТРУМЕНТЫ ДОСТИЖЕНИЯ СЧАСТЛИВОЙ ЖИЗНИ В ПЛАТОНОВСКИХ КАЛЛИПОЛИСЕ И МАГНЕЗИИ

Доклад посвящен трансформации подхода Платона к образованию и законам как инструментам достижения счастливой жизни в диалогах «Государство» и «Законы».

Если в первом диалоге автор делает ставку на воспитание философов-правителей, которые управляют обществом посредством разума (условно «прикладная теория эйдосов»), то, разрабатывая конституцию Магнезии, Платон уже не надеется лишь на силу разума и вводит субординный инструмент — позитивное право. Таким образом, меняется ракурс платоновского холизма: в «Государстве» речь идёт о содержательном холизме (разум + знание + счастье + справедливость), а в «Законах» делается акцент на холистической динамике или процессе: законы должны быть такими, чтобы не допустить нетерпимого дефицита одной части души за счёт эксцесса другой.

Ключевые слова: законы, образование, Платон, общее благо, справедливость, государство, теория поэтапной деградации, холизм

Вопросы законотворчества и образования соотносятся друг с другом в диалогах Платона как две стороны ленты Мёбиуса: стоит чуть дальше пройти по одной стороне, как мы оказываемся на обратной. Рассуждения о справедливых законах в «Государстве» переплетаются с вопросами надлежащего воспитания, а тема оптимального образования не обходится без предложений об улучшении нормативного регулирования. В разных местах переходным звеном рассматриваемых социальных регуляторов выступают темы справедливости, счастья, совершенство языка преамбулы и т. п.

Может поэтому до сих пор нет единого ответа на вопрос о классификации диалога «Государство». Если согласиться с тем, что его центральной темой является выявление сути справедливости, то диалог является этико-правовым. Но учитывая особое внимание, которое Платон уделяет вопросам образования в нём, то следует признать его скорее педагогическим трактатом.

При этом и вопросы права, и вопросы образования носят в «Государстве», скорее, технический характер, так как они необходимы в первую очередь для разрешения кардинального вопроса об обеспечении счастливой жизни счастливых людей в счастливом (справедливом) государстве Каллиполис

(греч. κάλλος — красота, совершенство и πόλις — полис). Это очевидным образом перекликается с понятием «калокагатии» как идеалом воспитания человека, обеспечивающего гармоничное сочетание физических (внешних) и нравственных (внутренних) достоинств.

В англоязычной литературе “*Politeia*” (греч. Πολιτεία) традиционно переводится как “*Republic*,” однако профессор Дж. Кастли отмечает, что более удачным было бы название “*Constitution*.” Посредством конституции душа полиса обретет гармоничные пропорции разума, мнения и желания. Успешность достижения такой гармонии зависит от искусного употребления языка в воспитании и законах, которые обеспечивают возможность для преобразования душ граждан. Но если воспитание отдельных индивидов можно проанализировать за счёт эмпирических данных и корректировать, то с воспитанием мега-души полиса дела обстоят сложнее.

PAVEL LIKHTER, CSc in Law, Associate Professor; Penza State University (Penza, Russia), Associate Professor

EDUCATION AND LAWS AS TOOLS FOR ACHIEVING A HAPPY LIFE IN PLATO’S KALLIPOLIS AND MAGNESIA

The report is devoted to the transformation of Plato’s approach to education and laws as tools for achieving a happy life in the dialogues “*State*” and “*Laws*.” If in the first dialogue the author relies on the education of philosopher-rulers who rule society through reason (“*applied theory of eidos*”), then, when developing the *Constitution of Magnesia*, Plato no longer relies only on the power of reason and introduces a subsidiary instrument — positive law. Thus, the perspective of Plato’s holism changes: in the “*State*” we are talking about meaningful holism (reason + knowledge + happiness + justice), in the “*Laws*” the emphasis is on holistic dynamics or process: laws should be such as to prevent intolerable deficiency of one part of the soul due to the excesses of another.

Keywords: laws, education, Plato, common good, justice, state, theory of gradual degradation, holism

МЕЛЬНИКОВ СЕРГЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ, кандидат философских наук, доцент; Институт философии РАН (Москва, Россия), старший научный сотрудник

КРИТОЛАЙ ИЗ ФАСЕЛИДЫ: ДОГАДКИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

От аристотелевской ортодоксии Критолай отличался в том отношении, что в области нравственной философии он утверждал, что всякое удовольствие есть безусловное зло, а о душе говорил, что она состоит из эфирной субстанции (*quinta essentia*). Цель и счастье человеческого существования, по Критолаю, состоит в полноте (*sympleroma*) естественной жизни, состоящей в равной степени из душевных, телесных и т. н. «внешних» благ, где добродетель имеет не больше «удельного веса», чем остальные блага. Время, по Критолаю, представляет собой не сущность (*hypostasis*), а понятие или меру (*poema e metron*) существования. Критолай отвергал учение стоиков о космических «испламенениях» (*ekpyroseis*) и утверждал аристотелевский постулат о вечности космоса, являющегося причиной собственного своего бытия, апеллируя, в частности, к тезису об естественной неуничтожимости человеческого рода. В естественном мировом порядке, по Критолаю, не наблюдается никаких сущностных изменений. Человечество всякий раз воспроизводит себя как однородную совокупность природных вещей. Каждый в отдельности человеческий индивид является вечным, как вечным является весь человеческий род, как и вечна Земля, на которой он обитает. Если же вечен стройный порядок вещей, то нетленным, с необходимостью, должен быть также и сам целокупный видимый космос.

Ключевые слова: эллинистический Ликей, Критолай из Фаселиды, Аристон Младший, Диодор Тирский, Каллифонт, Диномах, Цицерон, вечность мира, счастье

В докладе представлены результаты анализа всей имеющейся информации о философе-перипатетике, пятом схолархе аристотелевского Ликейя — Критолае, родившемся в г. Фаселиде (Ликия, Малая Азия) ок. 200 г. до н. э., а также

его ближайших учениках — Аристоне Младшем и Диодоре Тирском, сохранившейся благодаря показаниям оригинальных античных литературных источников, не в последнюю очередь — папирологических (всего ок. 50 свидетельств по изданию Wehrli¹). Доподлинно известно об участии Критолая в составе т. н. «посольства философов» в Рим в 155 г. до н. э. в одном ряду с прославленными схолаρχами двух других афинских философских школ — Стои (Диоген Вавилонский) и платоновской Академии (Карнеад Карфагенский). Сам визит и публичные выступления в Риме представителей трёх конкурирующих между собою философских школ, возымевшие, как сообщают источники, значительный резонанс, немало способствовали восприятию (как настороженному, так и восторженному) и последующему культивированию наиболее важных идей и принципов жизнеустройства, провозглашённых философами, со стороны представителей просвещённой римской и италийской знати (Катон Старший, Сципион Африканский, Лелий). С упомянутого события, не без некоторых оговорок, можно отсчитывать время начала своеобразной «симбиотической» связи между специфически римским и греческим способами интеллектуального существования. Сочинения Критолая не сохранились, как не дошли до нас и названия его несохранившихся трудов. Он прожил более восьмидесяти двух лет и скончался в Афинах ок. 118 г. до н. э. Во всяком случае, к моменту прибытия Лициния Красса в Афины ок. 111 г. до н. э., во главе аристотелевского Ликейя уже находился самый прославленный из учеников Критолая — Диодор Тирский. От аристотелевской ортодоксии Критолай отличался в том отношении, что в области нравственной философии он утверждал, что всякое удовольствие есть безусловное зло, а о душе говорил, что она состоит из эфирной субстанции (*quinta essentia*). Цель и счастье человеческого существования, по Критолаю, состоит в полноте (*symppleroma*) естественной жизни, состо-

¹ Wehrli, Fr. (1969²) *Die Schule des Aristoteles: Texte und Kommentar*. Bd. 10: Hieronymus von Rhodos, Kritolaos und seine Schüler: Ariston der Jünger und Diodoros von Tyros. Basel; Stuttgart.

ящей в равной степени из душевных, телесных и т. н. «внешних» благ, где добродетель имеет не больше «удельного веса», чем остальные блага. Время, по Критолаю, представляет собой не сущность (*hypostasis*), а понятие или меру (*noema e metron*) существования. Критолай отвергал учение стоиков о космических «испламенениях» (*ekpyroseis*) и утверждал аристотелевский постулат о вечности космоса, являющегося причиной собственного своего бытия, апеллируя, в частности, к тезису об естественной неуничтожимости человеческого рода. Каждый в отдельности человеческий индивид является вечным, как вечным является весь человеческий род, как и вечна Земля, на которой он обитает. Если же вечен стройный порядок вещей, то нетленным, с необходимостью, должен быть также и сам целокупный видимый космос.

SERGEY MELNIKOV, CSc in Philosophy, Associate
Professor; RAS Institute of Philosophy
(Moscow, Russia), Senior Researcher

CRITOLAUS FROM PHASELIS: CONJECTURES AND INTERPRETATIONS

Critolaus differed from Aristotelian orthodoxy in that in the field of moral philosophy he argued that all pleasure is an unconditional evil, and about the soul he said that it consists of an ethereal substance (*quinta essentia*). The purpose and happiness of human existence, according to Critolaus, consists in the completeness (*sympleroma*) of natural life, consisting equally of mental, physical, and so-called “external” goods, where virtue has no more “specific weight” than other goods. Time, according to Critolaus, is not an essence (*hypostasis*), but a concept or measure (*noema e metron*) of existence. Critolaus rejected the Stoic doctrine of cosmic “flames” (*ekpyroseis*) and affirmed the Aristotelian postulate of the eternity of the cosmos, which is the cause of its own existence, appealing, in particular, to the thesis of the natural indestructibility of the human race. In the natural world order, according to Critolaus, no essential changes are observed. Humanity always reproduces itself as a homoge-

neous collection of natural things. Each individual human individual is eternal, just as the entire human race is eternal, just as the Earth on which it lives is eternal. If the harmonious order of things is eternal, then the entire visible cosmos itself must necessarily be incorruptible.

Keywords: Critolaus, Ariston the Younger, Diodorus of Tyre, Calliphon, Deinomachus, Cicero, eternity of the world, happiness

ШАВКИЕВ ОЙБЕК САЛИМБОЙ УГЛЫ; Самаркандский государственный университет имени Шарофа Рашидова (Самарканд, Узбекистан), докторант

ПРОБЛЕМА ИСТИНЫ И ПЛАТОНОВСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

В данном тексте рассматривается проблема истины в философии Платона, основные аспекты которой изучаются через его учение об идеях и диалектике. Платон утверждает, что истинное знание возможно только через постижение вечных и неизменных идей или форм, существующих в мире идей, отличном от чувственного мира. Диалектика является методом познания истины, позволяющим восходить от чувственных восприятий к пониманию идей. В диалоге «Теэтет» рассматриваются различные теории знания и истины, а также роль философа как искателя истины и посредника между мирами. В заключении подчеркивается важность платоновской концепции истины и ее влияние на последующее развитие философской мысли. В центре внимания находится учение об идеях (формах) и диалектика как метод познания истины.

Ключевые слова: Платон, истина, учение об идеях, формы, диалектика, знание, чувственный мир, мир идей, диалоги

Введение. Проблема истины действительно занимает центральное место в философии Платона и исследуется в его диалогах, таких как «Государство», «Софист» и «Теэтет». Платон развивает свою концепцию истины в контексте своего учения об идеях (формах) и деления реальности на мир чувственного

восприятия и мир идей. Ниже приведены ключевые аспекты этой проблемы в философии Платона:

1. Теория идей (форм)

Платон утверждает, что истинное знание возможно только через постижение вечных и неизменных идей или форм, которые существуют вне чувственного мира. Эти идеи представляют собой совершенные образцы, по которым создается чувственный мир.

– Идеи как источники истины: В платоновской философии идеи являются истинными и неизменными сущностями. Например, идея «красоты» или «справедливости» существует независимо от конкретных красивых или справедливых объектов в чувственном мире. Чувственные объекты лишь отражают или участвуют в этих идеях.

– Дихотомия мира: Платон делит реальность на два уровня: мир чувственных явлений, который является изменчивым и несовершенным, и мир идей, который является вечным и истинным. Истина находится в мире идей, а чувственный мир лишь частично и искаженно отражает эту истину.

2. Понятие диалектики

Диалектика для Платона является методом познания истины. Это процесс умозрительного восхождения от чувственных восприятий к пониманию идей.

– Диалоги и поиск истины: Платон использует диалоги, чтобы показать, как через вопросы и ответы можно приблизиться к пониманию истинной природы вещей. Диалектический метод помогает отделить истинное знание от мнений и заблуждений.

– Восхождение к идеям: В «Государстве» Платон описывает аллегорию пещеры, где познание истины сравнивается с восхождением из темной пещеры (мира чувственных иллюзий) к свету (миру идей).

3. Проблема истины в диалоге «Теэтет»

В диалоге «Теэтет» Платон исследует различные теории знания и истины, включая сенсуализм (знание как восприятие) и субъективизм (знание как истинное мнение).

– Знание и восприятие: Платон отвергает теорию, что знание есть восприятие, поскольку восприятие является субъективным и изменчивым. Истинное знание должно быть неизменным и универсальным.

– Истина и правильное мнение: Платон также обсуждает различие между истинным знанием и правильным мнением. Истинное знание предполагает понимание причин, тогда как правильное мнение может быть случайным и необоснованным.

4. Роль философа

Философ в платоновской системе играет роль посредника между миром чувственных явлений и миром идей. Философ стремится к познанию истины и к пониманию идей.

– Философ как искатель истины: Платон считает, что только философы, благодаря своему стремлению к мудрости и истине, способны постичь идеи и, следовательно, обладают истинным знанием.

– Философское правление: В «Государстве» Платон утверждает, что только философы, благодаря своему знанию истины, способны справедливо управлять государством.

В центре внимания находится учение об идеях (формах) и диалектика как метод познания истины.

Во-первых, обсуждается теория идей, которая занимает центральное место в платоновской философии. Платон утверждает, что истинное знание достижимо лишь через понимание вечных и неизменных идей, существующих в мире идей, отличном от чувственного мира. Идеи рассматриваются как источники истины, а чувственный мир лишь отражает или участвует в этих идеях.

Во-вторых, подробно рассматривается диалектика как метод познания истины. Диалектика представляет собой процесс умозрительного восхождения от чувственных восприятий к пониманию идей. Платон использует диалоги, чтобы показать, как через вопросы и ответы можно приблизиться к пониманию истинной природы вещей. Важным элементом является аллегория пещеры из «Государства», которая иллюстрирует восхождение к пониманию истины.

Третий аспект касается проблемы истины в диалоге «Теэтет». В нем Платон исследует различные теории знания и истины, отвергая, например, сенсуализм и субъективизм. Здесь также обсуждается различие между истинным знанием и правильным мнением.

Заключение. Проблема истины в платоновской философии рассматривается через призму его учения об идеях и диалектике. Истина для Платона — это знание неизменных и совершенных идей, которые существуют независимо от чувственного мира. Познание истины требует диалектического восхождения от восприятия к идеям. Философы, благодаря своему стремлению к познанию истины, играют ключевую роль в постижении и применении истинного знания.

Таким образом, платоновская философия предлагает глубоко обоснованную и систематическую концепцию истины, которая продолжает оказывать влияние на последующее развитие философской мысли.

ОУБЕК SHAVKIEV, Samarkand State University named after Sharof Rashidov (Samarkand, Uzbekistan), Postgraduate

THE PROBLEM OF THE TRUTH AND PLATONIC PHILOSOPHY

This text examines the problem of truth in the philosophy of Plato, the main aspects of which are studied through his doctrine of Ideas and dialectics. Plato asserts that true knowledge is only possible through the apprehension of eternal and immutable Ideas or Forms existing in the realm of Ideas, distinct from the sensible world. Dialectics is a method of knowing the truth, allowing one to ascend from sensory perceptions to the understanding of Ideas. In the dialogue “Theaetetus,” various theories of knowledge and truth are discussed, as well as the role of the philosopher as a seeker of truth and mediator between worlds. The conclusion emphasizes the importance of Plato’s concept of truth and its influence on the subsequent development of philosophical thought. The focus is on the doctrine of ideas (forms) and dialectics as a method of knowing the truth.

Keywords: Plato, truth, doctrine of Ideas, Forms, dialectics, knowledge, sensible world, realm of Ideas, dialogues

СЕВАСТЬЯНОВА АЛИНА ДМИТРИЕВНА, кандидат философских наук; Санкт-Петербургский государственный университет ветеринарной медицины (Санкт-Петербург, Россия), стажёр-исследователь

**ДИАЛОГ О СПРАВЕДЛИВОСТИ:
ОТНОШЕНИЕ К ЖИВОТНЫМ В ФИЛОСОФИИ
АРИСТОТЕЛЯ И СТОИКОВ**

Вопрос о наличии разума у животных имеет значительные практические последствия для жизни людей, не говоря уже о животных. С античности тезис о том, что только человек является разумным, используется как основа для утверждения морального превосходства человека и как оправдание для исключения других видов животных из числа моральных агентов, интересам которых необходимо уделять равное этическое внимание. В основе многих рассуждений об интеллекте животных лежало предположение, что рациональность сама по себе наделяет тех, кто ею обладает, моральной значимостью. В докладе рассматривается отношение к животным в философии Аристотеля и этике стоиков, делается акцент на вопросах разумности животных, их моральной значимости, а также возможности установления справедливых отношений между человеком и животными.

Ключевые слова: этика животных, разумность животных, моральный статус животных, античная этика

Аристотель отрицает возможность справедливых отношений между людьми и животными, утверждая, что между этими видами нет чего-либо общего. Телеологически животные созданы для использования людьми, что предполагает отсутствие каких-либо связей между видами, однако в «Политике» формулировка вопроса о справедливости представляется более широкой. Аристотель утверждает, что дружба и справедливость невозможны между людьми и животными, а также между людьми, занимающими неравное социально-политическое положение. Аристотель связывает чувство справедливости с владением языком. Тот, кто ищет справедливости,

должен быть способен сформулировать понятие справедливого и несправедливого с помощью осмысленной речи. Поскольку речь животных ограничивается передачей понятий болезненного приятного, то неспособность животных сообщить через речь понятие справедливого и несправедливого, это не позволяет им создать государство, в котором осознание природы справедливости является основополагающим. В дальнейшем в эпикурейской этике распространяется идея о том, что справедливость возникает в результате договора или соглашения между теми, кто желает справедливости и теми, кто обладает членораздельной речью, чтобы выразить это желание.

Аристотель пишет, что в ситуациях, когда между властвующим и подчиненным нет ничего общего, нет и дружбы, потому что и правосудия нет, как в отношениях мастера к своему орудию, души к телу, господина к рабу. Все эти вещи полезны тем, кто ими пользуется, но по отношению к неодушевленным предметам нет ни дружбы, ни справедливости. Невозможна дружба с конем или быком или с рабом в качестве раба, ибо между ними нет ничего общего.¹

Диоген Лаэртский иллюстрирует стоическое отрицание справедливости по отношению к животным, основанное на отсутствии у них рациональности и вытекающем из этого отличии от человека. Доктрина *oikeiôsis* служит основой для отрицания Хрисиппом справедливости по отношению к животным.

Порфирий сообщает, что Хрисипп учил, что животные были созданы богами специально для использования человеком, и что свиньи рождаются специально для заклания и поедания, «ибо Бог присоединил ее душу к плоти как соль, с целью приготовить нам лакомое блюдо». Таким образом, претерпевая это, свинья достигает своей цели и находит в этом свою пользу.²

¹ Arist. *Eth. Nic.* 1161a30–1161b2; Аристотель. *Этика* / Аристотель; [пер. Н. В. Брагинской, Т. А. Миллер]. М.: АСТ, 2010. С. 222–224.

² Porph. *De abst.* III. 20; Порфирий. *Сочинения* / Пер. с др.-греч. Т. Г. Сидаша. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2011. С. 176–181.

Хрисипп утверждает, что справедливость по отношению к животным невозможна. Он пишет: «...между нами и другими живыми существами справедливости быть не может, потому что мы и они слишком несхожи (так говорят Хрисипп в I книге «О справедливости» и Посидоний в I книге «О надлежащем»).³

Стоики, согласно учению Аристотеля, отрицали наличие у животных разума (*logos, logismos*), придавали этому вопросу моральное значение, акцентируя внимание на биологическом аспекте разумности животных. Отношение к животным в этике стоиков выражалось через концепцию «родства, связи, принадлежности» (*oikeiôsis*). Античный стоицизм стремился подчеркнуть принципиальную разницу между иррациональными животными и рациональными людьми, следовательно, если животные совершенно отличаются от людей, то нет необходимости воздерживаться от их использования в интересах человека.

Однако такие мыслители, как Плутарх и Порфирий, пытались продемонстрировать, что рациональность животных — это не вопрос ее наличия или отсутствия, а скорее вопрос степени рациональности.

Таким образом, если окажется, что животные, как предполагали Плутарх и Порфирий, обладают некоторой степенью разумности, и если обладание разумом является критерием, определяющим моральную значимость животных, как того требовали стоики, то возникает вопрос о возможности установления *справедливых* отношений между человеком и животным, и вопрос о том, что именно означает термин справедливость применительно к межвидовым отношениям. Некоторые мыслители даже задавались вопросом, способны ли животные иметь понятие о справедливости, применять это понятие при взаимодействии не только с себе подобными, но и с людьми.

³ Diog. Laert. *Vit.* VII.129; Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / 2 изд., испр. М.: Мысль, 1986. С. 284–285.

ALINA SEVASTIANOVA, CSc in Philosophy; St.
Petersburg State University of Veterinary Medicine
(Санкт-Петербург, Russia), Lecturer

A DIALOGUE ON JUSTICE: THE TREATMENT OF ANIMALS IN THE PHILOSOPHY OF ARISTOTLE AND THE STOICS

The question of the presence of reason in animals has significant practical implications for the lives of humans, let alone animals. Since antiquity, the thesis that only humans are rational has been used as a basis for asserting the moral superiority of humans and as a justification for excluding other animal species from being moral agents whose interests should be given equal ethical consideration. Much of the reasoning about animal intelligence has been based on the assumption that rationality itself endows those who possess it with moral significance. The paper examines the treatment of animals in Aristotelian philosophy and Stoic ethics, focusing on questions of animal rationality, their moral significance, and the possibility of a just relationship between humans and animals.

Keywords: animal ethics, animal rationality, moral status of animals, ancient ethics

ВОЕВОДА ДАРЬЯ ВИКТОРОВНА, Русская христианская
гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского
(Санкт-Петербург, Россия), аспирант

ПОНЯТИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОГО В АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФИИ КАК ПЕРСПЕКТИВА ВОЗНИКНОВЕНИЯ КАТЕГОРИИ ЛИЧНОСТИ

Теоретическое осмысление идеи индивидуализации человека начинается с древних греков. В этом отношении А. Ф. Лосев выделяет значимость атомистской теории Демокрита, которая раскрывает вечные принципы индивидуального бытия античного человека. В античной культуре индивидуумы (индивиды) понимаются как отдельные частицы — «атомы» (в переводе с греческого языка «неделимый»), которые вместе могут образовывать

вещи, материю, человека. Превосходство мысли Демокрита, над предыдущими философскими концепциями в том, что философ вводит понятие неделимости, чтобы не превратить бытие в мираж. Так человек мысленно индивидуализирует себя от всякой другой вещи, будучи неотъемлемой частью античного космоса. Понятие индивидуальность как принцип индивидуализации человека появляется в античной философии и литературе. С. С. Аверинцев отмечает, что греческие произведения имеют авторство, что демонстрирует индивидуальность, опосредованный объективный тип коммуникации древних греков. Но, античная культура была еще далека от осознания диалога «я — ты», который был свойственен культуре народов Ближнего Востока. Античная культура, в синтезе с ближневосточной культурой подготавливают почву для возникновения категории личности в будущей, христианской культуре.

Ключевые слова: индивид, индивидуальность, личность, античная культура, христианская культура, Демокрит, А. Ф. Лосев, С. С. Аверинцев

Историческое становление христианства связано с античной древностью. Понятийный аппарат и идеи греческой философии нашли свое применение в христианской традиции. В античности формируется вектор исторического развития европейского общества, направленного к обособлению человека, развитию его самостоятельности.

Понятия индивид и индивидуальность берут свое начало в античной культуре. В античной культуре индивидуумы (индивиды) понимаются как отдельные частицы — атомы, которые вместе могут образовывать вещи, материю и человека тоже, потому что «атом» в античном понимании мира является частью космоса, природы. Античная культура основана на принципе объективизма — и так гласит первый тезис античной культуры, который выводит А. Ф. Лосев. Индивидуум — это вечная неразрушимая вещь, атом. Термин «атом» тождественен термину «индивидуум», что переводится как «неделимый». А. Ф. Лосев в «Истории античной эстетики»

передает характеристику античного атома — индивидуума, которую в своей философской концепции мироздания разрабатывает античный философ Демокрит. Еще один перевод слова «Атомы» — «идеи», «то, что видно». Атомы — это неделимые вещества, фрагменты целого, конкретизированы до степени индивидуального бытия. Это вечные принципы индивидуального бытия. Физическое качество атома и его геометрические структуры едины. Атомы находятся в постоянном непрерывном движении. Предмет, который невозможно разрушить, так как он оригинален и самостоятелен. Индивидуум есть вещь, данная в ее четком отличии от других вещей и от всего окружающего. Атом неразрушим и не поддается никакому воздействию извне, значит, атом есть индивидуум. Индивидуум определяется только через себя самое. А. Ф. Лосев отмечает, что само понятие неделимости было введено атомистами именно ради того, чтобы возможность бесконечного деления данного тела не превратила его в ничто, не превратила бы все бытие в мираж. Превращение бытия в мираж было уязвимым местом для предыдущих философских концепций Элейской и Милетской Древнегреческой школ. Поэтому А. Ф. Лосев отмечает превосходство мысли Демокрита и видит в ней развитие мировоззрения античного человека.

Античный «Атом» также можно выразить понятием «индивидуальность». В более позднем своем произведении в «Воспоминаниях» А. Ф. Лосев, говоря об индивидуальности, опирается на атомистскую философию Демокрита: «индивидуальность ничем нельзя объяснить, потому что даже бесконечный причинный ряд каждый раз объясняет в индивидуальности какую-нибудь одну ее сторону. Индивидуальность объяснима из себя самой. Даже Демокрит, впервые пожелавший изобразить индивидуальности, представил их как неделимые атомы». Очевидно, здесь под атомами — индивидуумами А. Ф. Лосев имеет в виду и индивидуальности, но, безусловно, индивидуальности — это нечто большее и сложное. Индивидуальность — это целостность, формирующаяся в постоянной подвижности человека, процесс постоянного уникального самопреобразования. А. Ф. Лосев

не называет атомизм Демокрита индивидуализмом в нашем сегодняшнем понимании. «Демокрит не является индивидуалистом», но в своей атомистской теории Демокрит, а вместе с ним и вся античная философия, вышли на новый уровень в своем развитии: «Весь мир, действительность и человек уже не являются чем-то всеобщим и универсальным».

Понятие индивидуальность как принцип индивидуализации человека появляется в античной философии и литературе, античная индивидуальность не соответствует личностной христианской онтологии. Особенности категории индивидуальности как принцип индивидуализации античного человека раскрывает мыслитель С. С. Аверинцев. Он сопоставляет Древнегреческую культуру с культурой Востока. В Греции литература впервые представлена именно литературой, то есть самозамкнутой формой человеческой деятельности, более того Демокрит и Аристотель допустили рефлексию над результатами своей национальной литературы: Демокрит написал сочинения «О поэзии», «О Гомере», «О красоте слова», «О благозвучных и неблагозвучных речах» и другие сочинения. По мнению философа С. С. Аверинцева греки — изобретатели, изобрели особый, опосредованный объективный сознательно отдаленный от жизненного общения тип коммуникации через литературу. Греческие произведения имеют авторов, что демонстрирует индивидуальность в полном смысле слова, «некое в себе». Понятие индивидуального «авторства» неизвестно ближневосточной литературе. Авторство на Ближнем Востоке замещает понятие личного «авторитета». Греческая литература противопоставляла себя «стихийному экстастическому «вещанию» пророков» восточных народов.

Понятие «личности» ближе восточным культурам, так как на христианском востоке человек всегда находится в состоянии диалога «я — ты». Восточный человек никогда не бывает один, даже в Библии, всегда рядом кто-то есть, если нет других людей, то есть Бог, который чаще всего утешает человека. Каждое слово в Библии говорится внутри жизненного общения горящего со своим Богом. В древнееврейской литературе много «личностей», но нет ни одной «индивидуальности».

«Личностью» человек бывает — или не бывает — независимо от того, что он о себе думает, в качестве «индивидуальности» он самоопределяется или не самоопределяется в своем сознании». Самоопределился по мнению С. С. Аверинцева — это значит провести мысленный предел между собой и не собой, осознать себя неделимым и от всего отдельным, равный себе самому «атом». Поэтому «личность» может быть и коллективной, между тем как «коллективная индивидуальность» просто нонсенс. Так мы видим, что понятие «личности» в ближневосточной культуре не соответствует христианской новозаветной мысли, а только подготавливает почву для ее становления в синтезе с античной культурой. Здесь усматриваются перспективы возникновения личности в будущей — христианской культуре.

DARIA VOEVODA, Russian Christian Academy for the
Humanities (Saint Petersburg, Russia), Student

**THE CONCEPT OF THE INDIVIDUAL
IN ANCIENT PHILOSOPHY AS AN ORIGIN
OF THE CATEGORY OF PERSONALITY**

The historical formation of Christianity is connected with ancient antiquity. The conceptual apparatus and ideas of Greek philosophy have found their application in the Christian tradition. In antiquity, the vector of the historical development of European society is being formed, aimed at the isolation of man, the development of his independence. A. F. Losev highlights the importance of the atomistic theory of Democritus. In ancient culture, individuals (individuals) are understood as separate particles — “atoms,” translated from Greek, “indivisible,” atoms form things, matter, and human. The ancient Greek philosopher introduces the concept of indivisibility in order not to turn existence into a mirage. This is how a person mentally individualizes himself. The concept of individuality as a principle of human individualization appears in ancient philosophy and literature. Ancient Greek works have authorship, which demonstrates individuality.

Keywords: individual, individuality, personality, ancient culture, Christian culture, Democritus, A. F. Losev, S. S. Averintsev

ТИМОФЕЕВА ЕЛИЗАВЕТА ПАВЛОВНА, кандидат исторических наук, доцент; СПб ГБПОУ Академия машиностроения им. Ж. Я. Котина (Санкт-Петербург, Россия), старший преподаватель

АКАДЕМИЯ ПЛАТОНА: ВОЗНИКНОВЕНИЕ, УСТРОЙСТВО, НАСЛЕДИЕ

Доклад посвящен философской школе Платона — Академии, в ранний период ее существования. В центре внимания проблемы, связанные с созданием, расположением, внутренним устройством, структурой, изучаемыми предметами, образовательными методами, известными учениками школы. Особая роль математики, а, впоследствии, астрономии в процессе обучения, диалектический метод, научные изыскания самого мэтра и академиков. Знаменитая философская дискуссия об идеях, заставившая одних учеников Платона отказаться от нее, а других модифицировать эту теорию. Научная полемика относительно статуса школы — философская или политическая. Педагогические идеалы Платона в диалоге «Государство» и их практическое воплощение. Кризис полиса. Поиск путей выхода из политического кризиса путем формирования, обучения будущих политических деятелей. Философское и педагогическое наследие Платона.

Ключевые слова: Академия Платона, устройство, Платон, ученики, методы, политика

Платон как философ, основоположник идеализма, по праву занимает почетное место в истории науки. Одним из проявлений творческого потенциала этого выдающегося человека стало создание своей философской школы, практического воплощения его педагогических замыслов.

Основание Академии большинство исследователей, за редким исключением, относят примерно ко времени возвращения Платона из первого путешествия на Сицилию (ок. 387 г. до н. э.). Согласно Диогену Лаэртскому, встреча философа с сицилийским тираном, Дионисием Старшим, едва не закончилась трагически — разгневанный правитель Сиракуз

сперва хотел казнить Платона, но потом повелел продать его в рабство. Анникерид Киренский выкупил философа, препроводил в Афины к друзьям, которые пытались вернуть ему потраченные деньги, но Аннекирид не только их не взял, но еще и приобрел на них Платону сад в Академии (Diog. Laert. III.20). В то время это был участок земли, обнесенный стенами, в километре с небольшим от Дипилонских ворот, посвященный герою Академу, откуда и возникло название школы впоследствии, представлял собой орошаемую рощу с искусно проведенными дорожками для бега и тенистыми аллеями.

Впоследствии, Академия отстраивалась и меняла свой облик — была построена палестра, во дворе которой проходили спортивные занятия, появился портик, где проводились философские беседы, был воздвигнут алтарь Муз со статуями, поскольку любой философский союз в то время имел официальный статус товарищества для совместного поклонения музам. Также известно о почитании в Академии Аполлона, Эроса и прочих богов. Ряд ученых считают, ссылаясь на Диогена Лаэртского (Diog. Laert. III.2), что после смерти Платон был обожествлен и его день рождения отмечали в один день с Аполлоном, что связано с легендой о рождении философа от бога.

Культы играли немаловажную роль в жизни академии и академиков — возможно, это была дань статусу школы, местонахождению. Отражалось это в проведении регулярных празднеств, во время которых совершались жертвоприношения, а после пиршества. Как часто они происходили — судить сложно. Одни исследователи полагают — раз в месяц, первого числа, другие считают- регулярно, но без определенной даты.

Создание знаменитых диалогов «Государство», «Законы» и многих других происходило уже во время существования Академии, что наводит на мысли о взаимодействии практической и теоретической сфер в жизни философа. Произведения Платона, уже после его кончины, хранились в академической библиотеке, которой он сам и положил начало, не жалея средств на приобретение книг. Дж. Гроته полагал, что

в последующие времена многие студенты стремились попасть в Академию, чтобы ознакомиться с этими философскими трудами в подлиннике или же со сделанными с них копиями.¹

Академия была центром притяжения как выдающихся мыслителей своего времени, так и молодежи. Ученики стекались к Платону со всего света, как известно, однако, не всех он был готов принять. Так, известен случай с Евдоксом, еще совсем юным, находившимся в стесненных обстоятельствах, обратившегося к Платону и получившего холодный прием. Спустя годы, прославившись, Евдокс будет принят. Возьмем на себя смелость допустить, что философская школа не была открыта для всех. Многие исследователи полагают, что учениками Академии были молодые состоятельные аристократы.

Вопрос оплаты обучения при этом, не стоял перед Платоном. Он был богатым человеком. Хотя упоминания об этом (отсутствие платы) редки — например, в письме Дионисия Младшего к Спевсиппу.

Если мы обратимся к именам учеников Академии, то обнаружим не мало парадоксов... Удивительная судьба Евфрея Орейского, достигшего вершины могущества при дворе Пердикки и погибшего в борьбе за независимость при Филиппе, трагедия, связанная с именем Клеарха, тирана Гераклеи Понтийской, убитого двумя другими учениками Платона — Хионом и Леоном, взлет политической карьеры Херона из Пелены, ставшего олимпийским чемпионом и получившего в качестве благодарности от Александра высшую власть в родном городе — около 331 г. до н. э., коварство Тимея (или Тимолая) из Кизика, снискавшего доверие своих сограждан раздачами зерна и золота и установившего впоследствии жестокую тиранию.... Из Академии выходили как будущие тираны, так и тираноубийцы.

В то же время, выпускниками школы стали известные, впоследствии, ораторы, ученые. Знаменитейшим выпускником Академии был Аристотель, прославившийся как философ,

¹ Grote G. *Plato and the other companions of Socrates*. Vol.1. L., 1865, p. 135

однако, также не оставшийся в стороне от политики — став воспитателем Александра Македонского, создателем «Афинской политии» и тем, благодаря кому мы по сей день используем термин «политика».

Возможно, не преуспев на политическом поприще (три поездки на Сицилию, к тиранам Сиракуз), но не оставив надежд на создание более совершенного государственного устройства, Платон стремился реализовать свои идеи через учеников.

«Загадка Ранней Академии» — так назвал свой труд Гарольд Чернисс, что как нельзя лучше отражает все то, что будоражит исследователей и по сей день.²

Множество вопросов, ответы на которые, собранные по крупицам из разных источников, то представляются очевидными, то совершенно неверными... Вот лишь некоторые из них: были ли жилые постройки, гостевые и для учеников, какие предметы преподавались в Академии, была ли стройная образовательная система, были ли открытые лекции или лишь одна — «О благе», методы обучения и многие другие.

ELIZAVETA TIMOFEEVA, CSc in History, Associate
Professor; J. Kotin Manufacturing Academy (Saint-
Petersburg, Russia), Senior Lecturer

PLATO'S ACADEMY: EMERGENCE, STRUCTURE, HERITAGE

The report is devoted to Plato's philosophical school, the Academy, in the early period of its existence. In the center of attention are the problems related to the creation, location, internal arrangement, structure, studied subjects, educational methods, known students of the school. The special role of mathematics and, later, astronomy in the learning process, the dialectical method, scientific research of the maestro himself and academicians. The famous philosophical discussion about ideas, which made some of Plato's students abandon it, and others modify this theory. The academic controversy over the status of the school, philosophical or political. Pla-

² Cherniss H. *The Riddle of the Early Academy*. Chicago, 1945.

to's pedagogical ideals in the dialog "The State" and their practical realization. The crisis of the polis. Search for ways out of the political crisis through the formation, training of future politicians. Plato's philosophical and pedagogical heritage.

Keywords: Plato's Academy, structure, Plato, students, methods, politics

СЕРКОВА ВЕРА АНАТОЛЬЕВНА, доктор философских наук, профессор; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Россия), профессор

РЕАЛЬНОЕ И ВИДИМОЕ В КОНСТРУИРОВАНИИ СМЫСЛОВ В СОКРАТИЧЕСКОЙ МАЙЕВТИКЕ*

В диалогах Платона Сократ выведен стратегом, победителем в битвах с многочисленными своими протагонистами, с которыми он вступает в философские баталии. Сократ разработал множество тактических способов ведения агона: иронические маневры, метод майевтики, метод сомнения, диалектические провокации в процессе конституирования смыслов. Эти тонкие и не всегда очевидные для неискушенного взгляда конструкции необходимы Сократу для того, чтобы преодолеть иллюзорную видимость и утвердиться в порожденном мире подлинных эйдосов, к подлинной реальности. Процесс приобщения к миру эйдосов проходит по аналогии с рождением новой жизни, не случайно Сократ отождествляет его с майевтическим ремеслом (μαίευτική) своей матери Фенареты и использует такие выражения как беременный, тяжелый, неплодный, родить, принимать роды души.

Ключевые слова: реальность, Сократ, майевтика, эйдосы, понимание

* Исследование выполнено в Санкт-Петербургском политехническом университете Петра Великого за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01014, <https://rscf.ru/project/24-28-01014/>

VERA SERKOVA, DSc in Philosophy, Professor; Peter the Great St Petersburg Polytechnic University (Saint Petersburg, Russia), Professor

THE REAL AND THE VISIBLE IN THE CONSTRUCTION OF MEANINGS IN SOCRATIC MAIEUTIC METHOD*

In Plato's dialogues, Socrates is depicted as a strategist, victorious in battles with his numerous protagonists with whom he engages in philosophical battles. Socrates developed many tactical ways of conducting the agon: ironic maneuvers, the method of maieutics, the method of doubt, and dialectical provocations in the process of constitution of meanings. These subtle and not always obvious to the unsophisticated eye constructions are necessary for Socrates to overcome illusory visibility and to establish himself in the corrupted world of genuine eidos. to genuine reality. The process of accession to the world of eidos is analogous to the birth of new life; it is not by chance that Socrates identifies it with the maieutic craft (μαϊευτική) of his mother Phaenarete and uses such expressions as pregnant, heavy, barren, to give birth, to take the birth of the soul.

Keywords: reality, Socrates, maieutics, eidos, understanding

ЯКИМЕНКО АРТЕМ ВЛАДИМИРОВИЧ, кандидат теологии; МРО Приход храма прп. Алексия Человека Божия в Горелово, г. Санкт-Петербург (Санкт-Петербург, Россия), священник; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Россия), аспирант

РЕАЛЬНОЕ В АНТИЧНОЙ ТРАДИЦИИ: ОТ ФИЗИКИ К МЕТАФИЗИКЕ

Современные научные и философские картины мира имеют глубокую историческую основу. Они уходят своими корнями в античную философскую традицию. «Первоначала» физиков, Парменидово «бытие», Плато-

* The research was carried out at Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University with the support of Russian Scientific Foundation project 24-28-01014, <https://rscf.ru/en/project/24-28-01014/>

новский «подлинный мир эйдосов», теория познания Аристотеля и логика стоиков, в их отношениях к «видимому» — отражают современную постановку проблемы реальности. Научные открытия в различные исторические периоды развития науки во многом были обусловлены соответствующими структурами представления о реальности, восходящими к традиции античной философии. Философская мысль древних греков образует фундамент и современного научного знания. Настоящий доклад посвящен рассмотрению соотношения онтологических концепций античной философской традиции со структурой представления о реальности в научных парадигмах в различные исторические периоды развития научного познания (классический, неклассический) и современной философии сознания.

Ключевые слова: реальность, физика, метафизика, первоначало, бытие, Платон, Аристотель, стоики

Современные научные и философские парадигмы уходят своими корнями в античную философскую традицию. Например, проблематика квантовой механики косвенно восходит к вопросу о первоначале (ἀρχή) досократической философии, обратившей внимание на фундаментальную реальность.

Вопрос об ἀρχή античных физиков, является вопросом об *основании* сущего и в этом его отличие от естественнонаучного познания.

Ключевую роль в проблеме «первоначала» досократической философии играло понятие φύσις.

Древнегреческий φύσις означает не просто природу как нечто оформленное, воспринимаемое органами внешних чувств, а как, то, что делает вещь тем, что она есть.

Со временем φύσις превращается в «физику», науку о природе, где природа любого сущего познается не в его целостности, а путем разделения его на бесконечно возможное количество частей. Основание такого подхода к познанию «первоначала» положил атомизм Демокрита.

Демокритовский материализм как предшественник материализма Нового времени принципиально отличается от

концепции материи, восходящей к Аристотелю и наследовавшего ему учения неоплатоников, где материя понимается как *не-сущее*, то есть не что-то актуальное, а чистая возможность, актуализирующая бытие в конкретных единичных, феноменально воспринимаемых сущностях.

Демокрит проложил интеллектуальный мост в молекулярную физику, где основанием макроскопических объектов и всей совокупности сущего стали полагать микроскопические неделимые атомы. Наделяя атом, как самую маленькую частицу реальности, свойством неделимости, Демокрит перенёс на него свойство неделимости парменидовского бытия. На основании неделимости и абсолютной плотности атома человеческий разум стал создавать структуру мироздания.

На место ускользающей от восприятия объективной материи, в результате «подрыва» классического естествознания в конце XIX начале XX века, в научный оборот было введено понятие «комплекс ощущений». Наш опыт, который состоит из элементов — ощущений, это и есть мир.

Такое понимание научного познания не было чем-то принципиально новым в истории философии. Тезис Протагора, что «человек есть мера всех вещей» (*Theaet.* 152a), в интерпретации Платона был эквивалентен сведению истины к чувственному восприятию: «ощущение — это всегда ощущение бытия, и как знание оно непогрешимо» (*Theaet.* 151cd).

В такой гносеологической парадигме реальность формируется в соотношении с воспринимающим её субъектом.

Аристотель также объясняет процесс получения знания о реальности как оформление чувственных восприятий в представления, из которых умственно извлекаются (абстрагируются) общие признаки, составляющие понятия.

В вопросе познания реальности через органы внешних чувств Аристотелю наследует гносеология стоиков, главным вопросом которой было устройство нашего знания о мире. Источником знания о мире, согласно стоикам, является чувственное восприятие, благодаря которому впечатление о внешнем предмете сохраняется как представление, несущее информационное содержание познаваемого предмета.

Стоики, как и Аристотель, подчеркивали объективный характер познаваемой реальности: все производящее ощущение находится вовне, для того чтобы ощущать, должно существовать ощущаемое. Цель диалектики на стадии познания заключается в том, чтобы из того, что сообщают чувства, вывести заключение, что собой представляет воспринимаемый объект.

Здесь также, как в махизме и у его предшественников эмпириков (Локк, Гоббс, и т. п.), ощущения, получаемые в результате воздействия внешнего мира на органы чувств, являются отправным пунктом познания.

Но, на чем основывается связь между эмпирических опытом и логическими понятиями? Вольфганг Паули полагал, что связь между чувственным восприятием и понятием основывается на том, что душа познающего и познанное им в ощущениях подчинены общему объективному порядку.

В вопросе соотношения двух сторон реальности — идеальной и чувственно-воспринимаемой (как перейти от внутреннего знания к знанию о внешнем мире?) интересен современный подход представленный в философии сознания Дэвидом Чалмерзом, по своей сути, восходящий к парменидовскому отождествлению бытия и мышления, а также к идеальному миру эйдосов Платона. На примере сравнения процесса познания в виртуальной и физической реальности Чалмерз показывает, что для познающего субъекта нет принципиальной разницы какая структура реальности лежит в основе познаваемого предмета: данные вычислительных процессов или квантовые волновые функции. Познается сам *концепт вещи*, ее идеальная сущность, которая и является подлинной реальностью, тогда как ее фундаментальная структура остается для нас *вещью в себе*.

Таким образом, путь от фьюзиса милетских физиков (как первоначала всего сущего) через Демокритовский атомизм к классической физике (как науке о совокупности сущего), в неклассический период развития науки в концепции мира как «комплекса ощущений» оборачивается метафизикой отождествления бытия и мышления. Современная философия сознания, анализируя процесс познания предметов цифровой

и физической (квантово-механической) реальности, также возвращает нас к метафизике идеальных концептов.

ARTEM IAKIMENKO, CSc in Theology; LRO Parish Church of St. Alexy the Man of God in Gorelovo, St. Petersburg (Saint-Petersburg, Russia), priest; Peter the Great St Petersburg Polytechnic University (Saint Petersburg, Russia), Postgraduate

THE REAL IN THE ANCIENT TRADITION: FROM PHYSICS TO METAPHYSICS

Modern scientific and philosophical worldviews have a deep historical basis. They have their roots in the ancient philosophical tradition. The physicists' "first principles," Parmenides' "being," Plato's "true world of eidos," Aristotle's theory of cognition and the logic of the Stoics, in their relations to the "visible" — reflect the modern formulation of the problem of reality. Scientific discoveries in various historical periods of the development of science were largely conditioned by the corresponding structures of the representation of reality, dating back to the tradition of ancient philosophy. The philosophical thought of the ancient Greeks forms the foundation of modern scientific knowledge as well. The present paper is devoted to the consideration of the correlation between ontological concepts of the ancient philosophical tradition and the structure of the representation of reality in scientific paradigms in different historical periods of development of scientific cognition (classical, non-classical) and modern philosophy of consciousness.

Keywords: reality, physics, metaphysics, original, being, Plato, Aristotle, Stoics

ХМАРА ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ, Русская христианская гуманитарная академия (Санкт-Петербург, Россия), старший преподаватель

АЛЕКСАНДРИЙСКАЯ ФИЛОСОФСКОЕ ШКОЛА КАК ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО

Рассматривая философию поздней античности, центры ее формирования, нельзя обойти вниманием такой город как Александрия. Действительно, исторические условия способствовали формированию социальных, экономи-

ческих, культурных факторов, приведших оформлению своеобразной интеллектуальной традиции, не только воспринявшей многие идеи, собственно, античной философии, но и переработав их — оказавшей влияние на становление дальнейшей философской и богословской мысли. При этом, в работе с александрийской мыслью, вводя в оборот понятие «школа», чаще всего подразумевают круг авторов и их текстов, реконструируя их преемственность и фиксируя разрывы между ними. В заявленном докладе, однако, предполагается обратить пристальное внимание на те «будни», повседневные условия формирования и осуществления этой мысли, которые, как известно, были связаны с топосом «образовательного пространства», определяющего специфический характер взаимодействия и связей.

Ключевые слова: александрийская школа, философия поздней античности

IGOR KHMARА, Russian Christian Academy for the Humanities (Saint Petersburg, Russia), Assistant Professor

ALEXANDRIAN PHILOSOPHICAL SCHOOL AS THE EDUCATIONAL SOCIETY

The history of the late Antiquity philosophy is connected with such large city as Alexandria. The historical circumstances provided origins social, economical and cultural factors, which were the base for the forming of the specific intellectual tradition. This one was not only the inheritor for the antiquity philosophy, but also was synthesis that had impact to the next philosophical periods. But in this case scholars are using the notion “school” for the authors and their texts space, reconstructing their continuity and discontinuities. In the report, however, it is supposed to pay close attention to those “everyday life,” the everyday conditions for the formation and implementation of this philosophy, which, as is known, were associated with the topos of the “educational space,” which determines the specific character of interaction and connections.

Keywords: Alexandrian school, late antiquity, philosophy

ДМИТРОВ ИГОРЬ ИГОРЕВИЧ, Военно-морская академия им.
Адмирала Флота Советского Союза Н. Г. Кузнецова
(Санкт-Петербург, Россия), преподаватель

**ПЛАТОНОВСКАЯ НАУКА РАЗУМА КАК
ЦЕЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ ДУШИ: В ПРОШЛОМ,
НАСТОЯЩЕМ И БУДУЩЕМ**

С точки зрения Платона, разумное состояние души характеризуется тем, что в нём она начинает познание прямо с *идеи* своего предмета и, проходя через её многочисленные, но не бесконечные по числу определения, *идеи* же и заканчивает. Поэтому и *наука разума*, которую Платон называет *диалектикой*, может быть только *одна*. Диалектический метод есть повторный путь — путь по тому пути, который проторила для себя сама истина. Диалектик же есть тот, кто встал на путь истины и следует по нему — идёт по тем следам, или определениям, которые, следуя своим путём, оставила *единая идея*. Истина есть процесс, замкнутый в ней самой — движение в покое и покой в движении, иными словами, вечное неподвижное самодвижение. Поэтому и разумное, или диалектическое мышление по необходимости тоже есть процесс, тождественный процессу истинной бесконечности самодвижения, имеющему начало и конец в себе самом. Поскольку сам процесс истины не уходит в дурную бесконечность, лишённую конца, а имеет конечное число определений, постольку этот путь изначально закончен, завершён. Он есть завершённый, или совершённый, совершенный путь — тот бесконечный путь, который можно и нужно пройти от начала до конца. Так как этот путь образует замкнутую *систему* определений, работа диалектика имеет начало и конец, совпадающий с началом. Вот почему диалектика есть, согласно Платону, единственная завершённая, или совершенная наука, *единая наука о едином*.

Ключевые слова: Платон, диалектика, система, метод, наука разума, идея, философия образования

Согласно Платону, трудность приобщения к диалектике заключается в том, чтобы от уподобления через веру и рассудок возвыситься до всеобщей цели образования человеческой

души — до *разумного способа мышления*. Приобщиться к ней может только философ, ибо, по словам Платона, именно он больше всего любит истинную мудрость и стремится исключительно к ней, преодолев в своём становлении философом все необходимые для этого ступени воспитания души.

Каждое состояние человеческой души даёт столько достоверности, сколько есть истины в том, к чему душа в этом состоянии относится. Предметы веры истиннее предметов уподобления, или чувства, предметы рассудочного мышления более истинны, чем предметы веры, но самой истиной выступает только предмет диалектики. Он, в отличие от предметов мнения и технического рассудка, есть не многое, а в себе самом вполне определенное *единое* — единая идея, раскрывающаяся в конечном множестве своих эйдосов.

По Платону, не научившись мыслить рассудочно, нельзя научиться мыслить разумно, однако без разума рассудок не в состоянии не только достичь своих истинных целей, но и поставить их перед собой. Философ замечает, что рассудочные науки его времени имеют отнюдь не тот вид, в каком они годятся для того, чтобы вести нашу душу к диалектике. Он даже указывает, что звание наук для них не вполне подходит, так как не может быть настоящей наукой то, начало и конец чего произвольны. Рассудочные техники, или искусства лишь на треть, только в своей доказательной части являются научными, отчего арифметика, геометрия, астрономия и музыка нуждаются в развитии, имеющем философскую перспективу, в результате которого им предстоит раскрыть в реальности своих конечных предметов их бесконечное идейное содержание. Тем, кто хочет сделать искусство счёта наукой, ведущей к философии, необходимо, как пифагорейцам, научиться мыслить единую природу всех чисел. Чтобы из геометра стать философом, надлежит возвыситься до мышления единой природы всех геометрических фигур. Философская наука геометрии учит не множеству аксиом и теорем, а лишь одному — разумному мышлению абсолютно невидимой, не имеющей внешнего вида фигуры, идею фигуры как таковой. Если речь идёт о философской астрономии, то её предмет — идея дви-

жения как такового, а не мыслимые законы видимого движения небесных тел. Наконец, музыка как наука, имеющая ту же философскую направленность, должна научить душу разумно мыслить идею гармонии. Таким образом, философское образование рассудка имеет цель подготовить человеческую душу к разумному мышлению единого как такового. Поэтому все философски преобразованные рассудочные техники являются необходимой предпосылкой диалектики. Рассудок философа направляет все стремления его души к разуму, от многого — к единому как таковому, ибо философом является только тот, кто во множестве различных чисел, фигур, движений и звуков увидит умом единое как таковое, или, как говорит Платон, *беспредпосылочное, негипотетическое начало*.

IGOR DMITROV, Naval Academy named after Admiral
of the Fleet of the Soviet Union N. G. Kuznetsov
(Saint-Petersburg, Russia), Lecturer

PLATONIC SCIENCE OF INTELLIGENCE AS THE GOAL OF SOUL EDUCATION: IN THE PAST, PRESENT AND FUTURE

From Plato's perspective, the rational state of the soul is characterized by the fact that it begins its cognition directly from an idea of its object, and, through numerous but not infinite definitions, it ends with the same idea. This means that there can only be one science of reason, which Plato refers to as dialectics. The dialectical method is a path that follows the path truth itself has taken. A dialectician is someone who has embarked on this path and follows it, following the traces or definitions that a single idea leaves behind as it moves through its own path. Truth is a self-contained process, a movement at rest and a rest in motion, or in other words, an eternal, immobile self-movement. Therefore, rational or dialectical thinking is necessarily a process that is identical to the true infinity of self-movement that has a beginning and an end within itself. Since — the process of truth does not go on infinitely without an end, it has a finite number of definitions. To the extent that this process is initially completed, it is the perfect path — the endless path that must be traversed from beginning to end. This path forms a closed system of definitions, so the

work of the dialectician has a beginning and end that coincide with each other. That is why Plato considered dialectics to be the only complete science, the only science of the One.

Keywords: Plato, dialectics, system, method, science of intelligence, idea, philosophy of education.

ГРИГОРЬЕВА МАРИНА ПЕТРОВНА, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия), аспирант

ΑΚΡΑΣΙΑ: ΜΑΣΚΑ ΝΕΒΕΖΕΣΤΒΑ ΙΛΙ НЕВОЗМОЖНОСТЬ ΕΥΔΑΙΜΟΝΙΑ

Согласно Аристотелю, счастье (εὐδαιμονία) — это конечная и главная цель человека. Вопрос о том как стать счастливым, Аристотель сводит к более общей проблеме мудрости. Счастливое состояние предполагает практическое знание. В этом контексте важным оказывается осмысление понятия φρόνησις: является φρόνησις целью или средством. Аристотель считает необходимым для практического знания сочетание достоинства интеллекта и характера, определяющих индивидуальный выбор в каждом конкретном случае. В VII книге Никомаховой этики речь идет о таком явлении как ἀκρασία, это термин, который принято переводить как недостаточность воли. С виртуозностью, являющейся «светлое безумие греческого разума» [Бибихин], Философ рассуждает о том, что, обладая знанием, человек способен совершать неправильные поступки. Это явление вызывает нетривиальный интерес и побуждает ко многим комментариям. Если разум ведет нас к счастью, то возникает вопрос о том, как же обладая истинным знанием, человек способен доставить себе неприятности. О феномене ἀκρασία Аристотель говорит противоречиво, с одной стороны ἀκρασία — это отсутствие контроля, а с другой стороны, это недостаток знания, то есть форма невежества, и следовательно утверждение Сократа о тождестве знания и добродетели не так уж и необоснованно [NE VII 3]. Исследователи предпринимали попытки разрешить парадокс, в центре которого был Сократ,

чью сторону Аристотель периодически поддерживает [P. Destrée]. Мнения разделились, и Аристотеля подвергли критике за то, что он дал понятию ἀκρασία двусмысленное объяснение. Возникло два взгляда на осмысление текста Аристотеля, в первом случае утверждается, что Аристотель согласен с позицией Сократа, во втором — Аристотель с иронией воспринимает Сократа. Следуя воззрениям Аристотеля относительно устройства души, представляется вполне возможным примирить противоречивые концепции, рассмотрев их пределы.

Ключевые слова: Аристотель, Платон, *akrasia*, *phronesis*, *eudaimonia*

MARINA GRIGOREVA, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), Postgraduate

***AKRASIA: THE MASK OF IGNORANCE
OR THE IMPOSSIBILITY OF EUDAIMONIA***

According to Aristotle, happiness is the ultimate and main goal of man. Aristotle reduces the question of how to become happy to a more general problem of wisdom. A happy state presupposes practical knowledge. In this context, it is important to understand the concept of φρόνησις. Aristotle considers it necessary for practical knowledge to combine the dignity of intelligence and character. In the *Nicomachean Ethics*, Aristotle talks about such a phenomenon as ἀκρασία. With a virtuosity that shows the “bright madness of the Greek mind,” the Philosopher argues that, having knowledge, a person is capable of doing wrong things. If reason leads us to happiness, then the question arises as to how, with true knowledge, a person is able to cause himself trouble. Aristotle speaks inconsistently about the phenomenon of ἀκρασία, on the one hand, ἀκρασία is a lack of control, and on the other hand, it is a lack of knowledge, and therefore Socrates’ statement about the identity of knowledge and virtue is not so unreasonable. Researchers have attempted to resolve the paradox centered on Socrates, whose side Aristotle periodically supports. Opinions were divided, and Aristotle was criticized for giving the concept of ἀκρασία an ambiguous

explanation. Two views have emerged on the interpretation of Aristotle's text, in the first case it is argued that Aristotle agrees with Socrates' position, in the second — Aristotle ironically perceives Socrates. Following Aristotle's views on the structure of the soul, it seems quite possible to reconcile contradictory concepts by considering their limits.

Keywords: Aristotle, Plato, *akrasia*, *phronesis*, *eudaimonia*

МУРСКИЙ ВАДИМ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ, кандидат философских наук; Русская христианская гуманитарная академия (Санкт-Петербург, Россия), доцент

ВАРИАНТЫ ОТНОШЕНИЯ МЫШЛЕНИЯ К ВЕЩАМ В АНТИЧНОСТИ

Доклад посвящен теме отношения мышления к вещам в античности. Тема эта далеко не тривиальна и, на мой взгляд мало изучена. Видимость тривиальности этой темы создает многовековое безраздельное господство аристотелевского подхода к этой проблеме сначала в средневековой, а потом и в новоевропейской традиции. Такого господства, что даже критика аристотелевской логики, которую проводил, например, Гегель, осуществлялась им всецело внутри все той же аристотелевской парадигмы. Аристотелевский подход можно свести к двум моментам: 1) к признанию существования единичных вещей с одной стороны и 2) возможности описания, определения и познания их сущности при помощи категорий рода и вида с другой стороны. В докладе проводится анализ альтернативных античных подходов мышления к вещам.

Ключевые слова: мышление, логика, вещи, идея, Антисфен, Платон, Аристотель

VADIM MURSKY, CSc in Philosophy; Russian Christian Academy for the Humanities (Saint Petersburg, Russia), Associate Professor

ATTITUDES OF THINKING TO THINGS IN ANTIQUITY

The report is devoted to the topic of the relationship of thinking to things in antiquity. This topic is far from trivial and, in my opinion, little studied. The appearance of triviality

of this topic creates the centuries-long undivided dominance of the Aristotelian approach to this problem, first in the medieval and then in the modern European tradition. Such dominance that even the criticism of Aristotelian logic, which was carried out, for example, by Hegel, was carried out by him entirely within the same Aristotelian paradigm. The Aristotelian approach can be reduced to two points: 1) to the recognition of the existence of individual things, on the one hand, and 2) the possibility of describing, defining and knowing their essence using the categories of genus and species, on the other hand. The report analyzes alternative ancient approaches to thinking about things.

Keywords: thinking, logic, things, idea, Antisthenes, Plato, Aristotle

ПОЛИКАРПОВА ЛЮДМИЛА ПАВЛОВНА,
независимый исследователь

ПЛАТОН, АРИСТОТЕЛЬ, ЛЕЙБНИЦ, КАНТ, В. С. СОЛОВЬЁВ. ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЕХИ ФИЛОСОФИИ

Модель Универсума Платона уже третье тысячелетие присутствует в поле зрения философии, как наиболее соответствующая реальности. основополагающие положения модели: 1) Физический мир, где всё подвержено изменениям, существует благодаря первичному по отношению к нему устойчивому метафизическому Миру Идей; 2) Есть возможность бессмертия души в метафизическом мире. Лейбницем создаётся система, представляющая нечто схожее с системой Платона. В современности преобладает мировоззрение Канта, где значим общечеловеческий прогресс. Кант исключает из гносеологии Первую философию, полагая непознаваемость «вещей в себе»: Бога, бессмертия души, целостности мира. Последствием этого явилась переориентация культурной векторности от богоцентризма к антропоцентризму. Теория Всеединства Соловьёва В. С. имеет сходство с моделью Универсума Платона. Соловьёв доказывает, что для человека, как существа метафизического, «метафизическое познание... безусловно возмож-

но». Первая Философия даёт возможность целостного мировоззрения и осознания человеком смысла жизни. Возможность бессмертия души реализуется в самосовершенствовании. Духовно-нравственное оздоровление людей переориентирует историю к преобладанию созидания над разрушением. Такая перспектива развития человека и человечества осуществима, если Первая философия займёт соответствующее ей место среди наук и будет включена в систему образования.

Ключевые слова: Первая философия, метафизика, Всеединство, эпистемология, теоцентризм, антропоцентризм

В построении модели Универсума Платон использовал мысли предшественников: Пифагора, Гераклита, Парменида, Анаксагора. Физический мир, где всё изменяется существует благодаря устойчивому метафизическому Миру Идей, находящегося в связанном, разумно организованном единстве. Идея (*idéa, εἶδος*) метафизического мира — то общее, что является принципом (программой, сущностью) проявления единичного в физическом мире, моделью его построения в статическом и динамическом плане. Видовая сущность одна и та же у всех представителей вида. Это объективное сходство используется для обобщения в процессе познания. Это сходство явилось основанием для создания Платоном непротиворечивой концепции первичности метафизического видового образца по отношению к причастным ему единичным экземплярам. Над Миром Идей возвышается Божество Высочайшего уровня, которое Платон называет Единое. У души человека в виду её метафизичности есть возможность бессмертия в метафизическом мире.

Нашему современнику, знакомому с программированием и принципом функционирования интернета, Мир Идей можно представить, как сеть программ, находящихся в процессе реализации. Это — созданная Творцом, устойчивая, сохраняющая единство, но не застывшая, сеть самореализующихся программ, пронизывающая физический космос.

Метафизический Источник физического мира находится на более высоком уровне и существует вне времени физического космоса, пребывает в вечности. Это и есть вечность

древнего Египта, которая «есть всё бывшее, сущее и будущее», и вечность других религий, в том числе христианства.

Модель Платона была принята многими философами античности. Об этом можно судить по текстам Филона Александрийского, которые свидетельствуют о состоянии платонизма в начале христианской эры. Системное оформление модели предприняли неоплатоники. Проникновение платонизма в христианство в основном происходило благодаря Бл. Августину.

В XVII–XVIII веках в европейской философии появляется направленность к односторонности рационализма и эмпиризма, в оторванности от сущностных первооснов Бытия, которые задавались Платоновской метафизикой. Но и в этот период Лейбниц создаёт целостную мировоззренческую систему, схожую с системой Платона. У Лейбница монады (он использует для определения субстанций кроме неоплатонического термина «монада» и аристотелевский — «энтелехия») играют роль подобную той, которую идеи играют в системе Платона.

Монады как «возможности и сущности, предшествующие существованию (материальных тел) и находящиеся вне их, эти вечные субстанции имеют своё существование... в Боге, посредством которого они и реализуются». Лейбниц видит «основание как сущностей, так и существования в Едином Существе, которое необходимо должно быть более великим и высшим, чем сам мир, и прежде него».

В «Критике чистого разума» Кант пишет: «...не только в области нравственности, где... идеи становятся действующими причинами, но и в области природы Платон справедливо усматривает явные признаки происхождения её [природы] из идей». Но платоновская модель мироустройства не согласуется с основным положением Канта о непознаваемости «вещей самих по себе».

Изучая познавательные способности разума, Кант называет их метафизическими, априорными, независимыми от опыта (под опытом Кант понимает рассудочный синтез чувственных восприятий: опыт зависит от разума, а не наоборот),

т. е. изначально являющимися неотъемлемой природой разума человека. Откуда взялась так закономерно действующая в каждом человеке возможность мышления, становящаяся способностью? Такой вопрос Кант не ставит. Видимо, избегая логичного ответа: возможность мышления и познания человеку дана его Создателем, обладающим Разумом, превосходящим человеческий. Такой ответ является доказательством необходимости Творца. Кант же усердствует в том, чтобы показать, что нет доказательств бытия Бога и бессмертия души, и отказывает чистому разуму в силе и разумности, достаточных для подъема на высоту, с которой можно увидеть мир в целом и человека в его сути, Богом данной. Следствием этого явилось исключение из гносеологии Первой философии и переориентация культурной векторности от богоцентризма к антропоцентризму.

Пифагор, Лао-Цзы, Платон, Филон, Дионисий Ареопагит, Плотин, Боэций, ас- Сухроварди, Фома Аквинский, Данте Алигьери, Фичино Fichino, Лейбниц, Шеллинг, Соловьёв, Трубецкой и многие другие могли мыслить непротиворечиво о метафизических первопричинах, и им открывалась Высшая Реальность.

«Теория Всеединства» Соловьёва В. С. схожа с моделью Универсума Платона. Соловьёв в собрании лекций «София. Начала вселенского учения» говорит о том, что моральная и интеллектуальная потребности человека метафизичны и что для человека как существа метафизического «метафизическое познание, как по свойству своего предмета, так и по свойству познающего субъекта и самого познания, безусловно возможно». Это служит опровержением положения Канта об ограничении познания естественнонаучным опытом.

Первая философия как наука (ἐπιστήμη) о Первоосновах необходима человеку для целостного мировоззрения (современная философия перестала стремиться к целостности знания (ἐπιστήμη)) и для осознания смысла своей жизни. С возвратом Первой философии статуса основополагающей науки (и включения её в систему образования) для человечества открывается возможность переориентировать историю к преобладанию созидания над разрушением.

LUDMILA POLIKARPOVA,
Independent scholar

**PLATO, ARISTOTLE, LEIBNIZ, KANT, V. S. SOLOVYOV.
HISTORICAL MILESTONES OF PHILOSOPHY**

Plato's model of the Universe has been present in the field of philosophy for the third millennium, as the most appropriate reality. The fundamental principles of the model: 1) The physical world, where everything is subject to change, exists due to the stable metaphysical World of Ideas; 2) There is a possibility of the immortality of the soul in the metaphysical world. Leibniz creates a system that represents something similar to Plato's system. In modern times, Kant's worldview prevails, where universal progress is significant. Kant excludes the First philosophy from epistemology, assuming the unknowability of "things in themselves:" God, the immortality of the soul, the integrity of the world. The consequence of this was the reorientation of cultural vector from God-centricism to anthropocentrism. Solovyov V. S.'s theory of Unity has similarities with Plato's model of the Universe. Solovyov proves that for man, as a metaphysical being, "metaphysical cognition ... is certainly possible." The first Philosophy provides an opportunity for a holistic worldview and a person's awareness of the meaning of life. The possibility of immortality of the soul is realized in self-improvement. The spiritual and moral improvement of people refocuses history towards the predominance of creation over destruction. Such a perspective of human development is feasible if the First Philosophy takes its appropriate place among the sciences and is included in the education system.

Keywords: First philosophy, metaphysics, Unity, epistemology, theocentrism, anthropocentrism

СЕКЦИЯ 2: «ПЛАТОНИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ В НАУКЕ И ОБРАЗОВАНИИ ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ»

ПАНТЕЛЕЕВ АЛЕКСЕЙ ДМИТРИЕВИЧ, кандидат исторических наук, доцент; Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), доцент

ПРАКТИЧЕСКАЯ ЭТИКА СРЕДНЕГО ПЛАТОНИЗМА: ТЕМА БОГАТСТВА В «ЖИЗНЕОПИСАНИЯХ» ПЛУТАРХА

Для Плутарха образцовый государственный деятель создает или восстанавливает гармонию внутри государства и стремится к идеалу (to kalon). Важной частью мастерства политика является управление собственным домом; город можно рассматривать как совокупность отдельных хозяйств, и способности политика можно оценить по его умению управлять как своим собственным домом, так и всем полисом, избегая конфликта интересов. Плутарха всерьез не занимала тема богатства всего государства или отдельных людей, но время от времени он касался ее в «Жизнеописаниях». Особое внимание в докладе уделяется биографиям Солона, Аристида, Кимона, Перикла, Никия, Катона Старшего, Красса, Лукулла. Для Плутарха стремление к наживе — порок, похвалы заслуживает правильное использование денег. Он не одобряет погоню за богатством, так как это отвлекает от государственных дел и несет другие опасности. Плутарх далек от мысли, что нужно быть непременно богатым, чтобы заниматься политикой. Эти идеи встречаются и в «Наставлении о государственных делах». Для политика деньги являются лишь одним из инструментов для достижения целей, а для Плутарха как писателя и бедность, и богатство — это средства, с помощью которых можно показать сущность человека. Переходя от вопроса о бедности и богатстве отдельных людей

к обществу в целом, Плутарх полагает, что государство не обязательно должно быть большим или богатым, чтобы его граждане жили счастливо. Богатство приносит с собой роскошь, которая губительна и для отдельного человека, и для государства, так как она приводит к спорам между людьми обеспеченными и нуждающимися.

Ключевые слова: средний платонизм, Плутарх, бедность, богатство, этика

ALEKSEY PANTELEEV, CSc in History, Associate
Professor; Saint Petersburg State University (Saint
Petersburg, Russia), Associate Professor

THE PRACTICAL ETHICS OF MIDDLE PLATONISM: THE THEME OF WEALTH IN PLUTARCH'S *VITAE*

According to Plutarch, an exemplary statesman creates or restores harmony within the state and strives for the ideal. An important part of a politician's skill is managing his own household; a city can be viewed as a collection of individual households, and a politician's abilities can be assessed by his ability to manage both his own household and the entire policy, avoiding conflicts of interest. Plutarch was not seriously interested in the topic of the wealth of the entire state or individual people, but from time to time he touched on it in his Lives. The paper pays special attention to the biographies of Solon, Aristides, Cimon, Pericles, Nikias, Cato the Elder, Crassus, Lucullus. For Plutarch, the pursuit of profit is a vice, and the proper use of money deserves praise. He does not approve of the pursuit of wealth, as it distracts from public affairs and brings other dangers. Plutarch is far from thinking that one must necessarily be rich to engage in politics. These ideas are also found in his Precepts of Statecraft. For a politician, money is just one of tools to achieve goals, and for Plutarch as a writer, both poverty and wealth are the means by which one can show the essence of a person. Moving from the issue of poverty and wealth of individuals to society as a whole, Plutarch believes that the state does not necessarily have to be big or rich in order for its citizens to live happily.

Keywords: Middle Platonism, Plutarch, poverty, wealth, ethics

ПРИХОДЬКО МАКСИМ АЛЕКСАНДРОВИЧ, кандидат философских наук; Приход в честь свт. Николая Мирликийского РПЦ МП (Севилья, Испания), священник; Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта (Калининград, Россия), научный сотрудник

ИСТОРИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КОНЦЕПЦИИ «СЕМЕННОГО ЛОГОСА» У ЕВСЕВИЯ КЕСАРИЙСКОГО*

В докладе рассматривается агиографическая модель святого императора, сформированная Евсевием Кесарийским в его поздних произведениях-энкомиях: «Похвальное слово императору Константину», «Слове о храме Гроба Господня», а также в похвально-биографическом сочинении «Жизнь Константина». Рассматриваются две основные составляющие модели святого правителя: правитель как священный образ и правитель как лицо священной истории. Священный образ Евсевий находит в самой душе императора, отражающей вечные идеи и уподобленной Слову Бога. В аспекте священной истории, василевс выступает как *истолкователь* Слова Бога, являя в своей политике понимание божественного промысла и содействие ему. Христианский император раскрывает логосообразное начало в людях в своей политике, переводя его из онтологически-этической плоскости в сферу эмпирических фактов, в сферу истории.

Ключевые слова: Евсевий Кесарийский, образ, священная история, святость, биография, семенной логос, император Константин

MAXIM PRIKHODKO, CSc in Philosophy; The Parish of St. Nicolas Russian Orthodox Church (Seville, Spain), priest; Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russia), Associate Research Fellow

HISTORICAL INTERPRETATION OF THE CONCEPT OF “SEMINAL LOGOS” IN EUSEBIUS OF CAESAREA**

The article examines the hagiographic model of Holy Emperor, formed by Eusebius of Caesarea in his later encomiastic speeches: “In praise

* Исследование выполнено в БФУ им. И. Канта при поддержке РНФ, проект 22-18-00214, <https://rscf.ru/project/22-18-00214/>

** The research was carried out at Immanuel Kant Baltic Federal University with the support of Russian Science Foundation, project 22-18-00214, <https://rscf.ru/en/project/22-18-00214/>

of Constantine,” “On Christ’s Sepulchre,” as well as in the laudatory biographical work “Life of Constantine.” Two main components of the model of a Holy Emperor are considered: the ruler as a *sacred image* and the ruler as a person of *sacred history*. Eusebius finds the sacred image in the very soul of Emperor Constantine, reflecting eternal ideas and likened to the Word of God. In the light of sacred history, the basileus acts as an “interpreter” of the Word of God, revealing it in his politics, the understanding of divine providence and his place in it. The Christian emperor opens the logos-like principle in people through his deeds, transferring it from the ontological-ethical plane to the sphere of empirical facts, the sphere of history.

Keywords: Eusebius of Caesarea, image, sacred history, holiness, biography, typology, seminal logos, emperor Constantine

ЩЕРБАКОВ ФЁДОР БОРИСОВИЧ, кандидат фило-
софских наук; Российский государственный
гидрометеорологический университет (Гидромет)
(Санкт-Петербург, Россия), доцент

БИБЛЕЙСКАЯ ТИПОЛОГИЯ КАК ПРОИЗВЕДЕНИЕ ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ СОЗНАНИЯ*

В докладе делается попытка рассмотреть библейскую типологию (или же прообразовательное толкование Ветхого Завета) в сопоставлении с иными формами иносказательного понимания текста, принятых в Античности, такими как аллегорическое, символическое, эвгемеристическое толкование. В ряде наших предшествующих работ по этой тематике мы уже пришли к выводу, что все эти виды герменевтических практик восходят к единой герменевтической ситуации сознания, в которую входит актер интерпретации и проводит соответствующие когнитальные процедуры. На наш взгляд, такой феноменологический подход позволяет увидеть не только отличия между указанными видами инакового сказывания смысла, но и усмотреть то общее, что позволяет их рассматривать как всё-таки глубоко

* Исследование выполнено в Балтийском федеральном университете имени И. Канта за счёт гранта Российского научного фонда №22-18-00214, <https://rscf.ru/project/22-18-00214/>

родственные явления. Помимо этого, в докладе рассматривается также ещё одна ситуация сознания, которую мы назвали мифопоэтической, которая позволяет, на наш взгляд, понять многие предпосылки библейской типологии как герменевтического инструмента.

Ключевые слова: анкистрон, библейская типология, герменеума, герменевтическая ситуация сознания, герменевтон, мифопоэтическая ситуация сознания, эрготопия сознания

FEDOR SHCHERBAKOV, CSc in Philosophy; Russian
State Hydrometeorological University (Saint-
Petersburg, Russia), Associate Professor

**BIBLICAL TYPOLOGY
AS A WORK OF THE HERMENEUTIC
SITUATION OF CONSCIOUSNESS***

The report attempts to consider biblical typology (or so-called pro-educational interpretation of the Old Testament) in comparison with the rest forms of the other-speaking understanding of a text which were adopted in Antiquity, such as allegorical, symbolic, and euhemeristic interpretation. In a number of our previous works on this topic, we have already come to the conclusion that all these types of hermeneutic practices go back to a single hermeneuthmic situation of consciousness, in which an actor of interpretation comes and conducts appropriate mental procedures. In our opinion, such a phenomenological approach allows us to see not only the differences between these types of the other-telling meaning's explanation, but also to see what is common, which allows us to consider them as deeply related phenomena. In addition, the report also considers another situation of consciousness, which we called mythopoietic, which, in our opinion, allows us to understand many of the prerequisites of the biblical typology as a hermeneutic tool.

Keywords: biblical typology, hermeneuma, hermeneutic situation of consciousness, hermeneuton, mythopoietic situation of consciousness, ergotopy of consciousness

* The research was carried out at Immanuel Kant Baltic Federal University with the support of Russian Science Foundation, project 22-18-00214, <https://rscf.ru/en/project/22-18-00214/>

БЛИЗНЕКОВ ВЛАДИМИР ЛЕОНИДОВИЧ, PhD; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва, Россия), доцент

**ГЕНЕЗИС ФЕНОМЕНА AMOR DEI
В НЕОПЛАТОНИЗМЕ И ПАТРИСТИКЕ**

В докладе осуществляется анализ генезиса феномена Amor Dei в неоплатонизме и патристике в контексте взаимоотношения двух духовных источников современной европейской культуры — античной онтологии и библейского Откровения. В докладе рассматривается генезис платоновского Эроса в неоплатонизме, в частности в учениях Плотина и Прокла об Эросе в сравнении с платоновским учением об Эросе, которое впервые в истории европейской философии, придает любви характер философской проблемы. В контексте латинского феномена Amor Dei у Аврелия Августина анализируется смысл метафизического синтеза философского феномена Эроса и христианского религиозного феномена Агапэ, а также показывается значение метафизического синтеза Эроса и Агапэ в христианской теологии и средневековой религиозной философии. В докладе также рассматривается учение об Эросе в христианском неоплатонизме Дионисия Ареопагита и анализируется отказ христианского философа-неоплатоника от пути синтеза Эроса и Агапэ, предложенного Аврелием Августином.

Ключевые слова: Эрос, Агапэ, Amor Dei, Бог, человек, благо

VLADIMIR BLIZNEKOV, PhD; Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia), Associate Professor

THE GENESIS OF THE PHENOMENON AMOR DEI IN NEOPLATONISM AND PATRISTICS.

In the report reflects on the genesis of the Amor Dei phenomenon in Neoplatonism and patristics in the context of the relationship between two spiritual sources of modern European culture — ancient ontology and biblical Revelation. The report examines the genesis of Plato's Eros in Neoplatonism, in particular in the teachings of Plotinus and Proclus about Eros in comparison with Plato's doctrine of Eros, which for the first time in the history of European philosophy

gives love the character of a philosophical problem. In the context of the Latin phenomenon *Amor Dei*, Aurelius Augustine analyzes the meaning of the metaphysical synthesis of the philosophical phenomenon of *Eros* and the Christian religious phenomenon of *Agape*, and also shows the meaning of the metaphysical synthesis of *Eros* and *Agape* in Christian theology and medieval religious philosophy. The report also examines the doctrine of *Eros* in the Christian Neoplatonism of Dionysius the Areopagite and analyzes the refusal of the Christian Neoplatonist philosopher of the path of synthesis of *Eros* and *Agape* proposed by Aurelius Augustine.

Keywords: *Eros*, *Agape*, *Amor Dei*, God, human being good

АНТОНЮК МИХАИЛ ВАЛЕНТИНОВИЧ, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), аспирант

**ОПИСАНИЕ ФИЛОСОФСКОЙ ШКОЛЫ
ПЛАТОНА В СИРИЙСКОМ ТРАКТАТЕ
«ПРИЧИНА ОСНОВАНИЯ ШКОЛ»**

Статья посвящена изучению сведений о философской школе Платона, представленных в трактате Бархадбшаббы «Причина основания школ». Цель данной статьи заключается в том, чтобы рассмотреть взгляды автора трактата на Платона и его учение, что, очевидно, отражало общие взгляды представителей Церкви Востока VI-VII вв. на греческие философские школы. Благодаря использованию трудов греческих философов и сирийских богословов, а также используя цитаты Платона в самом трактате, были выявлены важные аспекты, которые характеризуют сформированное отношение к платонической философской традиции. Результаты исследования показали, что взгляды Платона воспринимались внутри педагогической традиции Нисибинской школы во многом через призму Александрийского богословия, а не напрямую. Тем не менее, почтительное отношение к Платону было вызвано еще и тем, что он являлся учителем Аристотеля, учение которого активно насаждалось в педагогическом процессе Нисибинской школы.

Ключевые слова: Александрийское богословие, Аристотель, Бархадбшабба, Нисибинская школа, Платон, сирийская педагогическая традиция

Бархадбшабба, преподаватель Нисибинской школы, описал оригинальную идею о Божественном происхождении педагогической традиции в своем трактате «Причина основания школ» (конец VI — начало VII вв.), которая, начиная от ангелов, была ниспослана людям и передавалась из поколения в поколение вплоть до школы в Нисибине.

По мнению Бархадбшаббы, параллельно существовали две педагогические традиции — истинная и ложная. К истинной он относил традицию, описанную в Ветхом и Новом Заветах. К ложной — представленную через греческую философию и языческие религии. Создателем подобной традиции Бархадбшабба считает Платона.

Будучи представителем антиохийской богословской традиции, Бархадбшабба в первую очередь показывает Платона как учителя Аристотеля, учение которого пользовалось огромным авторитетом.

Тем не менее для автора трактата авторитет Платона не нуждается в оправдании через Аристотеля. По этой причине Платон для Бархадбшаббы предстает как человек, который обладает истинным знанием о Боге и приписывает ему христианские учения, утверждённые на Вселенских соборах, в частности учение о природе Божества и признании Божественной Троицы. При этом Платон описан как учитель не отвергающий почитание идолов.

В трактате дается краткое описание учения Платона о метемпсихозе, а также его взгляды о роли женщин, ошибочно связывая это с традицией манихейства. Бархадбшабба цитирует труды Платона, тем самым демонстрируя знакомство с его учением. Однако это знакомство произошло не напрямую через труды философа, но через преломление александрийской богословской традиции, где значение Платона было весьма высоко.

В трактате подчеркивается важность Платона как главного идеолога ложной педагогической традиции. Однако он представлен не как негативный персонаж, а как положительный, хотя и с элементами осуждения его учения.

MIKHAIL ANTONYUK, Saint Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia), Postgraduate

**DESCRIPTION OF PLATO'S PHILOSOPHICAL
SCHOOL IN THE SYRIAC TREATISE
"THE CAUSE OF THE FOUNDATION OF THE SCHOOLS"**

The article is dedicated to the study of information about Plato's philosophical school, presented in Barhadbshabba's treatise "The Cause of the Foundation of the Schools." The purpose of this article is to consider the views of the author of the treatise on Plato and his teaching, which, obviously, reflected the general views of representatives of the Church of the East in the 6th-7th centuries. on Greek philosophical schools. Through the use of the works of Greek philosophers and Syrian theologians, as well as using quotations from Plato in the treatise itself, important aspects were identified that characterize the formed attitude towards the Platonic philosophical tradition. The results of the study showed that Plato's views were perceived within the pedagogical tradition of the Nisibis school largely through the prism of Alexandrian theology, and not directly. However, the respectful attitude towards Plato was also caused by the fact that he was the teacher of Aristotle, whose teaching was actively propagated in the pedagogical process of the Nisibis school.

Keywords: Alexandrian theology, Aristotle, Barhadbshabba, Nisibis school, Plato, Syriac pedagogical tradition

СЕКЦИЯ 3: «ПЛАТОНИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ В НАУКЕ И ОБРАЗОВАНИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ»

ЧЕРНОГЛАЗОВ ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ, доктор филологических наук; Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), доцент; Социологический институт РАН Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия), ведущий научный сотрудник

ПОЧЕМУ МОНАРХИЯ НЕ ДОЛЖНА БЫТЬ НАСЛЕДСТВЕННОЙ? ВИЗАНТИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ XIII ВЕКА В ИЗЛОЖЕНИИ ГЕОРГИЯ ПАХИМЕРА*

Византийский историк Георгий Пахимер (1242 — ок. 1310) подробно рассказывает о спорах, предварявших возведение на престол Михаила VIII Палеолога. Эти споры, в которых участвовали представители знати и духовенства, вылились в теоретические рассуждения о преимуществах монархии, об изъянах династического принципа престолонаследия и об опасностях двоевластия. Содержание этих прений еще не становилось предметом исследования в контексте византийской политической мысли. В настоящем докладе мы концен-

* Исследование выполнено в Федеральном научно-исследовательском социологическом центре Российской академии наук за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00251 «Византийский Ренессанс: институциональные основания и теолого-метафизические истоки религиозно-политического дискурса второй половины XI-XV вв», <https://rscf.ru/project/23-18-00251/>

трируемся лишь на одном тезисе, высказанном в пользу коронации Михаила Палеолога: императорская власть должна не передаваться по наследству, а служить наградой за добродетель. Анализируются аргументы, подкрепляющие этот тезис, характеризуется их связь с античной традицией. Демонстрируется, что такие рассуждения не типичны для византийской политической риторики XII — XIII вв. Выявляются параллели с текстами XIV в., в первую очередь, с житием Иоанна III Дуки Ватаца, написанным Георгием Пелагонийским.

Ключевые слова: византийская политическая мысль, престолонаследие, Георгий Пахимер, Георгий Пелагонийский, Платон, Аристотель

DMITRI CHERNOGLAZOV, DSc in Philology; Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia), Associate Professor; Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russia), Chief Researcher

**WHY SHOULD MONARCHY NOT BE HEREDITARY?
BYZANTINE POLITICAL THOUGHT OF THE 13TH C.
AS PRESENTED BY GEORGE PACHYMERES***

The Byzantine historian George Pachymeres (1242 — c. 1310) details the debates that preceded the enthronement of Michael VIII Palaiologos. These disputes, in which representatives of the nobility and clergy participated, resulted in theoretical discussions about the advantages of monarchy, the flaws of the dynastic principle of succession to the throne, and the dangers of dual power. The content of these debates has not yet been studied in the context of Byzantine political thought. In this paper we focus only on one thesis in favor of the coronation of Michael Palaiologos: imperial power should not be inherited

* The study was funded by the grant of the Russian Science Foundation No 23-18-00251 “The Byzantine Renaissance: The Institutional Foundations and Theological and Metaphysical Origins of Religious and Political Discourse, Second Half of the 11th-15th Centuries” (Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences), <https://rscf.ru/en/project/23-18-00251/>

but should serve as a reward for virtue. The arguments supporting this thesis are analyzed, and their connection with the ancient tradition is characterized. It is demonstrated that such reasoning is not typical of Byzantine political rhetoric of the 12th — 13th centuries. Parallels with the texts of the 14th century are revealed, first of all, with the Vita of John III Dukas Vatatzes written by George of Pelagonia.

Keywords: Byzantine political thought, succession to the throne, George Pachymeres, George of Pelagonia, Plato, Aristotle

Щукин Тимур Аркадьевич, кандидат философских наук; Социологический институт РАН Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия), научный сотрудник

УЧЕНИЕ НИКИФОРА ВЛЕММИДА ОБ УНИВЕРСАЛИЯХ И ТВОРЧЕСКИХ ЛОГОСАХ*

Выдающийся мыслитель-гуманист Никифор Влеммид оставил после себя не только богословские, экзегетические, литургические, гимнографические и аскетические произведения, но и тексты чисто философского характера — компендиумы, посвященные логическим и физическим вопросам «Сокращенное изложение логики» (Epitome logica) и «Сокращенное изложение физики» (Epitome physica). В этих сочинениях разрабатывается в том числе учение об универсалиях. Если в первом сочинении речь идет о традиционном, восходящем к александрийской школе комментаторов Аристотеля, делении универсалий на существующие «до многого», «во многом» и «после многого», причем первые отождествляются с идеями в Творце, то в «Сокращенном

* Исследование выполнено в Федеральном научно-исследовательском социологическом центре Российской академии наук за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01028 «Георгий Гемист Плифон и место платонизма в философско-богословской традиции Византии середины XI-XV веков», <https://rscf.ru/project/23-28-01028/>

изложении физики» те же самые идеи выступают в качестве творческих действий Бога, творческих логосов. В докладе будет предложено сравнение интерпретации Никифором Влеммидом этих понятий с предшествующей традицией — сочинениями Михаила Пселла, Иоанна Итала, Николая Мефонского.

Ключевые слова: универсалии, логика, физика, логосы, творение, византийская философия

TIMUR SHCHUKIN, CSc in Philosophy; Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russia), Researcher

NIKEPHOROS BLEMMYDES' TEACHING ON UNIVERSALS AND CREATIVE LOGOS*

The outstanding humanist Nikephoros Blemmydes left behind not only theological, exegetical, liturgical, hymnographic and ascetic works, but also texts of a purely philosophical nature — compendiums devoted to logical and physical issues *Epitome logica* and *Epitome physica*. Among other things, the doctrine of universals is developed in these writings. If in the first essay we are talking about the traditional, dating back to the Alexandrian school of commentators of Aristotle, the division of universals into existing “before things,” “in things” and “after things,” and the former are identified with ideas in the Creator, then in the *Epitome physica* the same ideas act as creative actions of God, creative logos. The report will offer a comparison of Nikephoros Blemmydes' interpretation of these concepts with the previous tradition — the writings of Michael Psellos, John Italos, Nicholas of Methone.

Keywords: universals, logics, physics, logos, creation, Byzantine philosophy

* The study was funded by the grant of the Russian Science Foundation No 23-28-01028 “George Gemistus Plethon and the Role of Platonism in the Philosophical and Theological Tradition of Byzantium in the mid-11th-15th centuries” (Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences), <https://rscf.ru/en/project/23-28-01028/>

ДИЛАНЯН КАРИНЭ АЛЕКСАНДРОВНА,

независимый исследователь

**КОСМОЛОГИЯ ПЛАТОНА КАК ИНСТРУМЕНТ
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДУШИ И ОБРЕТЕНИЯ
СВОБОДЫ В ТАЙНОМ ИСЛАМСКОМ
СООБЩЕСТВЕ «БРАТЬЯ ЧИСТОТЫ»**

В лекции обсуждаются космологические и астрологические модели, изложенные в третьем и шестнадцатом трактатах 52-томной Энциклопедии тайного научно-философского общества арабо-мусульманских мыслителей, называвших себя «Братья чистоты», базировавшегося, главным образом, в Басре и Багдаде, в X веке. Основная цель «Посланий» была сугубо педагогическая и была предназначена для распространения философских и научных знаний для искоренения пороков современного им общества, а также доведения до реализации и совершенствования скрытые способности человека, дабы он мог обрести спасение и духовную свободу. Анализируются связи философских и астрологических доктрин «Братьев чистоты» с платоновской моделью строения Вселенной и его концепцией познания космоса как пути к достижению освобождения человеческой души. Также будет рассмотрена политическая модель «государства благих» в изложении «Братьев чистоты» и ее сравнение с «космическим государством» Платона.

Ключевые слова: Братья чистоты, суфизм, Платон, астрологическая модель, космическое государство

Ихван ас-Сафа (Братья чистоты) были анонимными адептами эзотерического братства десятого века, которое базировалось в основном в Басре и Багдаде. Это братство занимало видное место в истории науки и философии ислама благодаря широкому распространению и усвоению их монументальной энциклопедии: «Расаил Ихван ас-Сафа» («Послания братьев чистоты»). Сборник содержал пятьдесят два послания, в которых предлагались объяснения классических наук и философии того времени. Разделенный на четыре классификационные части, он рассматривал темы математики, логики, натуральной

философии, психологии, метафизики и теологии, а также моральные и дидактические сказания. Послания «Братьев», как представителей интеллектуального слоя исламского общества, представляли собой компендиум современных им знаний в философии, теологии и науке. Основная цель «Посланий» была сугубо педагогическая и была направлена на распространение философских и научных знаний для искоренения пороков современного им общества, а также доведения до реализации и совершенствования скрытые способности человека, дабы он мог обрести спасение и духовную свободу.

Практически каждая глава их фундаментального труда указывает читателю, что в этом мире он узник, который посредством познания должен освободиться из своей земной темницы. Науки, и в особенности астрономия, обсуждаются не с целью сугубо теоретической или интеллектуальной интерпретации, но в их практическом приложении, а также с намерением помочь развязать узлы в душе последователя, дав возможность осознать великую гармонию и красоту Вселенной, и, с другой стороны, открыть необходимость выхода человека за пределы материального существования.

В лекции будут проанализированы связи философских и астрологических доктрин «Братьев Чистоты» с платоновской моделью строения Вселенной и его концепцией познания космоса как пути к достижению освобождения человеческой души. Также будет рассмотрена политическая модель «государства благих» в изложении «Братьев чистоты» и ее сравнение с «космическим государством» Платона, как это описано им в диалоге «Государство».

KARINE DILANIAN,
independent scholar

**PLATO'S COSMOLOGY AS A TOOL FOR SOUL
PERFECTION AND GAINING FREEDOM IN THE SECRET
ISLAMIC COMMUNITY "BROTHERS OF PURITY"**

The lecture discusses the cosmological and astrological models outlined in the third and sixteenth treatises of the 52-volume Encyclopedia of a secret scientific and philosophical

society of Arab-Muslim thinkers who called themselves the “Brothers of Purity.” The society was mainly based in Basra and Baghdad in the 10th century. The connections between the philosophical and astrological doctrines of the “Brothers of Purity” and Plato’s model of the structure of the Universe, as well as his concept of cosmic knowledge as a path to achieving the liberation of the human soul, are analyzed. The political model of the “state of the good” as presented by the “Brothers of Purity” will be examined, along with its comparison to Plato’s “cosmic state.”

Keywords: Brothers of Purity, Sufism, Plato, astrological model, cosmic state

СОБОЛЬНИКОВА ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА,
кандидат философских наук, доцент;
Санкт-Петербургский Государственный
химико-фармацевтический университет
(Санкт-Петербург, Россия), доцент

КРИТИКА УНИВЕРСИТЕТСКОЙ СХОЛАСТИКИ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ АНГЛИЙСКОЙ МИСТИКЕ XIV ВЕКА

Большинство исследователей, считают Р. Ролла «мистиком с сильными поэтическими наклонностями», что часто позволяет усматривать в этом «вторичность» по отношению к спекулятивной мистике, хотя богатство и разнообразие текстов Ролла характеризуют его как «подлинного мистика с неизменной преданностью высшему порядку любви». Наибольшее воздействие на Р. Ролла оказали сочинения Ричарда Сен-Викторского, св. Бернарда и св. Бонавентуры, прослеживается и влияние францисканской поэзии. Несмотря на различные мнения о его значимости мистики Ролла, он действительно вел жизнь, посвященную Богу. В молодые годы он учился в Оксфорде, хотя и не окончил его, а по возвращении в Йоркшир стал вести жизнь отшельника, чтобы жить совершенной мистической жизнью «тепла,

сладости и песни», к которой чувствовал в себе призвание, выступив с критикой университетской схоластики.

Ключевые слова: мистицизм, ступени созерцания, Р. Ролл, У. Хилтон, критика схоластики

Возвращение философского интереса к английской мистической традиции позднего Средневековья, представленной авторами благочестивых наставлений в духовной жизни (*goostly leuyng*) — Р. Роллом (ум. 1349), анонимным автором появившегося предположительно в 1375 г. трактата «Облако незнания», У. Хилтоном (ум. 1396) и Ю. Нориджской (ум. 1413), во многом было вызвано ее переоценкой с позиций средневековой монашеской практики духовной жизни *lectio divina*, сохраняющей апофатический потенциал учения о скрытой Божественности образца Дионисия Ареопагита (A. J. Minnis, 1984; D. Turner, 1995) и «дерзкую самобытность богословия» (E. R. Obbard, 2008; V. M. Rolf, 2018). Ярким примером приверженности именно такому пути духовной жизни является мистицизм Р. Ролла, который «выступил против церковного образования» (G. Hodson, H. Allen, B. Ward, K. Pepler). Отмечая отсутствие у Р. Ролла интереса к философии и светским наукам, можно предположить, что в своих трудах английский мистик намеренно избегает апелляций к авторитетам и демонстрации учености, которые были отличительными чертами средневековой науки: он использует Библию в качестве своего главного авторитета. Несмотря на то, что Р. Ролл мало цитирует Отцов церкви и других мистиков, в его трудах прослеживается влияние Августина, Кассиана, святого Бернарда, святого Франциска и викторианцев, Бонавентуры и Ансельма. Решительный отказ Р. Ролла от университетской схоластики, парадоксальные и кажущиеся нелогичными монологи, его забота о духовном благополучии тех, кто попал под его наставничество, его радостная, почти «мальчишеская» преданность аскетической, отшельнической и паломнической жизни в молитве и неутолимая жажда всю жизнь упиваться любовью к Богу, характеризуют его как сторонника средневековой монашеской традиции, основанной на авторитете

цистерцианской духовности, которая была «подавлена» в XIII веке появлением систематизированной логики схоластического метода, воздвигшем барьеры между теологией и экзегезой, с одной стороны, и благочестием — с другой (Т. Bestul). Это та форма духовности в Англии, в становлении которой Р. Ролл сыграл важную роль, особенно в своих более поздних письмах, в переводе псалмов и комментариях к ним, что составляет уникальность средневековой английской мистики XIV в. как единства спекулятивно-теоретического и нравственно-практического аспектов созерцательного делания, восходящего к общей традиции неоплатонизма и раннего христианства.

ELENA SOBOLNIKOVA, CSc in Philosophy, Associate
Professor; Saint Petersburg State Chemical
Pharmaceutical University (Saint Petersburg,
Russia), Associate Professor

**CRITICISM OF UNIVERSITY
SCHOLASTICISM IN MEDIEVAL ENGLISH
MYSTICISM OF THE 14TH CENTURY**

Most researchers consider R. Rolle to be a “mystic with strong poetic inclinations,” which often makes it possible to see this as “secondary” in relation to speculative mysticism, although the richness and variety of Rolle’s texts characterize him as “a genuine mystic with unwavering devotion to the highest order of love.” The greatest influence on R. Rolle was exerted by the writings of Richard of St. Victor, St. Bernard and St. Bonaventure, the influence of Franciscan poetry. Despite differing opinions about his importance of the mysticism of the Rolle, he did lead a life dedicated to God. In his younger years, he studied at Oxford, although he did not graduate from it, and upon his return to Yorkshire, he began to lead the life of a hermit in order to live a perfect mystical life of “warmth, sweetness and song,” to which he felt a vocation, having criticized university scholasticism.

Keywords: mysticism, R. Rolle, W. Hilton, criticism of scholasticism

СЕКЦИЯ 4: «ПЛАТОНИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ»

КАРАВАЕВА СВЕТАНА ВИКТОРОВНА, кандидат фило-
софских наук; Русская христианская гуманитарная
академия им. Ф. М. Достоевского (Санкт-Петербург,
Россия), доцент; Северо-Западный государственный
медицинский университет им. И. И. Мечникова (Санкт-
Петербург, Россия), старший преподаватель

ПСЕВДО-АРИСТОТЕЛЬ В ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: «ТАЙНАЯ ТАЙНЫХ» (или «АРИСТОТЕЛЕВЫ ВРАТА»)*

Доклад посвящен одному из памятников древнерусской литературы XV–XVI вв. — «Тайная Тайных» (или «Аристотелевы врата»), представляющий один из вариантов хорошо известного в средневековой Европе сочинения псевдо-Аристотеля «*Secretum Secretorum*», который в свою очередь восходит к арабскому оригиналу VIII–IX вв. Сочинение состоит из разного рода наставлений, в первую очередь, касающихся вопросов, связанных с должным управлением государства, знанием природы человека, которые будто бы Аристотель давал Александру Македонскому. В Древней Руси памятник пользовался большой популярностью, причем, имел как противников — консерваторов, сторонников благословенной старины, видящих, например, в главе «Тайная Тайных» про астрономию — недопустимую для

* Исследование выполнено в Русской христианской гуманитарной академии им. Ф. М. Достоевского за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01107, <https://rscf.ru/project/24-28-01107/>

православия ересь, так и сторонников — «прогрессивную» публику, имеющую потребность в приобретении и осмыслении новых знаний, и, наконец, отстаивающую право разума быть рядом с верой.

Ключевые слова: Аристотель, древнерусская литература, античная философия

SVETLANA KARAVAeva, CSc in Philosophy; Russian Christian Academy for the Humanities (Saint Petersburg, Russia), Senior Lecturer; North-Western State Medical University named after I. I. Mechnikov (Saint Petersburg, Russia), Senior Lecturer

PSEUDO-ARISTOTLE IN ANCIENT RUSSIAN LITERATURE: “THE SECRET OF THE SECRETS” (OR “ARISTOTLE’S GATE”)*

The report is dedicated to the *Secret of the Secret* (or the *Aristotle’s Gate*), one of the 15th–16th centuries monuments of ancient Russian literature. It is one of the variants of *Secretum Secretorum*, a work that was misattributed to Aristotle and well-known in medieval Europe, and that in turn dates back to the Arabic original of the 8th–9th centuries. It contains various types of guidance, primarily on the proper administration of a state and human nature, which Aristotle allegedly provided to Alexander the Great. In Ancient Rus’, the monument enjoyed popularity and attention, and it had both opponents — conservatives, supporters of the blessed antiquity, and supporters — the “progressive” public. For instance, the former saw heresy that is unacceptable for Orthodoxy in the chapter on astronomy in *The Secret of the Secret*, while the latter had a need to expand their horizons, acquire new knowledge, and, ultimately, defend the rights of reason to be beside faith.

Keywords: Aristotle, ancient Russian literature, ancient philosophy

* The research was carried out at Russian Christian Academy for the Humanities with the support of the Russian Science Foundation, project No 24-28-01107, <https://rscf.ru/en/project/24-28-01107/>

КУРБАНОВ АНДРЕЙ ВИКТОРОВИЧ, кандидат исторических наук; Социологический институт РАН Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия), старший научный сотрудник; Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (Москва, Россия), старший научный сотрудник

СПИРИДОНОВА ЛИДИЯ ВАЛЕНТИНОВНА, кандидат исторических наук; Социологический институт РАН Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия), старший научный сотрудник; Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (Москва, Россия), старший научный сотрудник

АНТИЧНЫЕ ИСТОЧНИКИ РУКОВОДСТВА БРАТЬЕВ ЛИХУДОВ ПО ЭПИСТОЛОГРАФИИ ДЛЯ СЛАВЯНО-ГРЕКО-ЛАТИНСКОЙ АКАДЕМИИ*

В античной школе преподавали основы эпистолярного искусства после изучения грамматики, используя руководства с образцовыми письмами. До наших дней дошли два таких пособия: «Τύποι ἐπιστολικοί» («Эпистолярные типы»), ошибочно приписываемое Деметрию Фалерскому, и «Ἐπιστολῶν χαρᾶκτῆρες» («Эпистолярные стили»), ложно приписываемое ритору Либанию или неоплатонику Проклу. Название учебника братьев Лихудов «Περὶ τῆς τῶν ἐπιστολικῶν χαρᾶκτῆρων μεθόδου» («О методе эпистолярных стилей») отсылает к тексту Псевдо-Либания. Типы посланий у Лихудов совпадают с типами руководства Псевдо-Деметрия. Однако братья, будучи приверженцами аристотелизма, разделили стили на эпидейктический, судебный и совещательный. Их

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01075 «Курс по эпистолографии братьев Лихудов в Славяно-греко-латинской академии: издание неопубликованного памятника и изучение методики преподавания» (Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук), <https://rscf.ru/project/24-28-01075/>

пособие также содержало практическую часть с объяснениями по оформлению писем. Таким образом, учебник Лихудов представляет синтез античного и византийского наследия с влиянием аристотелизма и ориентацией на практику.

Ключевые слова: Братья Лихуды, Славяно-греко-латинская академия, письмовники, эпистолярные типы, эпистолярные стили

В античные времена упражнения по написанию посланий составляли часть школьной программы. Юношам в возрасте от двенадцати до пятнадцати лет преподавали основы эпистолярного искусства после изучения грамматики, используя руководства с образцовыми письмами. До наших дней дошли два варианта подобных пособий. Древнейшим из них является «*Τύποι ἐπιστολικοί*», «Эпистолярные типы», ошибочно приписываемое Деметрию Фалерскому. Это сочинение было создано в Египте, вероятно, на рубеже I в. до н. э. и I в. н. э., однако его основа берет начало в доримской Греции. Второе пособие — «*Ἐπιστολιцаῖοι χαρακτήρες*», «Эпистолярные стили», ложно приписываемое то ритору Либанию, то неоплатонику Проклу, датируется IV–VI вв. н. э.

Само название учебника братьев Лихудов «*Περὶ τῆς τῶν ἐπιστολικῶν χαρακτήρων μεθόδου*» («О методе эпистолярных стилей») отсылает к тексту Псевдо-Либания. Связь с ним прослеживается и во введении, где приводится определение письма как диалога между отсутствующими собеседниками. Однако типы посланий, выделяемые Лихудами, полностью совпадают с типами руководства Псевдо-Деметрия.

Труд Лихудов вносит в предшествующую традицию и новшества. В отличие от византийских и позднеантичных руководств, братья Лихуды, будучи приверженцами аристотелизма (подобно многим поствизантийским ученым) разделили эпистолографические стили на три рода в соответствии с тремя родами риторики, выделенными Аристотелем: эпидейктический, судебный и совещательный (1358b). Кроме того, их пособие содержало практическую часть, отсутствующую

в византийских руководствах, где разъяснялось, как правильно оформлять письма и обращаться к адресатам различного статуса. Все типы посланий были снабжены подробными объяснениями и примерами ответных писем.

Таким образом, учебник братьев Лихудов по эпистографии представляет собой синтез античного и византийского наследия с привнесением новых элементов, отражающих влияние аристотелизма и ориентацию на практические потребности.

ANDREY KURBANOV, CSc in History; Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russia), Research Assistant; A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), Research Assistant

LYDIA SPYRIDONOVA, CSc in History; Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russia), Research Fellow; A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), Research Fellow

THE ANCIENT SOURCES OF THE LEICHOUES BROTHERS' MANUAL ON EPISTOLOGRAPHY FOR THE SLAVIC GREEK LATIN ACADEMY*

In ancient times, letter-writing exercises were part of the school curriculum for young men aged twelve to fifteen. Two surviving manuals, the “*Τύποι ἐπιστολικοί*” (‘Epistolary Types’) and the “*Ἐπιστολιμαῖοι χαρακτῆρες*” (‘Epistolary Styles’), provided model letters for teaching. The former, incorrectly attributed to Demetrius of Phalerum, was created in Egypt around the 1st century BC/AD, while the latter, falsely attributed to Libanius or Proclus, dates to the 4th–6th

* The study was funded by Russian Science Foundation, project No 24-28-01075 “A Course in Epistolography by the Leichoues Brothers at the Slavic Greek Latin Academy: Edition of an Unpublished Text and Study of the Teaching Methodology” (Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences), <https://rscf.ru/en/project/24-28-01075/>

centuries AD. The Leichoudes brothers' textbook, "Περὶ τῆς τῶν ἐπιστολικῶν χαρακτήρων μεθόδου," refers to Pseudo-Libanius' text in its title and introduction, where a letter is defined as a dialogue between absent interlocutors. However, the types of letters in their manual coincide with those of Pseudo-Demetrius. The Leichoudes' work introduces innovations, dividing epistolographic styles into epideictic, judicial, and deliberative genera, following Aristotle's rhetoric (1358b). Their manual also included a practical part, absent in Byzantine manuals, explaining letter formatting and addressing recipients of various statuses, with detailed explanations and examples of reply letters. The Leichoudes brothers' epistolography textbook synthesizes ancient and Byzantine heritage with new elements reflecting Aristotelianism and practical needs.

Keywords: Leichoudes brothers, Slavic Greek Latin Academy, Ancient epistolography, epistolary manuals, the *Epistolary Types*

КОВАЛЕНКО МИХАИЛ АЛЕКСЕЕВИЧ, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), студент; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского (Санкт-Петербург, Россия), инженер-исследователь

АРИСТОТЕЛЬ В КОНТЕКСТЕ АНТИЧНЫХ РЕМИНИСЦЕНЦИЙ МАКСИМА ГРЕКА*

Статья посвящена фигуре Аристотеля в творчестве Максима Грека (Михаила Триволиса). Творения Максима Грека содержат прямые и косвенные отсылки к Гомеру, Гесиоду, Платону, Плутарху и Аристотелю. В отличие от остальных античных источников, реминисценции на Аристотеля у Максима Грека до сих пор не подвергались систематическому исследованию. В статье описываются современные научные достижения по соотнесению ци-

* Исследование выполнено в Русской христианской гуманитарной академии им. Ф. М. Достоевского за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01107, <https://rscf.ru/project/24-28-01107/>

тат Максима Грека с *Corpus Aristotelicum*. Автор показывает опосредованное цитирование Максимом Греком Аристотеля через Джироламо Савонаролу и Пико делла Мирандолу. В статье обозначаются ключевые проблемы по идентификации реминисценций на Аристотеля у Максима Грека. Автор статьи обобщает имеющиеся результаты по соотнесению цитат Максима Грека с фрагментами из *Corpus Aristotelicum* и анализирует их содержание.

Ключевые слова: Аристотель, Максим Грек, Савонарола, Пико делла Мирандола, первоисточники, астрология, материя

MIKHAIL KOVALENKO, Saint Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia), Student; Russian
Christian Academy for the Humanities (Saint
Petersburg, Russia), Junior Researcher

ARISTOTLE IN THE CONTEXT OF ANCIENT REMINISCENCES OF MAXIMUS THE GREEK*

The article is devoted to the figure of Aristotle in the works of Maxim the Greek (Mikhail Trivolis). The works of Maximus the Greek contain direct and indirect references to Homer, Hesiod, Plato, Plutarch and Aristotle. Unlike other ancient sources, Maximus the Greek's reminiscences of Aristotle have not yet been subjected to a systematic study. The article describes modern scientific achievements in correlating quotes from Maximus the Greek with the *Corpus Aristotelicum*. The author shows Maximus the Greek's indirect citation of Aristotle through Girolamo Savonarola and Pico della Mirandola. The article identifies the key problems in identifying reminiscences of Aristotle in Maxim the Greek's texts. The author of the article summarizes the available results on correlating quotes from Maximus the Greek with fragments from the *Corpus Aristotelicum* and analyzes their content.

* The research was carried out at Russian Christian Academy for the Humanities with the support of the Russian Science Foundation, project No 24-28-01107, <https://rscf.ru/en/project/24-28-01107/>

Keywords: Aristotle, Maximus the Greek, Savonarola, Pico della Mirandola, primary sources, astrology, matter

СПИРИДОНОВА ЛИДИЯ ВАЛЕНТИНОВНА, кандидат исторических наук; Социологический институт РАН Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия), старший научный сотрудник; Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (Москва, Россия), старший научный сотрудник

КУРБАНОВ АНДРЕЙ ВИКТОРОВИЧ, кандидат исторических наук; Социологический институт РАН Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия), старший научный сотрудник; Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (Москва, Россия), старший научный сотрудник

**КУРС ГРЕЧЕСКОЙ ЭПИСТОЛОГРАФИИ БРАТЬЕВ
ЛИХУДОВ: РУКОПИСНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА,
ВРЕМЯ И ОБСТОЯТЕЛЬСТВА СОЗДАНИЯ***

Братья Иоанникий и Софроний Лихуды основали в 1685 г. в Москве Славяно-греко-латинскую академию. Для обучения эпистолографии они составили учебник «Περὶ τῆς τῶν ἐπιστολικῶν χαρακτήρων μεθόδου» (О методе эпистолярных стилей), известный по двум спискам конца XVII века. Первый список (Ивирон 98) принадлежит ученику Лихудов Николаю Головину и датируется июнем 1687 г. Второй список (РНБ, ф. 906, №506) предположительно создан учеником Феодором Герасимовым в 1693–1694 гг. Оба списка отражают практику преподавания эпистолографии перед риторикой в греческих

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01075 «Курс по эпистолографии братьев Лихудов в Славяно-греко-латинской академии: издание неопубликованного памятника и изучение методики преподавания» (Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук), <https://rscf.ru/project/24-28-01075/>

школах. Они содержат ценные сведения о времени создания и преподавания первого курса греческой эпистолографии Лихудами в Славяно-греко-латинской академии в конце 1680-х годов и позволяют реконструировать его место в образовательной программе.

Ключевые слова: братья Лихуды, Славяно-греко-латинская академия, греческая эпистолография

Образование первого высшего учебного заведения в России непосредственно связано с именами братьев Иоанникия и Софрония Лихудов, создавших в 1685 г. в Москве школу при Богоявленском монастыре, впоследствии получившую название Славяно-греко-латинской академии. Именно они составляли как программу, так и первые учебные пособия для своих студентов в соответствии с традициями греческих школ XVII века. В соответствии с традицией античного образования, изучение эпистолографии подразумевало не освоение теории, а скорее выработку самого умения писать письма по античным и византийским канонам. Для учеников, проходивших этот курс, Лихуды составили специальный учебник «Περὶ τῆς τῶν ἐπιστολικῶν χαρακτήρων μεθόδου» (О методе эпистолярных стилей). Данный текст не издан и не описан в историографии. Он известен нам по двум спискам самого конца XVII века, записанными первыми учениками: (1) Афон, Ивирский монастырь, №98 (=4218 по S. P. Lambros), лл. 72–169; и (2) Санкт-Петербург, Российская национальная библиотека, ф. 906 (Собрание греческих рукописей), № 506, лл. 1–41.

Первый кодекс (Ивирон 98) принадлежит Николаю Семёновичу Головину, одному из первых учеников Лихудов, о чём свидетельствует запись ‘Николай Семеновичъ’, в нём указывается и время составления кодекса — июнь 1687 г., эта дата также повторяется в приводимом Лихудами примере постановки даты в письме. Примечательно, что в этом же году был записан и текст учебника по поэтике, который предшествует в этой рукописи эпистолографии. Таким образом рукопись создавалась Николаем Головиным во время прохождения этих предметов, предшествовавших в позд-

неантичных и византийских школах изучению риторики, к которой первые ученики приступили в апреле 1688 г. Датировка курса 1687 г. поддерживается и приведенным в нём примером обращения к константинопольскому патриарху Дионисию (правившему с марта 1686 по 17 октября 1687 г.), к александрийскому патриарху Парфению I (умершему в 1688 г.) и обращением к московскому патриарху Иоакиму (умершему в 1690 г.), а также сразу к двум московским самодержцам — Иоанну Алексеевичу и Петру Алексеевичу.

Второй кодекс — РНБ, ф. 906, №506, находится в гораздо худшей сохранности, чем первый. Пособие по изучению эпистографии здесь располагается до учебника Софрония Лихуда по риторике, что опять же отражает греческую практику, согласно которой, эпистография предшествовала риторике. По нашему предположению, писцом этого списка является один из первых московских учеников Лихудов — Феодор Герасимов. В каталоге РНБ рукопись неправильно датирована XVIII в. и ошибочно отнесена не к московской, а к новгородской школе. В качестве примера указания даты письма в данном списке также указывается 1687 г., но в данном случае это указание было списано с оригинала. Сама же копия записана позднее, о чём свидетельствуют другие записи. *Terminus post quem* создания рукописи служит 1690 г., поскольку в этот год в Москве начал править упоминаемый в рукописи патриарх Адриан, а в качестве *terminus ante quem* — 1696 г., поскольку в качестве царственного адресата в ней также указывается Пётр Алексеевич с Иоанном Алексеевичем. Уточнить датировку может указание на константинопольского патриарха патриарха Дионисия, который в пятый раз правил с августа 1693 по апрель 1694 г. (имена в обращениях к другим восточным патриархам были пропущены писцом). По всей видимости, этим временем и необходимо датировать время создания списка. Кодекс, по всей видимости, активно использовался в образовательном процессе, что отразилось на сохранности некоторых страниц и привело к появлению лакун, также из-за нового переплёта и обрезки на некоторых страницах были утеряны славянские схолии.

Таким образом, обе рукописи являются бесценными свидетельствами времени создания и преподавания первого курса греческой эпистографии братьями Лихудами в недавно основанной ими Славяно-греко-латинской академии в конце 1680-х годов. Анализ содержащихся в них данных позволяет реконструировать обстоятельства появления этого учебного курса и его место в образовательной программе академии.

LYDIA SPYRIDONOVA, CSc in History; Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russia), Research Fellow; A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), Research Fellow

ANDREY KURBANOV, CSc in History; Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russia), Research Assistant; A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), Research Assistant

**THE COURSE OF GREEK EPISTOLOGRAPHY
BY THE LEICHOODES BROTHERS:
MANUSCRIPT EVIDENCE, TEMPORAL CONTEXT,
AND CIRCUMSTANCES OF ITS CREATION***

The brothers Ioannikios and Sophronios Leichoudes founded the Slavic-Greek-Latin Academy in Moscow in 1685. For teaching epistolography, they compiled a textbook titled “Περὶ τῆς τῶν ἐπιστολικῶν χαρακτήρων μεθόδου” (On the Method of Epistolary Styles), known from two copies from the late 17th century. The first copy (Iviron 98) belongs to the Leichoudes’ student Nikolai Golovin and is dated June 1687. The second copy (NLR, f. 906, №506) was presumably created by the student Theodor Gerasimov in 1693–1694. Both copies reflect the practice of teaching epistolography before rhetoric

* The study was funded by the grant of the Russian Science Foundation No. 24-28-01075 “A Course in Epistolography by the Leichoudes Brothers at the Slavic Greek Latin Academy: Edition of an Unpublished Text and Study of the Teaching Methodology” (Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences), <https://rscf.ru/project/24-28-01075/>

in Greek schools. They contain valuable information about the time of creation and teaching of the first course in Greek epistolography by the Leichoudes at the Slavic-Greek-Latin Academy in the late 1680s and allow for the reconstruction of its place in the educational program.

Keywords: Leichoudes brothers, Greek Epistolography, Slavic-Greek-Latin Academy

МИНАК ВЯЧЕСЛАВ СЕРГЕЕВИЧ, Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского (Санкт-Петербург, Россия), аспирант

К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ ФИЛОСОФИИ АРИСТОТЕЛЯ В РУССКОЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ XVII—XVIII ВВ.*

Основной вопрос, который затрагивается в докладе, касается суждения о том, что Аристотелю повезло с закреплением на почве отечественной мысли явно меньше, чем Платону. Поясняется, что это справедливо лишь для XIX–XXI вв., т. е. в определенном смысле лишь для современной русской философии. Если исходить не из общемировой перипатетической традиции, а с точки зрения генеалогии собственно древнерусской книжности, то имя Аристотеля будет обнаружено уже на самом раннем этапе ее становления. Проводится небольшой исторический очерк, показывающий, что наследие Стагирита выступило ключевым философским элементом интеллектуальной культуры в период русского Просвещения наряду с картезианством и вольфианством. Помимо философии, на основании аристотелизма выстраивалось классическое образование, в частности, первые высшие учебные заведения.

Ключевые слова: русский аристотелизм, современное отечественное аристотелеведение, история русского образования, русская философия, Аристотель

* Исследование выполнено в Русской христианской гуманитарной академии им. Ф. М. Достоевского за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01107, <https://rscf.ru/project/24-28-01107/>

VYACHESLAV MINAK, Russian Christian Academy for the Humanities (Saint Petersburg, Russia), Postgraduate

**ON THE QUESTION OF THE SIGNIFICANCE OF
ARISTOTLE'S PHILOSOPHY IN RUSSIAN INTELLECTUAL
CULTURE OF THE 17TH–18TH CENTURIES***

The main issue raised in the report concerns the judgment that Aristotle was clearly less lucky to gain a foothold on the soil of Russian thought than Plato. It is explained that this is true only for the XIX–XXI centuries, i. e. in a certain sense only for modern Russian philosophy. If we proceed not from the global peripatetic tradition, but from the point of view of the genealogy of the ancient Russian literature proper, then the name of Aristotle will be discovered at the earliest stage of its formation. A short historical essay is conducted showing that the legacy of Stagirite was a key philosophical element of intellectual culture during the Russian Enlightenment, along with Cartesianism and Wolfianism. In addition to philosophy, classical education was built on the basis of Aristotelianism, in particular, the first higher educational institutions.

Keywords: Russian Aristotelianism, modern Russian Aristotle studies, history of Russian education, Russian philosophy, Aristotle

ВОЛОДИН АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), магистрант; Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта (Калининград, Россия), лаборант-исследователь

**ПРОБЛЕМА ОБРАЗОВАНИЯ РАЗУМА
В УЧЕНИИ Н. И. НОВИКОВА****

Доклад посвящён основным «правилам разума», предлагаемым Н. И. Новиковым в книге «О воспитании и наставлении детей для распространения общепользных

* The research was carried out at Russian Christian Academy for the Humanities with the support of the Russian Science Foundation, project No 24-28-01107, <https://rscf.ru/en/project/24-28-01107/>

** Исследование выполнено в Балтийском федеральном университете им. И. Канта за счёт гранта Российского научного фонда № 22-18-00214, <https://rscf.ru/project/22-18-00214/>

знаний и всеобщего благополучия» (1783 г.). Новиков не только формулирует общие образовательные правила для родителей, желающих воспитать ребёнка наилучшим образом, но и вкладывает в эти правила задачи Просвещения, а именно: 1) обретение ясного разума путём устранения предрассудков и 2) устранение сомнений в пользу основательного познания вещей — таких, каковы они есть. Между тем, Новиков утверждает примат практического применения познанной истины, отводя роль реализации доброй воли сердцу. Воспитание сердца следует за воспитанием разума, являясь венцом просвещенческой парадигмы. Мы покажем, как Новиков избегает противопоставления теоретического разума и практического применения воли, поскольку именно их синтетическая взаимозависимость конструирует подлинно добродетельного человека.

Ключевые слова: Н. И. Новиков, русское Просвещение, Просвещение, воспитание, добродетель

ANDREW VOLODIN, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia), MA Student; Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russia), Researcher

THE PROBLEM OF MIND FORMATION IN THE TEACHING OF N. I. NOVIKOV*

The presented report will focus on the basic “rules of reason” proposed by N. I. Novikov in the book “On the upbringing and guidance of children for the dissemination of generally useful knowledge and universal well-being” (1783). The report shows that Novikov not only formulates general educational rules for parents who want to raise a child in the best way, but and he puts the tasks of Education into these rules, namely: 1) the acquisition of a clear mind by eliminating prejudices and 2) the elimination of doubts in favor of a thorough

* This study was carried out at Immanuel Kant Baltic Federal University with support of Russian Science Foundation, project 22-18-00214, <https://rscf.ru/en/project/22-18-00214/>

knowledge of things — such as they are. Meanwhile, Novikov asserts the primacy of the practical application of the known truth, assigning the role of the realization of good will to the heart. The education of the heart follows the education of the mind, being the crown of the enlightenment paradigm. We will show how Novikov avoids the opposition of theoretical reason and the practical application of the will, since it is their synthetic interdependence that constructs a truly virtuous person.

Keywords: N. I. Novikov, Russian Enlightenment, Enlightenment, education, virtue

ЕГОРОВА ОКСАНА СЕРГЕЕВНА, Институт философии
и права СО РАН (Новосибирск, Россия),
младший научный сотрудник

**ПЛАТОН И АРИСТОТЕЛЬ НА СТРАНИЦАХ
ЖУРНАЛА МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ***

В докладе на примере тематических публикаций одного из старейших и известнейших дореволюционных российских научных журналов «Журнал Министерства народного просвещения» (1834 — 1917 гг.) будут рассмотрены работы, относящиеся к Платону и Аристотелю. Обнаруженные исследования систематизированы и типологизированы, определена их жанровая (переводы работ античных философов на русский язык, научные статьи, рецензии и т. д.) и тематическая (относительно корпусов трактатов Платона и Аристотеля) принадлежность, изучен авторский коллектив. Сделаны выводы относительно количественного и качественного соотношения «платоновских» и «аристотелевских» научных

* Исследование выполнено в Институте философии и права СО РАН при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант № 24-28-01811 «История аристотелеведения в русской интеллектуальной культуре XIX-нач. XX в», <https://rscf.ru/project/24-28-01811/>

публикаций, выходивших в научном издании в XIX — нач. XX вв. Не претендуя на исчерпывающую полноту, в исследовании на конкретном примере демонстрируются особенности обозначенных антиковедческих штудий, имевших место в истории российской науки.

Ключевые слова: Аристотель, Платон, антиковедение, рецепция античности, русская философия, научный журнал

OKSANA EGOROVA, Institute of Philosophy and Law of
Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
(Novosibirsk, Russia), Junior Researcher

**PLATO AND ARISTOTLE ON THE PAGES
OF THE JOURNAL OF THE MINISTRY
OF PUBLIC EDUCATION***

The report uses the example of thematic publications of one of the oldest and most famous pre-revolutionary Russian scientific journals “Journal of the Ministry of Public Education” (1834–1917) works related to Plato and Aristotle will be considered. The discovered research was systematized and typologized, their genre (translations of works of ancient philosophers, scientific articles, reviews, etc.) and thematic (relative to the corpus of treatises by Plato and Aristotle) were determined, and the group of authors was studied. Conclusions are drawn regarding the quantitative and qualitative relationship between “Platonic” and “Aristotelian” scientific publications published in scientific journals of the 19th century — early 20th century.

Keywords: Aristotle, Plato, classics in Russia, reception of antiquity, Russian philosophy, specialized journals

* The research was carried out in the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences with financial support from the Russian Science Foundation, project No 24-28-01811 “Aristotelian studies in Russian intellectual culture of the 19th — early 20th centuries,” <https://rscf.ru/en/project/24-28-01811/>

Попов Данил Сергеевич, кандидат философских наук;
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия), ассистент

СТОИКИ КАК НАСТАВНИКИ И ВОСПИТАТЕЛИ ЮНОШЕСТВА НА СТРАНИЦАХ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПЕРИОДИКИ XIX СТОЛЕТИЯ*

Стоическая традиция в истории мысли часто акцентировалась на рецепции стоической моралистики и паренетики, подчеркивала воспитательный потенциал стоических идей. Сегодня, когда в нашей стране традиционные ценности задают образовательной деятельности её аксиологическую основу, обращение к стоическим моделям нравственности как парадигме воспитания и формирования личности может представляться оправданным. Между тем в истории нашей страны такие попытки (в достаточно неблагоприятных для этого условиях господства православной идеологии и неформальности антиковедения в его научной ипостаси) уже имели место в 19 столетии. Мы имеем в виду факты интеграции элементов стоического наследия в процесс образования и воспитания (*Bildung*) юношества, а также дискуссии об оправданности такого шага. Периодические издания того времени, направленные на широкую образованную публику, являют ряд любопытных примеров такого рода. Условно последние можно разделить на публикацию стоических переводов и стоицизирующих текстов в периодике учебных заведений и детских журналах («*Каллиона. Труды воспитанников Университетского благородного пансиона*», «*Семейные вечера*») и полемику относительно уместности использования стоического наследия в образовательных целях, развернувшуюся в рецензиях и журнальных статьях, опубликованных в «*Народной и детской библиотеке*», «*Церковном вестнике*», журнале «*Образование*» и прочих изданиях. Та-

* Исследование выполнено в Санкт-Петербургском государственном университете при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант № 23-28-01129, <https://rscf.ru/project/23-28-01129/>

ким образом, в докладе анализируется содержательная сторона этой дискуссии о возможном месте стоического наследия в деле образования и воспитания юношества, а также конкретные примеры подобных попыток.

Ключевые слова: образование, воспитание, стоическая традиция, стоицизм, русская периодика 19 века, русская философия.

DANIL POPOV, CSc in Philosophy; Saint Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia), Assistant Professor

STOICS AS MENTORS AND EDUCATORS OF YOUTH ON THE PAGES OF RUSSIAN PERIODICALS OF THE 19TH CENTURY*

The Stoic tradition in the history of thought often focused on the receptions of Stoic morals, emphasized the educational potential of Stoic ideas. Today, when traditional values set the axiological basis for education in our country, the appeal to Stoic models of morality as a paradigm of upbringing and formation of personality may seem justified. Meanwhile, in the history of our country, such attempts (in rather unfavorable conditions of the dominance of Orthodox ideology and underdevelopment of Ancient Studies) have already taken place in the 19th century. We mean facts of integration of elements of the Stoic heritage into the system of education and upbringing of young people, as well as discussions about the justification of such a step. The periodicals of that time, aimed at a wide educated public, provide a number of interesting examples of this kind. They can be roughly divided into the publication of Stoic translations and Stoicizing texts in the periodicals of educational institutions and children's journals (*Calliope. The works of the pupils of the University Noble Boarding School, Family Evenings*) and the polemics concerning the appropriateness of using the Stoic heritage for educational purposes, which unfolded in reviews and journal articles published in *People's and children's library, Church bulletin, Education* and other journals. Thus, the report

* The research was carried out at Saint Petersburg State University with financial support of Russian Science Foundation, project No 23-28-01129, <https://rscf.ru/en/project/23-28-01129/>

analyzes the substantive side of this debate on the possible place of the Stoic heritage in the education and upbringing of youth, as well as specific examples of such attempts.

Keywords: education, upbringing, Stoic tradition, Stoicism, Russian periodicals of the 19th century, Russian philosophy

ГРАВИН АРТЁМ АНДРЕЕВИЧ, кандидат технических наук; Социологический институт РАН Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия), старший научный сотрудник; Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (Москва, Россия), старший научный сотрудник; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), научный сотрудник

ПЛАТОНИЧЕСКАЯ И АНТИПЛАТОНИЧЕСКАЯ ТРАКТОВКА СИМВОЛИЗМА:

Л. А. ГОГОТИШВИЛИ И С. С. ХОРУЖИЙ*

В рамках доклада будут рассмотрены и сопоставлены два подхода к феномену русского символизма: критическая рецепция С. С. Хоружего и апологетическая рецепция Л. А. Гоготишвили. Будет показано, что характерной особенностью обеих подходов является представление ими русского символизма в качестве одной из модификаций платонической онтологии. При этом оба мыслителя приходят к принципиально разным выводам и оценкам этого явления. В связи с этим будут выявлены различия оценок Гоготишвили и Хоружего, базирующихся на разном отношении обоих мыслителей к «платонизму» (в широком смысле): прагматическому и критическому. Ввиду причастности обеих мыслителей к Кругу Лосева (характер причастности был разным), будет отдельно рассмотрен вопрос о восприятии ими философии символа А. Ф. Лосева. В заключение будет сделан вывод

* Исследование выполнено в ИМЛИ им. А. М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00248, <https://rscf.ru/project/24-18-00248/>

о влиянии восприятия обеими мыслителями феномена русского символизма на построение ими самобытных философских проектов.

Ключевые слова: Русский символизм, имяславие, платонизм, синергичная антропология, коммуникативная лингвофилософия, Лосев, Хоружий, Гоготишвили.

Русский символизм начала XX в. — многогранный и противоречивый феномен, который, с одной стороны, вписывается в движение европейского модернизма; с другой, имеет свои существенные национальные отличия. Его исследования в качестве исторического явления насчитывают уже не одно десятилетие. Однако не менее интересным для анализа предстаёт малоизученная проблема влияния теоретических разработок символистов на современных исследователей и философов. Так, в настоящее время не прояснёнными остаются вопросы о том, какова специфика этого влияния, в каком полемическо-диалогическом контексте оно формировались и каков его эвристический потенциал для гуманитарной науки.

В качестве примера дискуссионного «сюжета» относительно рассматриваемой тематики мы акцентируем внимание на скрытую полемику двух исследователей русского символизма (и, одновременно, самобытных мыслителей), воспринявших это наследие принципиально по-разному — речь идёт об апологетической (де- или ре-)конструкции Л. А. Гоготишвили, философа языка и ведущего лосеоведа, и критической рецепции теоретика синергичной антропологии С. С. Хоружего. Источники этой полемики обнаруживаются в публикациях 1990-х гг. и в архивных материалах.

Одним из объединяющих оба подхода аспектов является представление обоими мыслителями русского символизма в качестве одной из своеобразных модификаций платонической онтологии. При этом, различное отношение Гоготишвили и Хоружего к «русскому платонизму» также явилось важнейшим пунктом в расхождении оценок и понимания ими символизма. Если допустить некоторую схематизацию, то Хоружий рассматривал русский символизм сквозь призму

хайдеггеровского «преодоления метафизики»; Гоготивши-
ли — в перспективе энергийно-коммуникативной онтологии
и феноменологии языка.

ARTYOM GRAVIN, CSc in Technics; Sociological Institute, Federal
Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian
Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russia), Senior
Researcher; A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia),
Senior Researcher; National Research University Higher
School of Economics (Moscow, Russia), Researcher

PLATONIC AND ANTI-PLATONIC INTERPRETATION OF SYMBOLISM: L. A. GOGOTISHVILI VS S. S. KHORUZHIIY*

The report will consider and compare two approaches to the phenomenon of Russian Symbolism: the critical reception of S. S. Khoruzhiy and the apologetic reception of L. A. Gogotishvili. It will be shown that the characteristic feature of both approaches is their representation of Russian symbolism as one of the modifications of Platonic ontology. At the same time, both thinkers come to fundamentally different conclusions and assessments of this phenomenon. In this connection, the differences between the assessments of Gogotishvili and Khoruzhiy will be revealed, based on the different approaches of both thinkers to “Platonism” (in the widest sense): pragmatic and critical. In view of the involvement of both thinkers in Losev’s circle (the nature of their involvement was different), the question of their perception of A. F. Losev’s philosophy of the symbol will be considered in detail. Finally, a conclusion will be drawn about the influence of both thinkers’ perception of the phenomenon of Russian Symbolism on their construction of original philosophical projects.

Keywords: Russian symbolism, onomatodoxy, Platonism, synergetic anthropology, communicative linguophilosophy, Losev, Khoruzhiy, Gogotishvili

* The research was carried out in A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences with the support of the Russian Science Foundation, project No 24-18-00248, <https://rscf.ru/en/project/24-18-00248/>

СЕКЦИЯ 5: «ПЛАТОНИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ И ОБРАЗОВАНИИ»

ДОРОФЕЕВ ДАНИИЛ ЮРЬЕВИЧ, доктор философских наук, профессор; Санкт-Петербургский горный университет (Санкт-Петербург, Россия), профессор, заведующий кафедрой философии

ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ОБРАЗА ПЛАТОНА*

Доклад посвящен раскрытию актуальности образовательного значения образа Платона в наши дни. Подробно исследуется эстетическое, философское, образовательно-воспитательное значение образа. В русском языке, вслед за немецким, образ этимологически напрямую связан с образованием. Восприятие образа Платона рассматривается как важна составляющая образовательного процесса, понятого как (само)формирование человеческого образа. В начале формулируются и кратко характеризуются основные значения понятия «образ»; их выделяется восемь, такие как чувственно-воспринимаемая форма, внешность, представление, результат художественного творчества и др. Их все необходимо иметь в виду, чтобы понять и учитывать в дальнейшем исследовании полисемантичесность этого сложного термина, чтобы начать разгадывать и понимать тайну

* Исследование выполнено в Санкт-Петербургском горном университете императрицы Екатерины II за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00687, «Образы античных мыслителей в России в контексте европейского Просвещения: рецепция образов, их представление и воспитательное значение в Горном музее и других российских музеев», <https://rscf.ru/project/23-28-00687/>

образу Платона в культуре, науке, образовании. Через обращение к истории и современности в докладе выявляются прежде всего разные способы участия образа Платона в образовании. Пластический образ внешнего вида философа в классической античной скульптуре (так важной для образования) дополняется образом, складывающимся на основе его философских диалогов, образа жизни, биографии и т. д. Важно, что образ Платона во всей его многогранности (отражающем многогранность самого понятия образ) продолжает быть актуальным и незаменимым в современном мире и образовании, объединяя собой эстетическое, философское, общекультурное и притягивая к себе.

Ключевые слова: Платон, образ, образование, актуальность классики, полисемантность образа, восприятие Платона в культуре

Образ — понятие полисемантическое, с разнородными смысловыми коннотациями, поэтому, во избежание опасной неопределенности, будет уместным выделить основные значения этого термина. Итак, образ предстает как:

1) любая чувственно воспринимаемая, визуальная *par excellence* форма явления (это значение выражено уже в древнегреческих словах «идея» и «эйдос»);

2) результат художественного творчества в искусстве, в котором находит свое конкретное выражение обобщенное понимание и видение художником того, что он изображает (человека, город, природу и т. д.);

3) внешний вид, наружность, внешность, чувственно воспринимаемый в конкретный момент облик человека;

4) не ограничивающееся только внешностью (но включающее ее) целостное ценностно и эстетически ориентированное понимание человека;

5) наглядное представление о чем-либо или ком-либо, результат деятельности воображения, направленной на творческое создание определенной чувственной данности, отпечаток, воспроизведение или отражение в сознании явлений, предметов и событий внешнего мира;

6) порядок, направление, особенный характер осуществления чего-либо (например, образ жизни; образ мыслей; образ действия);

7) отличное от сущности и реального бытия, вплоть до противопоставления ему (гностицизм, манихейство, спиритуализм), чувственное выражение сущего (разделение, даже дуализм сущности и явления, чувственного и ноуменального, материального и духовного)

8) икона в целом, иконописный образ преображенного лика человека в частности.

Все эти значения важно так или иначе учитывать при обращении к пониманию образовательного значения образа Платона. В этих значениях выделяются несколько ключевых стратегий понимания этого термина, задействованных в разное время в у разных философов и в разных философских направлениях:

1) образ как воплощение или отражение (в том числе непроизвольное) подлинной действительности бытия;

2) образ как результат активной субъективной деятельности человека;

3) образ как вторичная, по отношению к реальной, форма действительности.

Прежде всего нас интересует эстетическое, онтологическое и образовательно-воспитательное значение образа человека, которое актуализируется образом Платона. Нам важно исследовать, как образ Платона был и может быть сейчас задействован в образовательном процессе, понимаемом прежде всего как (само)формирование нового образа человека. Платон не только образует, но и воспитывает. Кратко охарактеризуем образовательно-воспитательные возможности образа Платона.

Пластический образ Платона, представленный в многочисленных римских копиях (прежде всего с иконографического образца Силаниона), являет пример классического произведения искусства, способного и в наше время образовывать человека красотой, мерой, гармонией своей формы и выраженного в ней смысла. «Красота — это чувственное явление исти-

ны», поэтому искусство может быть путем к знанию и истине, особенно если великое классическое искусство представляет образ великого классического философа. Далее, образ Платона — это образ великого философа, поэтому обращение к его философии, хотя бы на первичном уровне, способно открыть новые смысловые горизонты, проблемы, установки — все это может вдохновить на активное саморазвитие. Поэтому этот образ формируется не только пластическим обликом и биографической жизнью (хотя это тоже очень важно), но и его бессмертными диалогами, оставляющими в сознании человека незабываемый след, смысловой отпечаток на всю жизнь. Внешний образ, образ жизни, образ мыслей все это здесь нераздельно связано. Если величественный образ Сократа, особенно в его отношении к смерти, создает его ученик Платон (Евтифрон, Апология Сократа, Критон, Федон), то личностный образ самого Платона создает прежде всего он сам (например, в своих письмах и диалогах), а за ним уже идет платоническая и историко-философская традиция. Тексты помогают создать целостный образ, не заменяя собой его, а сам образ формируется с учетом написанных диалогов; автор и тексты взаимосвязаны и взаимопологают друг друга.

В этом смысле важно максимально визуализировать философские термины и учения в образовательном процессе, без их упрощения и профанации, чтобы активизировать продуктивный потенциал как воображения, так и мышления, во многом нераздельно связанных. Платон — это не лишь иллюстрация в презентации на лекции, его образ и его философия составляют единое целое, и одно может помочь понять другое. И, конечно, очень важно преодолевать еще имеющееся представление о образе классического философа (или художника) как оторванного от реалий современного мира, как имеющего лишь архивную, историко-библиографическую ценность. Как непродуктивно феноменальный образ противопоставлять ноуменальной сущности, умея при их различии вскрывать их глубинную взаимосвязь (манифестацию одного в другом), также и образ Платона нельзя изолировать в древних Афинах — пока мы его заинтересованно читаем, он жив и присутствует

с нами, его актуальность нужно раскрывать здесь и сейчас, показывая взаимосвязь Античности и современности. Образ Платона, который у каждого может быть свой, раскрывает в разных перспективах Первообраз Платона, тайну которого можно бесконечно разгадывать и понимать. Конечно, из Платона не надо делать икону (хотя его иконография есть не только в фресковой стенописи православных храмах, но и по некоторым сообщениям на иконе). Но, с другой стороны, как икона являет преобразенный божественной благодатью образ человека, так и Платон являет образ человека, преобразенного мышлением, умозрением и работой мысли. Недаром уже современники называли его божественным, недаром он обращен к божественным тайнам и след этого обращения виден на его образе. И здесь мы опять возвращаемся к эстетическому образу нашего философа, который может помочь не только формированию вкуса, но и обратить свою жизнь к работе понимания, без творческой и постоянной привычки к которому любое образование будет, по большому счету, весьма относительным, а существование — ограниченным.

DANIL DOROFEEV, DSc in Philosophy, Professor; St Petersburg Mining University (Saint Petersburg, Russia), Head of the Department of Philosophy, Professor

EDUCATIONAL SIGNIFICANCE OF PLATO'S IMAGE*

The report is devoted to revealing the relevance of the educational significance of the image of Plato in our days. The aesthetic, philosophical, educational significance of the image is explored in detail. In the Russian language, following German, the image is etymologically directly related to education. The perception of Plato's image is considered as an important component of the educational process, understood

* The research was carried out at Saint-Petersburg Mining University with financial support of Russian Science Foundation, project No 23-28-00687, "Images of ancient thinkers in Russia in the context of the European Enlightenment: the reception of images, their presentation and educational value in the Mining Museum and other Russian museums," <https://rscf.ru/en/project/23-28-00687/>

as the (self) formation of the human image. At the beginning, the main meanings of the concept “image” are formulated and briefly characterized; There are eight of them, such as sensory-perceptible form, appearance, representation, the result of artistic creativity, etc. All of them must be kept in mind in order to understand and take into account in further research the polysemy of this complex term in order to begin to unravel and understand the mystery of Plato’s image in culture, science, education. By turning to history and modernity, the report primarily identifies different ways in which the image of Plato participates in education. The plastic image of the philosopher’s appearance in classical ancient sculpture (so important for education) is complemented by the image that develops on the basis of his philosophical dialogues, lifestyle, biography, etc. It is important that the image of Plato in all its versatility (reflecting the versatility of the very concept of image) continues to be relevant and indispensable in the modern world and education, uniting the aesthetic, philosophical, general cultural and attracting to itself.

Keywords: Plato, image, education, relevance of the classics, polysemy, perception of Plato in culture

ЮРИНА ЕКАТЕРИНА СЕРГЕЕВНА, кандидат философских наук; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского (Санкт-Петербург, Россия), научный сотрудник

Нить Платона в полотне Ханны Арендт*

Пересечение Ханны Арендт и Платона можно выразить через отношение к *δεσμοτήριον*, которое выступает для политического теоретика миром человеческого взаимодействия, а для отца политической философии — тюрьмой. Метафора связи используется обоими мыслителями

* Исследование выполнено в Русской христианской гуманитарной академии им. Ф. М. Достоевского за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00925 «Ханна Арендт и вопросы литературы: поэтическое мышление как особая форма философствования», <https://rscf.ru/project/23-28-00925/>

как в плане умопостигаемой, так и чувственно-воспринимаемой области. Раскрыть эту метафору и является целью данного доклада. Отправной точкой послужит платоновское объяснение философского мышления через аллeгорию узников в пещере. Такая иллюстрация познания уходит своими корнями в традицию, описывающую особую способность мышления, $\mu\eta\tau\iota\varsigma$, проявляющуюся в момент столкновения со сложной ситуацией в мире. Платон переворачивает традицию, направляясь к познанию истины за пределами осязаемого мира. Такой переворот подвергается критике со стороны Арендт, отдающей первенство мышлению, должному, подобно Пенелопе, каждый раз распускать сотканное. Арендт указывает, что, закрепив за сферой познания главное место, Платон в «Политике» впервые разводит действие и знание. Так, действие (action) теряет свою главную характеристику — спонтанность и становится лишь исполнением приказов правителя. Если для Платона именно обладающий знанием правитель, к правлению которого применяются метафоры ткачества, создает ткань всего подконтрольного ему мира, то для Арендт, напротив, эта ткань (web) сплетается в ходе взаимодействия всех граждан, которые словом и делом участвуют в организации общего пространства совместной жизни. Таким образом, Ханна Арендт настаивает, что политику, понимаемую Платоном наравне с другими искусствами, создают не избранные философы, а простые люди.

Ключевые слова: Платон, Арендт, узы, ткань, мышление, знание, действие

Мир, который люди делят друг с другом, является и для Ханны Арендт, и для Платона, не чем иным, как $\delta\epsilon\sigma\mu\omega\tau\acute{\eta}\rho\iota\omicron\nu$, однако не в одном и том же смысле. В 7 книге Государства, занимаясь основоположением политической философии, Платон именует связующий нас мир темницей ($\delta\epsilon\sigma\mu\omega\tau\acute{\eta}\rho\iota\omicron\nu$) (*Res.* 515b7). Само слово, хотя и фигурировало в греческом полисе в негативном смысле тюрьмы, происходит от глагола $\delta\acute{\epsilon}\omega$ (связывать) и буквально означает место, связующее всех тех, кто ему принадлежит. Именно в своем исконном смысле

оно согласуется с предложенным Ханной Арендт пониманием мира как ткани человеческих отношений (web). Оковы (δέσμα) как темницы, так и мира, можно разделить, будучи прилежными учениками Платона, на два модуса: видимый и умопостигаемый. В данном докладе я хочу показать метафору связи, используемую Платоном и подхваченную Ханной Арендт, с одной стороны, в области знания и мышления, с другой — в области политических отношений.

На вопрос, поставленный в «Жизни ума», «Что заставляет нас мыслить?», Арендт отвечает, ссылаясь на Платона: сильный *πάθος*, возникающий как реакция на нечто, ухваченное мысленным взором в мире. Иными словами — это удивление (*θαυμάζειν*). Такое восхищающее удивление (*admiring wonder*) характерно именно для философского мышления, направленного на познание истинных вещей и являющегося когнитивной операцией. Арендт противопоставляет процесс познания, детерминированный категориями целей и средств, мышлению, цель которого совпадет с его деятельностью — мыслить. Хотя к последнему так же ведёт столкновение с реальным миром, оно характеризуется озадаченностью (*perplexity*) и дезинтеграцией (*disunity*) между человеком и миром. Таким образом, если философское мышление направлено на усмотрение умом тайной гармонии в мире, то само по себе мышление возникает, наоборот, из явной дисгармонии с миром и ориентировано не на познание, а на поиски смысла (*meaning*). Часто процесс мышления Арендт уподобляет Пенелопе, жене хитроумного Одиссея, вынужденной ткать днем и распускать сотканное ночью, дабы отсрочить притязания женихов на ее руку и царство. Так и мышление не оставляет никаких результатов: всякая мысль думается заново.

В каком-то смысле Платон стал для Арендт тем столкновением с реальностью, которая привела к дисбалансу и вместе с тем к переосмыслению традиции, начатой Платоном. Прежде всего критика Арендт касается приоритета философского знания, но мне хочется показать, как Платон сам перекроил традицию. Есть три составляющих, связывающих миф о пещере Платона с ранней традицией. Прежде

всего упомянутый миф является аллегорией познания, какое, начиная с Гомера, указывает на след особой умственной способности, $\mu\eta\tau\iota\varsigma$, проявляющейся в момент столкновения со сложной ситуацией, с которой нужно справиться. Таковы герои гомеровского эпоса: Одиссей, названный πολύμητις , Менелай, морской бог Протей, Прометей и даже Зевс. В трагедии Эсхила «Прометей Прикованный» главный герой и во все — практически точь-в-точь как отвязавшийся узник платоновской пещеры — выводит людей из состояния незнания в состояние обладания им (Aesch. *Prom.* 441–443). Второй характеристикой мифов о героях, располагающих особенной способностью ума $\mu\eta\tau\iota\varsigma$, является выход из состояния $\nu\eta\pi\iota\omicron\varsigma$ (незнающего) в состояние $\eta\pi\iota\omicron\varsigma$ (знающего) (Hom. *Od.* 4. 371; Hes. *Theog.* 235). Третья главная характеристика заключается в мотиве связывания ($\delta\acute{\epsilon}\sigma\mu\alpha$): чтобы справиться с ситуацией, необходимо либо связать кого-то (как Менелай Протея), либо быть связанным самому (Одиссей у сирен). Прометей и вовсе вошёл в историю как связанный, потому что наделил людей разумом ($\xi\nu\nu\omicron\upsilon\varsigma$ $\xi\theta\eta\kappa\alpha$: Aesch. *Prom.* 443), научил всем искусствам и вывел на свет прежде живших под землёй ($\kappa\alpha\tau\acute{\omega}\rho\upsilon\chi\epsilon\varsigma$: Aesch. *Prom.* 452). Перевоорачивая традицию и используя элементы из мифов о знании, Платон вовсе уходит от элемента взаимодействия с реальностью в мир истинного познания, доступного только умозрению.

Отдав главенствующее место знанию, Платон и здесь отходит от традиции. Согласно Арендт, именно сын Аристона в диалоге «Политик» разводит тех, кто знает и не действует, и тех, кто действует, но не знает. Если исключительно философы-правители обладают знанием, то подчиненные лишь исполняют приказы, что не только превращает πόλις в οἶκος (домохозяйство) (Plat. *Polit.* 259b), но и подменяет действие (acting) на делание (making). Искусство политика более не включает в себя элемент самостоятельного исполнения (πράττειν), ему должно править лишь в смысле $\acute{\alpha}\rho\chi\epsilon\iota\nu$, править, над теми, кто может исполнять (πράττειν) повеления (Plat. *Pol.* 305d). Такое разграничение лишает действие его сущностной характеристики — элемента начинания. Так правление ($\acute{\alpha}\rho\chi\eta$), включа-

ющее в себя начало, становится присущим только одному человеку — правителю, отбирая возможность действия у толпы, за которой остается исполнение приказов.

В отличие от Арендт, для Платона предельно важно говорить о политике как об искусстве (ή πολιτική τέχνη, Pol. 278e), особенно уподобляя ее ткачеству (ύφαντική; Plato, Pol. 283a). Царское плетение (306a) создает ткань, обвивая всех людей, «рабов и свободных, которых держит в уза (311c). Выходит, что именно царь непосредственно участвует в создании нитей и, словно кукловод, управляет материей, куда вплетены человеческие отношения. Подобно Платону, Ханна Арендт так же использует метафору ткани, создаваемой в пространстве мира явленного (web). Однако, по мнению Арендт, вовсе не суверен владеет искусством ткачества, а каждый человек, который нитью слов и дел (speeches and actions) вплетает себя в ткань человеческих отношений. Всякий раз создавая своим непредсказуемым действием новый элемент в полотне целого, любой человек оказывается способным изменить общую конфигурацию плетения (constellation).

EKATERINA IURINA, CSc in Philosophy; Russian
Christian Academy for the Humanities (Saint
Petersburg, Russia), Research Assistant

PLATO'S THREAD IN THE FABRIC OF HANNAH ARENDT*

Hannah Arendt and Plato's intersection can be expressed through the relation to δεσμωτήριον. If the political theorist understands this place as a world, the father of political philosophy depicts it as a prison. The aim of the report is to demonstrate the metaphor of fetters, which both thinkers use for an intelligible and sensible world. Plato illustrates the cognition process through the cave parable and the prisoners bound with fetters. The fetter metaphor has its roots in the

* The study was carried out at Russian Christian Academy for the Humanities named after Fyodor Dostoevsky with financial support of Russian Science Foundation, project No 23-28-00925, "Hannah Arendt and Literature Issues: Poetical Thinking as a Special Way of Philosophizing," <https://rscf.ru/en/project/23-28-00925/>

traditional description of μήτις, or the faculty of cunning intelligence, which manifests itself in confronting reality. Plato overturns tradition by placing true knowledge beyond the tangible world. Arendt not only criticizes such a replacement, giving primacy to thinking over knowing, but likens thinking to Penelope's web. According to Arendt, with the separation of acting and knowing made by Plato, the action loses its main characteristic, spontaneity, and becomes the execution of the ruler's orders. Moreover, in *Politicus*, Plato compares the ruler's art to weaving, denoting that the ruler creates the fabric of the world under his control. In contrast, Arendt believes that the web of human relationships is woven by people acting and speaking when they gather together. Thus, Hannah Arendt insists that politics, assimilated by Plato to the weaving art, is created not by chosen ones or philosophers but by ordinary people.

Keywords: Plato, Arendt, web, fetter, thinking, knowing, action

ЗИМИНА СВЕТЛАНА ЮРЬЕВНА, кандидат философских наук; Колледж Хиллсдейл (Хилсдейл, шт. Мичиган, США), стажёр-исследователь

НАСЛЕДИЕ АНТИЧНОСТИ И КЛАССИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ США)

По традиции, в европейской науке предмет политической философии определяется как учение о государстве, формах управления и проблемах социума. Платон посвятил этой теме только несколько диалогов, которые вошли в «Государство» (1–2 книги *О справедливости*; зрелая доктрина платонизма 3–10 книги), их считают началом политической философии. Прекрасный город — идеальная модель полиса, образец государственного устройства, где благо — цель общественного развития, а вся жизнь строго регламентирована. В таком преломлении политика связана с философией образования, темами воспитания и другими социальными проблемами. Эти проблемы и сегодня активно обсуждаются в ходе диспутов, семинаров и в научной публицистике. Даже если эти философские положения не всегда оформлены

в виде фундаментальных научных трудов, это направление гуманитарной мысли, основы которой ещё в античности, представляет несомненный интерес.

Ключевые слова: политическая философия, этика, общество, государство, образование

Как заметил О. Уайльд, на карту земли, на которой бы не было утопии, не стоило бы даже смотреть, поскольку эта карта игнорирует страну, к которой всегда стремится человечество. Прогресс — это форма реализации утопий. Слово происходит от комбинации греческих *у* (нет) и *топос* (место) и означает место, которого нет. В другом значении утопия — это совершенное место (от комбинации греческих *еу* — «лучший», «совершенный» и *топос* — «место»). В европейской традиции утопия — образ идеального государства, его модель, идеальное общественное устройство. Вырастая из критики настоящего и его переосмысления, утопия предлагает возможные пути и варианты будущего.

Само слово политика созвучно греческому полис и от него происходит. Началом политической философии по праву считается Платон.

Как известно, Платон с осуждением относился к современным ему двум формам государства: демократии и тирании; впрочем, он осуждает также тимократию (власть военных) и олигархию (власть земельной аристократии). О современной демократии он говорит как о «безумии большинства», которое легко переходит в тиранию. Четырем конкретным видам государства он противопоставляет образец идеального государства, которое он называет «прекрасным городом».

У души есть три части (разумная, яростная и низменная); в государстве присутствуют три сословия — правителей-философов (разумное начало души), стражей (яростная часть), земледельцев и ремесленников (вождедеющая душа).

Такое государство добродетельно: оно мудро мудростью своиз правителей-философов, мужественно мужеством своих стражей, рассудительно повиновением остальных.

В идеальном государстве — три сословия. Но Иногда Платон говорит о двух. Поскольку философы выходят из воинов-стражей, он иногда говорит о воинах-стражах, подразумевая также философов.

Стражи получают хорошее воспитание — гимнастическое и мусическое. Гармония — сочетание отваги и кротости, тогда как только отвага граничит с грубостью, а кротость с изнеженностью и трусливостью. Из стражей выходят философы-правители, и на всех стражей такое воспитание распространяется, а философы среди стражей не сразу видны и только отбирая из лучших можно выбрать философов.

Об искусстве в воспитании Платон рассуждает так: искусство могущественно, оно проникает в душу и сильнее всего ее затрагивает. Искусство делает стражей стойкими и мужественными, верящими в добро, некорыстливыми и рассудительными.

Не всякое искусство может служить этим целям: воспитывать на изображении порока нельзя: стражи, воспитанные на пороке, как на дурном пастбище, столько всего дурного поглощают — «день за днем, по мелочам, но в многочисленных образцах, что из этого незаметно для них самих состоит в их душе некое единое великое зло». Искусство должно быть пересоздано: из музыки изгоняются неритмичные и дисгармоничные лидийский и ионийский лады (неритмичность и дисгармония соотносимы со злоречием и злонравием; с флейтой и изнеженностью). Дорийский же и фригийский лады оставляются: они сообразны напевам человека и звукам лиры и кифары.

Мифы должны учить добру, а не злу, поэтому мифы, предназначенные для воспитания, тоже строго регламентируются (из Гомера и Гесиода следует изъять те места, где боги наказывают людей не ради их пользы, а ради мести, злобы или зависти).

Из искусства, согласно Платону, следует изъять порок, сладострастие (ионийский и лидийский лады). Из поэзии — тех, кто изображает несправедливых справедливыми (таких вообще нельзя допускать к мастерству).

Философы — самые одаренные и нравственные души. Философ склонен к знанию, он любит истину, признает благо (закон). Отбор философов происходит из тех, кто умеет подниматься до истинного бытия. Основа работы мудреца — это этос (благо), пафос (свободная речь), логос (разумное суждение).

Сократ, учитель Платона, Платон, Аристотель — три мыслителя, с текстов которых начинается изучение истории политической философии.

Сегодня теоретические положения этого направления гуманитарной мысли сформулированы в работах, выступлениях и высказываниях таких ее представителей, как Ларри П. Арн, Виктор Д. Хансон, Уильям П. Барр.

В ходе семинаров и диспутов обсуждаются темы образования и воспитания, творчество; проблема социального неравенства, пути решения проблем мигрантов, понятия справедливости и личной свободы. Просветительская работа заключается в разработке и создании циклов видеолекций по истории, истории культуры и философии. Такие курсы видеолекций в формате он-лайн начали разрабатываться с 2011 года в колледже Хиллсдейл; за период с 2019 по настоящее время созданы видеоциклы лекций по этике, истории западноевропейской философии, которые предназначены как для старшеклассников, так и для самого широкого круга зрителей и слушателей.

Обращение к этой проблематике диктуется не только академическим интересом, но также потребностью самого исследователя определить свое место в пространстве гуманитарной мысли.

SVELTANA ZIMINA, CSc in Philosophy; Hillsdale College
(Hillsdale, MI, USA), Researcher

THE HERITAGE OF ANTIQUITY AND CLASSICAL EDUCATION (BASED ON THE UNITED STATES)

Traditionally, in European science, the subject of political philosophy is defined as the doctrine of the state, forms of government and the problems of society. Although Plato devoted only a few dialogues to the subject, The Republic

and some other dialogues are considered the beginning of political philosophy. The beautiful city is an ideal model of the polis, a model of state structure, where good is the main form (idea), the goal of social development. In this refraction, the problem relates to the philosophy of education, and other social problems, which are actively discussed today in debates, seminars and in scientific journalism. Even if these philosophical positions are not formalized in the form of fundamental scientific works, this direction of humanitarian thought, the foundations of which are in the philosophical tradition of antiquity, is of undoubted interest.

Keywords: political philosophy, ethics, society, state, education

ИЩЕНКО НИНА СЕРГЕЕВНА, кандидат философских наук;
Луганский государственный аграрный университет
имени К. Е. Ворошилова (Луганск, Россия), доцент

КОНЦЕПЦИЯ ЭТНИЗАЦИИ ВАЛЛЕРСТАЙНА В СВЕТЕ ПЛАТОНИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Проблема этнизации в современном мире является одной из самых актуальных, поскольку количество конфликтов на этнической и национальной почве постоянно растет. Связана ли эта проблема с современной системой образования? Может ли помочь в ее решении платоническая традиция образования? На связь этнизации с универсальным образованием западного типа обращает внимание исследователь капитализма И. Валлерстайн. Он считает фактором, продуцирующим этнизацию, разделение труда в обществе. Исследователь указывает, что капиталистическое общество требует существования разных профессий с разной оплатой и что еще более важно, с разным мировоззрением трудящихся в каждой сфере. Программы начальной, средней и высшей школы универсальны, то есть воспроизводить эту специфику не могут. Как следствие разные формы мировоззрения в капиталистическом обществе воспитывают этносы. Таким образом, чтобы снизить роль этничности в обществе, нужно отказаться от универсального образования, создать особые школы, свой набор предметов и разные

программы для каждого региона и сословия, в зависимости от разделения труда в обществе. Эта концепция образования противоречит демократической идеологии, легитимизирующей современные национальные государства, созданные волей всех граждан, имеющих равные права. В то же время такие образовательные практики лежат в русле платонической традиции образования, берущей начало в «Государстве» и требующей учить разных людей разному. Адаптация платонической традиции для современных обществ требует согласования как с демократической идеологией, так и с потребностями национального государства в гомогенной культурной среде. Дальнейшие исследования в этом направлении являются перспективными и актуальными.

Ключевые слова: Платон, образование, Валлерстайн, этнизация, капитализм

NINA ISHCHENKO, CSc in Philosophy; Lugansk State Agrarian University named after K. E. Voroshilov (Lugansk, Russia), Assistant Professor

WALLERSTEIN'S CONCEPT OF ETHNIZATION IN THE LIGHT OF THE PLATONIC TRADITION OF EDUCATION

The problem of ethnization in the modern world is one of the most urgent, since the number of conflicts on ethnic and national grounds is constantly growing. Is this problem related to the modern education system? Can the Platonic tradition of education help in solving it? Wallerstein draws attention to the connection of ethnization with universal education of the Western type. He considers the division of labor in society to be a factor producing ethnization. The researcher points out that capitalist society requires the existence of different professions with different salaries and, more importantly, with different worldviews of workers in each field. Primary, secondary and higher school programs are universal, that is, they cannot reproduce this specificity. As a result, different forms of worldview in capitalist society are nurtured by ethnic groups. Thus to reduce the role of ethnicity in society, it is necessary to abandon universal education, create special

schools, their own set of subjects and different programs for each region and class, depending on the division of labor in society. This concept of education contradicts the democratic ideology that legitimizes modern nation-states created by the will of all citizens with equal rights. At the same time, such educational practices are in line with the Platonic tradition of education, originating in the “State” and requiring different people to be taught differently. The adaptation of the Platonic tradition for modern societies is promising and relevant.

Keywords: Plato, education, Wallerstein, ethnization, capitalism

ЗЕМЦОВА ЕКАТЕРИНА ЕВГЕНЬЕВНА,

Санкт-Петербургский государственный
университет (Санкт-Петербург, Россия),
аспирант

КОНЕЦ СВЕТА: КОНЦЕПЦИЯ ГИБЕЛИ ЦИВИЛИЗАЦИИ ОТ ПЛАТОНА ДО СОВРЕМЕННОГО МИЛЛЕНАРИЗМА.

Доклад посвящен платоновским представлениям о периодической гибели цивилизаций и их влиянию на современный дискурс о конце света. Как известно, платоновская космология предполагала смену космических циклов, во время которой гибнет все сущее. Платон говорит о гибели человечества в контексте мифа о Кормчем в диалоге «Политик», затем формулирует эту мысль в «Тимее», и, наконец, дает красочную иллюстрацию своей идее на примере мифа об Атлантиде и Афинах в «Критии». В качестве излюбленного инструмента для донесения своих построений Платон использует авторский миф. Сам Платон наделял миф огромной дидактической силой, предлагая даже использовать «правильные мифы» для воспитания граждан идеального государства. И именно один из таких мифов — предание об Атлантиде и Афинах, описывающее, помимо прочего, гибель обеих держав, — имел долгую жизнь, не раз упоминался в теософских сочинениях XIX века, которые повлияли на Нью-эйдж культуру XX-XXI вв. и современный миллениаризм, согласно которому, после грядущего ка-

таклизма человечество духовно преобразится, перейдя на более высокий уровень. В этом смысле, любопытно, что как в свое время Платон смешивал утопию и теорию циклов, так и в современности: вера в периодическую гибель цивилизаций сопряжена с убежденностью в том, что идеальный мир существовал до мировой катастрофы в прошлом и/или будет существовать в будущем, где человечество ждет новый виток духовного развития. Данный феномен может быть интересен с точки зрения культурологии, социологии и религиоведения.

Ключевые слова: Платон, космический цикл, утопия, конец света, миллениаризм

EKATERINA ZEMTSOVA, Saint Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia), Postgraduate

THE END OF THE WORLD: THE CONCEPT OF THE DEATH OF CIVILIZATION FROM PLATO TO MODERN MILLENNARISM

The topic is devoted to Platonic ideas of the periodic death of civilizations and their influence on modern discourse about the end of the world. Platonic cosmology assumed a change in cosmic cycles, during which everything that exists perishes. Plato talks about the death of mankind in the context of the myth of Pilot in the dialogue “Statesman,” then formulates in “Timaeus,” and finally gives a colorful illustration using the myth of Atlantis and Athens in “Critias.” As an instrument Plato uses the author’s myth. He endowed the myth with great didactic power, suggesting the use of “correct myths” to educate citizens of an ideal state. One of these — the legend of Atlantis and Athens, which describes, among other things, the death of both states — had a long life, was repeatedly mentioned in theosophy of the 19th century, which influenced the New Age culture of the 20–21st centuries and modern millenarism, according to which, after the coming cataclysm, humanity will be spiritually transformed, moving to a higher level. In this sense, it is curious that both at one time Plato mixed utopia and the theory of cycles, and in modernity: belief in the periodic death of civilizations is associated with the conviction that an ideal world existed

before the world catastrophe in the past and/or will exist in the future, where humanity is waiting for a new round of spiritual development. This phenomenon may be interesting for the cultural, sociology and religious studies.

Keywords: Plato, cosmic cycle, utopia, the end of the world, millenarism

МАЛЯВСКАЯ АНАСТАСИЯ ЕВГЕНЬЕВНА,
независимый исследователь

**УЧЕНИЕ ПЛАТОНА О СТРУКТУРЕ ДУШИ И ЕГО ВЛИЯНИЕ
НА КОНЦЕПЦИЮ ПСИХИЧЕСКОГО АППАРАТА:
ДИАЛОГ АНТИЧНОЙ И СОВРЕМЕННОЙ МЫСЛИ**

В докладе рассмотрено влияние идей Платона о структуре души на развитие представлений о психическом аппарате в психологии XX века. Центральным является открытие З. Фрейдом бессознательной сферы влечений и желаний — «Оно», что обнаруживает поразительную параллель с «вождедеющей» частью души по Платону. Фрейдовское «Сверх-Я» выполняет нормативную функцию, аналогичную «разумной» части платоновской концепции, а «Я» играет посредническую роль, напоминая «яростную» составляющую. После Фрейда развитие шло разнонаправленными путями: одни ученые следовали «тройственной» модели, другие возвращались к идее единства психики. Однако современные эмпирические данные свидетельствуют о многоуровневой организации психического, включающей сознательные и бессознательные процессы. Привлечение метафоры алхимического «Великого делания» К. Г. Юнга позволяет синтезировать эти противоположные позиции. Психика развивается путем последовательной трансценденции, от бессознательных влечений через формирование рационального «Я» к высшему уровню — способности к свободному выбору и самопознанию. Таким образом, платоновские идеи открывают перспективы для интеграции различных традиций в единую концептуальную модель многоуровневой психической организации. Реактуализация наследия Платона дает возможность прео-

долеть разрыв между противоборствующими в истории психологии подходами.

Ключевые слова: Платон, Фрейд, Юнг, душа, структура психики, бессознательное, многоуровневая организация, трансценденция

Одним из наиболее влиятельных открытий в психологии XX века стала формулировка З. Фрейдом структурной модели психического аппарата. Подобно Платону, Фрейд рассматривал психику как состоящую из нескольких частей с разными функциями и принципами работы.

В платоновской модели, как он пишет в «Государстве», душа состоит из следующих частей:

1) «вождедеющая, которая является причиной голода, жажды и вообще желаний» — (ἐπιθυμητικόν), отвечающая за телесные влечения;

2) «яростная или мужественная, помощница этому разумному началу во всякой душе, когда же разум велит противиться несправедливым страстям» — (θυμοειδές), отвечающая за волю и различные аффекты;

3) разумная (λογιστικόν), «благодаря которому мы разумеем», постигающая истину, добро и красоту.

Эта концепция обнаруживает поразительную параллель с фрейдовским делением на Оно, Я и Сверх-Я. Оно можно рассматривать как аналог вождедеющей части у Платона — это бессознательная, инстинктивная сфера, источник влечений и желаний. Сверх-Я, в свою очередь, выполняет регулирующую, ценностно-нормативную функцию, подобно разумной части души у Платона. А Я является посредником между бессознательными влечениями Оно и требованиями Сверх-Я, что отчасти напоминает волевой компонент платоновской модели. Стоит, однако, уточнить, что в яростной части Платона также частично присутствует нормативный аспект, который у Фрейда свойственен только Сверх-Я, но именно поэтому речь идет о схожести моделей, а не их совпадении.

Идея Платона о внутренней разделенности, многоставности души была новаторской для античной философии.

Важнейший оппонент Платона Аристотель, признавая «части души» как ее способности, все же считал душу единой сущностью, неделимой на составляющие.

После Аристотеля в философии и психологии Средневековья и Нового времени преобладало представление о душе/психике как о нечто неделимом. Декарт же сводил душу исключительно к сфере разума, редуцируя ее до принципа «мыслящей вещи» (*res cogitans*).

Инновационным было то, что Фрейд не просто возродил идеи Платона о внутренней разделенности психики, но впервые в явном виде выделил область бессознательного с его влечениями, имеющими телесный, физиологический источник, конфликтами и принципом удовольствия, назвав ее «Оно». Таким образом, Фрейд существенно дополнил платоновскую схему и наметил путь преодоления жесткого декартовского дуализма разума и тела.

После Фрейда развитие представлений о структуре психического пошло разными путями. Некоторые концепции следовали платоно-фрейдовской «тройственной» модели (Э. Эриксон и его эпигенетическая концепция развития личности через кризисы «Я-идентичности»; Э. Берн и его триада Ребенок-Взрослый-Родитель). Другие, напротив, вновь склонялись к идее единства психики как многообразия процессов (гештальтпсихология М. Вертгеймера, феноменология Э. Гуссерля и гуманистическая психология А. Маслоу).

Дискуссия о единой/многосоставной природе психического сохраняет актуальность в современной науке. Эмпирические данные нейронауки, эволюционной психологии, исследований сознания свидетельствуют как о единстве ментальных явлений, так и о наличии в психике разных подсистем и уровней организации.

Привлечение метафоры алхимического «Великого делания», предложенной К. Г. Юнгом, позволяет наметить путь для синтеза и разрешения этого концептуального противостояния. Юнг был первым, кто предвосхитил ключевое влияние социального на формирование психики, и полагал, что описание человеком окружающего мира отражает его внутрисп-

сихическое состояние. Соответственно, алхимические образы и символы можно рассматривать как проекции внутренних психических процессов и уровней психики. Таким образом, метафора алхимии оказывается уместной для моделирования структурной организации человеческой психики.

Как соединение первоматерии с отдельными элементами порождает философский камень, так и единая изначальная психика (Prima Materia) развивается через последовательные уровни трансценденции, обретая все более сложную внутреннюю структуру.

На первом уровне (нигредо) возникает область бессознательных влечений, соответствующая вождедеющей части платоновской души. На данном этапе психические процессы нельзя свести к химико-биологическим, поэтому появление психики — первый уровень трансценденции, происходящий благодаря эволюции.

Затем (альбедео и цитринитас) формируются разум и представление об «Я» как результат социального взаимодействия (на социальный аспект отдельно обращали внимание С. Рубинштейн и А. Лурия) и развития когнитивных способностей (частичный аналог яростной части вместе с разумной частью). Формирование самосознания невозможно свести к психическим процессам, поэтому это второй уровень трансценденции, реализующийся через взаимодействие с психикой «другого».

«Социальные» аспекты внутриспсихической жизни (внутренний конфликт, внутренний диалог и т. п.) также свидетельствуют о взаимодействии с разными «персонами» внутри сознания. Разрешение внутреннего конфликта возможно лишь при совершении выбора, а значит при наличии «Я-совершающего-выбор».

Хотя «Я-совершающее-выбор» ограничено биологическими, когнитивными и социальными факторами, оно не может быть детерминировано. Также оно не сводимо просто к сознанию, так как для выбора между «частями сознания» необходимо «подняться над ними». Таким образом, на третьем уровне (рубедо) через рефлексию и самопознание обрета-

ется «Свободная воля», нормативная способность совершать выбор между различными импульсами — подобие разумной части у Платона. В целом же психика выступает как единое многоуровневое образование, развивающееся по пути индивидуации согласно К. Г. Юнгу.

Таким образом, идеи Платона о внутренней структурированности души находят потенциал для развития в современных представлениях о многоуровневой организации психики, включающей сознательные и бессознательные процессы. Реактуализация этих античных воззрений открывает перспективы для преодоления разрыва между противоборствующими в истории психологии традициями — платоно-фрейдистской и аристотелевско-гуманистической, интегрируя их в рамках единой концептуальной модели.

ANASTASIA MALYAVKSY, independent scholar

**PLATO'S THEORY OF THE STRUCTURE
OF THE SOUL AND ITS INFLUENCE
ON THE CONCEPT OF THE PSYCHIC APPARATUS:
A DIALOGUE BETWEEN ANCIENT AND MODERN THOUGHT**

The lecture examines the influence of Plato's ideas about the structure of the soul on the development of concepts of the psychic apparatus in 20th-century psychology. Central is Sigmund Freud's discovery of the unconscious realm of drives and desires — the “Id,” which reveals a striking parallel with the “appetitive” part of the soul according to Plato. Freud's “Superego” performs a normative function analogous to the “rational” part of Plato's conception, while the “Ego” plays a mediating role, reminiscent of the “spirited” component. After Freud, development proceeded along divergent paths: some scholars followed the “tripartite” model, while others returned to the idea of the unity of the psyche. However, contemporary empirical data testifies to the multilevel organization of the psychic, encompassing conscious and unconscious processes. Drawing on Carl Jung's metaphor of the alchemical “Great Work” allows us to synthesize these opposing positions. The psyche develops through a process of

successive transcendence, from unconscious drives through the formation of a rational “Self” to the highest level — the ability for free choice and self-knowledge. Thus, Platonic ideas open up perspectives for integrating various traditions into a unified conceptual model of multilevel psychic organization. Reactivating Plato’s legacy provides an opportunity to overcome the divide between the opposing approaches in the history of psychology.

Keywords: Plato, Freud, Jung, soul, structure of the psyche, unconscious, multilevel organization, transcendence

КРУТЬКО ДАРЬЯ ЮРЬЕВНА, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Россия), аспирант
ЛАДЕНКОВ НИКИТА ЕВГЕНЬЕВИЧ, Международный банковский институт им. Анатолия Собчака (Санкт-Петербург, Россия), старший преподаватель

МЫСЛЕННЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ И УТОПИЯ: ОТ РИТОРИЧЕСКОГО ПРИЕМА К СОВРЕМЕННЫМ МЕТОДАМ ИССЛЕДОВАНИЯ

Мысленный эксперимент как метод познания и средство творческого рассуждения позволял представить решение проблем со времен досократиков, и в философии закрепился как эффективный инструмент исследования. В тоже время возникают вопросы о происхождении это познавательной процедуры и ее применимости в других науках. Например, идеи Платона, в которых можно обнаружить нечто похожее на современный мысленный эксперимент, обсуждаются в рамках разных курсов общественных наук- в истории экономических, политических, правовых учений. Рассмотрение Платона сквозь призму юридических наук выглядит как конструирование утопий или мысленных моделей государственного устройства, в истории экономики- через идею общества, основанного на натуральном хозяйстве с ограниченным денежным оборотом. Для понимая места мысленного эксперимента в общественных науках необходимо

рассмотреть его форму в философии Платона, а также специфику применения в разных областях знания.

Ключевые слова: мысленный эксперимент, утопия, методология, идеальный объект, философия науки и техники

Метод эксперимента описывается как конструирующий научный метод новоевропейской науки. Обращение к исторической эпистемологии позволяет реконструировать появление метода и также рассмотреть его место на каждой из стадий развития человеческого познания.

Античная наука, в отличие от инженерной мысли, не привнесла осязаемый вклад в метод эксперимента (под которым чаще подразумевается физический эксперимент с использованием математического аппарата), кроме такой формы познания, как мысленный эксперимент.

В истории мысленных экспериментов Платон играет важную роль, так как в его трудах содержится одно из самых ранних задокументированных применений мысленных экспериментов, и также конструируется сама форма этого метода.

Мысленный эксперимент — познавательная процедура в форме гипотетической ситуации, когда выдвигается некоторое положение (теория, гипотеза, принцип, проблема), которое нужно разрешить с помощью воображения/в уме. Эпистемологическая функция этого инструмента направлена на реальный мир, т. е. мысленный эксперимент должен быть каким-либо образом разрешим. Такого рода метод используется тогда, когда нет возможности провести «реальный» (физический) эксперимент. Э. Мах пишет об мысленном эксперименте как «мысли о том, что могло бы произойти, если бы был предпринят иной образ действий». Мысленные эксперименты могут лежать в основе какой-либо теоретической модели, в том числе и модели общества. В этом случае можно говорить об утопиях и антиутопиях. С помощью утопий изучается реакция общества на какие-либо новации — например, технологические прорывы. В качестве иллюстрации допустимо рассматривать фильмы жанра научной фантастики. Картина «Эквилибриум» (Equilibrium, 2002) показывает высокое техногенное общество,

сталкиваемся с биологической сущностью человека, которая не может существовать в мире без чувств.

В древней Греции не существовало термина, соответствующего современному «мысленному эксперименту». Тем не менее, такой прием использовался аналогично — для защиты своих теорий и опровержения чужих. Также исследователи этой проблемы, например Katerina Lerodiakou, находят третий аспект — эллинистическая философия использовала метод для отсрочки суждения. Для этого формулировались аргументы в поддержку двух противоположных точек зрения.

В «Государстве» Платона можно найти самые известные приемы использования мысленного эксперимента. Он использует и литературные приемы в своих диалогах, что дает возможности рассматривать разный материал в качестве мысленного эксперимента в будущем — от рассказов Кафки до научно-фантастических фильмов. А в диалоге Платона «Тимей» можно найти термин *paradeigma*, означающий «образец, который помещается рядом с чем-то для сравнения или сопоставления». Из этого термина следует значение как примера, служащего стандартом для того, о чем-то можно судить.

Посредством литературного приема в своем «эксперименте» Платон обращается к мифам, которые скорей всего сочинил он сам. Самый известные примеры — миф о пещере и кольцо Гига. Также у Платона представлен пример утопии, «идеального государства».

В современном мире происходит попытка слияния разных форм познания. Мысленный эксперимент выступает интегрирующим звеном. Например, в экономических науках мысленный эксперимент помогает сконструировать модели, так как лабораторные абстракции имеет меньшую значимость, чем в экономической теории. Платоновское государство служит хорошим примером построения модели, так как его полис был значительно политизированным, как и современное общество. Платон описал разделение труда, но к минусам его модели можно отнести сохранения натурального хозяйства.

В истории политических и правовых учений Платон первым описывает формы государственного правления,

в которых в виде мысленных экспериментов отражены реально происходящие в древних полисах процессы — удачные: демократия (власть большинства), аристократия (лучшие люди), монархия (мудрый правитель). Неудачные: тимократия (власть толпы), олигархия (власть богатых) и тирания (власть сосредоточена в одних руках). Известно, что Платон попробовал воплотить свои идеи. Но опыт показался автору неудовлетворительным. И тогда Платон предложил новую форму правления-смешанную, сочетающую монархию и демократию. Платон также предполагает регулирование общественных отношений с помощью «писанного права». И хотя в истории политических и правовых учений считается неверным отождествлять платоновские идеи с современностью, их можно рассматривать как модель государства и конструировать соответствующие текущему курсу модели, формируя из них социально-правой эксперимент.

Таким образом, платоновский мысленный эксперимент находит свое применение не только в истории философии, но и в истории экономических, политических и правовых учений.

DARIA KRUTKO, Peter the Great St Petersburg Polytechnic University (Saint Petersburg, Russia), Postgraduate

NIKITA LADENKOV, International Banking Institute named after Anatoliy Sobchak (Saint-Petersburg, Russia), Senior Lecturer

A THOUGHT EXPERIMENT AND UTOPIA: FROM A RHETORICAL DEVICE TO THE MODERN RESEARCH METHODS

The thought experiment as a method of cognition and a means of creative reasoning has made it possible to imagine solutions to problems since the time of the Pre-Socratics, and has become established in philosophy as an effective research tool. At the same time, questions arise about the origin of this cognitive procedure and its applicability in other sciences. For example, the ideas of Plato in which one can find something similar to a modern thought experiment, are discussed in various courses in the social sciences — in the history of economic, political, and legal doctrines.

Consideration of Plato through the prism of legal sciences looks like the construction of utopias or mental models of government, in the history of economics — through the idea of a society based on a subsistence economy with limited monetary circulation. To understand the place of a thought experiment in the social sciences, it is necessary to consider its form in Plato's philosophy, as well as the specifics of its application in different fields of knowledge.

Keywords: thought experiment, utopia, methodology, ideal object, philosophy of science and technology

МИНИН ФЕДОР ДМИТРИЕВИЧ, Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского (Санкт-Петербург, Россия), студент

**ФЭНТЕЗИ КАК ПРОСТРАНСТВО ФИЛОСОФСКОЙ
ДИСКУССИИ И ЭКСПЕРИМЕНТА:
К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИЯХ ПЛАТОНА НА
ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДЖ. Р. Р. ТОЛКИНА**

Границы между философским произведением и художественной литературой были и остаются сложно определяемыми с момента обособления и выделения этих видов медиа. Вопрос о схожести и различии философской и художественной мысли осложняется, в частности, из-за их взаимного влияния, которое мы можем проследить как на уровне тем и концепций, так и на уровне формы и структуры философского и художественного высказывания. В данном докладе для иллюстрации этой проблемы мы обращаемся к опыту рецепции диалогов Платона (таких как «Государство», «Тимей», «Критий» и др.) со стороны автора фэнтези Дж. Р. Р. Толкина («Хоббит», «Властелин Колец», «Сильмариллион»). Демонстрируется генеалогическая преемственность и развитие платоновских идей, метафор, сюжетов и образов в творчестве Дж. Толкина. На основании этой преемственности предпринимается сравнение данных структурных элементов в их текстологических, эстетических и семантических и др. аспектах в текстах Толкина и Платона. Также соверша-

ется попытка реконструкции таких форм философского высказывания как диалог и эксперимент, присущих Платону, в художественных текстах Толкина, что позволяет концептуализировать проблему соотношения философского и художественного медиа.

Ключевые слова: Толкин, Платон, фэнтези, эксперимент, диалог, философия, метафора, политика, медиа

THEODOR MININ, Russian Christian Academy for the Humanities (Saint Petersburg, Russia), Student

**FANTASY AS A SPACE OF PHILOSOPHICAL
DISCUSSION AND EXPERIMENT:
ON THE QUESTION OF PLATO'S INFLUENCE
ON THE WORKS OF J. R. R. TOLKIEN**

The boundaries between a philosophical work and fiction have been and remain difficult to define since the separation and separation of these types of media. The question of the similarity and difference of philosophical and artistic thought is complicated, in particular, because of their mutual influence, which we can trace both at the level of themes and concepts, and at the level of the form and structure of philosophical and artistic utterance. In this report, to illustrate this problem, we turn to the experience of receiving Plato's dialogues (such as "The State," "Timaeus," "Critias," etc.) from the fantasy author J. R. R. Tolkien ("The Hobbit," "The Lord of the Rings," "Silmarillion"). The genealogical continuity and development of Platonic ideas, metaphors, plots and images in the works of J. R. R. Tolkien are demonstrated. Tolkien. Based on this continuity, a comparison of these structural elements in their textual, aesthetic and semantic, etc., is undertaken aspects in the texts of Tolkien and Plato. There is also an attempt to reconstruct such forms of philosophical utterance as dialogue and experiment inherent in Plato in Tolkien's literary texts, which allows us to conceptualize the problem of correlating philosophical and artistic media.

Keywords: Tolkien, Plato, fantasy, experiment, dialogue, philosophy, metaphor, politics, media

МОРОЗОВ КОНСТАНТИН ЕВГЕНЬЕВИЧ, Московский

государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия), аспирант

ПРЕДПОЛАГАЕТ ЛИ НОВОЕ ЕСТЕСТВЕННОЕ ПРАВО ПЛАТОНИЧЕСКУЮ КОНЦЕПЦИЮ БЛАГА?

Новое естественное право (NNL) — это подход в современной нормативной и прикладной этике, философии права, политической философии и моральном богословии, который тесно ассоциируется с работами богослова Жермена Гризе, теоретиков права Джона Финниса, Джозефа Бойла, Роберта Джорджа, биоэтика Кристофера Толлефсена и др. NNL возникло во второй половине XX века как результат критического пересмотра неосхоластической интерпретации естественного права, а также попытка примирить томизм с современной аналитической философией. NNL опирается на идею о том, что существует ряд базовых благ, ценных для всех людей, таких как жизнь, дружба, знание, красота, любовь, практический разум и т. д. Далее теоретики NNL утверждают, что все люди обладают естественными правами на то, чтобы эти блага в их жизни не подвергались целенаправленному повреждению. Некоторые более ортодоксальные томисты, такие как Джин Портер, Генри Витч и Джозеф Раутенберг, критикуют NNL на том основании, что такое обязательство уважать блага в жизни всех людей неявно опирается на платоническую концепцию блага, которая придаёт этим благам независимый от их реализации в конкретной жизни самостоятельный онтологический статус. Хотя некоторые авторы NNL действительно принимают платонические концепции блага, существуют и альтернативные способы обосновать такое обязательство, отсылая к более «субъективным» представлениям. В таком случае обязанность уважения к благам в чужой жизни будет включена в условия реализации благ в собственной жизни. Можно предложить четыре аргумента такого рода, отсылающие к четырём различным благам: дружбе, справедливости, гармонии с самим собой и самому практическому разуму.

Ключевые слова: естественное право, естественные права, платонизм, практический разум, благо, справедливость, моральный реализм

Новое естественное право (NNL) как философское направление возникло во второй половине XX века и тесно связано с трудами католических мыслителей Жермена Гризе и Джона Финниса. Также большой вклад в развитие этой традиции внесли Джозеф Бойл, Роберт Джордж, Кристофер Толлефсен, Патрик Ли, Джерард Брэдли и др. Изначально NNL был критической реакцией на несхоластическое (старое) естественное право и правовой позитивизм, но впоследствии NNL сформировалось как полноценное междисциплинарное теоретическое направление на стыке томистского морального богословия и аналитической философии права. Несмотря на тесную связь NNL с католицизмом, у этой традиции есть сторонники как среди других христианских конфессий (Джонатан Кроу, Гэри Шартъе, Тимоти Чаппелл), так и среди атеистов (Майкл Мур, Дэвид Бринк).

Сторонники NNL основывают свою теорию на тезисе о том, что существует ряд объективных благ, таких как жизнь, дружба, знание, красота, любовь, практический разум и т. д. Эти блага, считают теоретики NNL, никогда не должны намеренно повреждаться, а потому каждый человек имеет естественное право на уважение благ в его жизни. Неосхоластические критики NNL, такие как Джин Портер, Генри Витч и Джозеф Раутенберг, утверждали, что это право неявно опирается на платонические представления о благе. С этой точки зрения, блага имеют ценность сами по себе независимо от того, в чьей жизни они реализуются и реализуются ли вообще.

Отдельные авторы NNL признают свою опору на платоническую метафизику блага, но большинство из них либо отвергает такие обвинения, либо явно не комментируют онтологический статус объективных благ. Однако возможно ли сформулировать версию NNL, в которой право на уважение базовых благ не зависело бы от принятия платонической метафизики? Такой аргумент может быть сформулирован, если

уважение к благам в чужой жизни необходимо, чтобы реализовать блага в своей собственной жизни. Четыре различных аргумента такого рода могут быть сформулированы с опорой на четыре различных блага.

Во-первых, можно утверждать, что благо дружбы зависит от развития особого отношения к другим людям — отзывчивости к их интересам и нуждам. Поскольку всем для процветающей жизни необходима дружба, то для всех одинаково разумно развивать в себе такие качества, которые делают человека «хорошим другом». И одним из таких качеств является отзывчивость к нуждам других, способность ставить себя на место другого. И эта отзывчивость сама по себе даёт людям основания уважать блага в жизни других.

Во-вторых, можно утверждать, что всем людям для процветающей жизни необходимо жить в сообществе людей, которые подчиняются единым, универсальным, стабильным, понятным, произвольным и публично обоснованным правилам. Эта система правил составляет базовое благо справедливости, обусловленное потребностью в мире, стабильности и безопасности. И необходимость реализации этого блага налагает на людей обязательство подчиняться такого рода универсальным правилам.

В-третьих, можно утверждать, что каждый человек должен жить в гармонии с самим собой и своей природой. А природа человека сущностно направлена на реализацию базовых благ. Поэтому любые действия, намеренно повреждающие такие блага, вносят дисгармонию в реализацию человеком его природы и вредят его подлинному благополучию.

В-четвёртых, можно утверждать, что уважение к благам в жизни всех людей является просто требованием беспристрастности, а она, в свою очередь, компонентом блага практической разумности или рациональности. Практически разумный человек уважает блага в жизни всех людей, потому что он понимает, что все люди имеют равный моральный статус и, соответственно, любое повреждение блага в жизни другого иррационально и произвольно.

Ни одна из этих линий аргументации не лишена своих проблем, однако каждая из них вместе и по отдельности демонстрирует, что обязанность уважать блага в чужой жизни может быть обоснована без постулирования платонической метафизики в отношении блага. Эти аргументы предполагают, что основания для уважения чужих прав являются агентно-относительными (или субъективными), а не агентно-нейтральными (или объективными). Однако наиболее перспективный путь к обоснованию естественных прав предполагает, что основания являются интерсубъективными, что требует более детальной концепции человеческой природы, чем та, которая принята теоретиками NNL.

KONSTANTIN MOROZOV, Lomonosov Moscow State
University (Moscow, Russia), Postgraduate

DOES THE NEW NATURAL LAW PRESUPPOSE A PLATONIC CONCEPT OF THE GOOD?

New natural law (NNL) is an approach in contemporary normative and applied ethics, legal and political philosophy and moral theology that is closely associated with the work of Germain Grisez, John Finnis, Joseph Boyle, Robert George and Christopher Tollefsen. NNL arose in the second half of the 20th century as a result of a critical revision of the neo-scholastic natural law, as well as an attempt to reconcile Thomism with contemporary analytical philosophy. NNL is based on the idea that there are a number of basic goods that are valuable to all people, such as life, friendship, knowledge, beauty, love, practical reason, etc. NNL theorists further argue that all people have natural rights to have these goods in their lives free from targeted harm. Some more orthodox Thomists criticize NNL on the grounds that such a commitment to respect the goods in the lives of all people implicitly relies on a Platonic concept of the good, which gives these goods an ontological status independent of their actualization in a particular life. While some NNL theorists do accept Platonic conceptions of the good, there are alternative ways of justifying such a duty by appeal to more “subjective” notions. In this case, the duty of respect

for the goods in someone else's life will be included in the conditions for the actualization of goods in one's own life. Four arguments of this kind can be proposed, referring to four different goods: friendship, justice, harmony with oneself and practical reason.

Keywords: natural law, natural rights, Platonism, practical reason, good, justice, moral realism

САМСОНОВА ЕКАТЕРИНА НИКОЛАЕВНА, кандидат исторических наук; Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта (Калининград, Россия), доцент

**ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ ПЛАТОНА
И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СОДЕРЖАНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ
(НА ПРИМЕРЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА «ОБРАЗОВАНИЕ»)**

В докладе обосновывается актуальность педагогического наследия Платона в контексте происходящей трансформации системы образования и воспитания в России на современном этапе. Анализируется возможная применимость «вечных педагогических истин», сформулированных философом в период высокой античности, к настоящему современной России. Выделяются общее и особенное в рассмотрении концепта «гармонично развитая личность» у Платона и в формулировках современных нормативных актах, в частности, зафиксированные в основном стратегическом документе в сфере управления государственной образовательной политикой РФ — Национальном проекте «Образование». Обосновывается похожесть аргументации о важности для блага государства разностороннего образования и воспитания молодого поколения, включающих гармоничное развитие души и тела, самореализацию, раскрытие имеющихся талантов, образование в течение всей жизни.

Ключевые слова: Платон, гармонично развитая личность, пайдэя, концепция образования, Россия, Национальный проект «Образование»

Современные реалии трансформации системы образования в России, связанные с началом строительства национальной модели образования и воспитания, предопределяют интерес к педагогическим проектам прошлого, ориентированным на воспитание гармонично развитой личности. Обеспечение возможностей для самореализации и развития талантов провозглашается основной целью принятого в 2018 году Национального проекта «Образование».

В этом контексте, педагогическое наследие выдающегося античного философа Платона представляется одним из интереснейших. Именно в рамках традиции античной культуры формируются предпосылки для разработки и практической реализации возможности достижения человеком духовного и физического идеала, оформленная как система обучения и воспитания (пандейя). Платон, комбинируя наиболее распространенные модели классического периода — афинскую и спартанскую, обосновывает необходимость как физического развития тела с помощью специальных упражнений, так и развитие души с помощью музыки. Развитие духовное первостепенно, так как только совершенный дух, по Платону, способен правильно воздействовать на тело, не допуская развитие порочных черт характера. Основа же образования молодых греков, в представлении философа, традиционна для античной повседневной практики — это письмо, чтение, счет, пение, которые, дополняясь музицированием, все вместе воспитывают не только необходимые качества души, но и способны культурно образовывать молодых людей. Платон считает, что подобная система должна сопровождать человека в течение всей жизни, а не только в юные годы («школьное» образование у мальчиков в Греции начиналось примерно с 7 лет, продолжалось около десяти и было обязательным как в Афинах, так и в Спарте). Таким образом, ценным выводом педагогической концепции Платона является представление о непрерывности обучения человека в течение всей жизни, что вполне сопоставимо с современными тенденциями педагогики, а также государственной политикой в сфере образования РФ, зафиксированной актуальными нормативными документами.

Поэтому, по нашему мнению, педагогический проект Платона следует внимательно перечитать и переосмыслить с учетом проблем, стоящих сегодня перед российской системой образования всех уровней.

ЕКАТЕРИНА SAMSONOVA, CSc in History; Immanuel
Kant Baltic Federal University (Kaliningrad,
Russia), Associate Professor

PLATO'S PEDAGOGICAL PROJECT AND IMPROVING THE CONTENT OF EDUCATION IN MODERN RUSSIA (ON THE EXAMPLE OF THE NATIONAL PROJECT "EDUCATION")

The report substantiates the relevance of Plato's pedagogical heritage in the context of the ongoing transformation of the education and upbringing system in Russia at the present stage. The possible applicability of the "eternal pedagogical truths" formulated by the philosopher during the period of high antiquity to the present of modern Russia is analyzed. The general and special aspects are highlighted in the consideration of the concept of "harmoniously developed personality" in Plato and in the formulations of modern regulations, in particular, those recorded in the main strategic document in the field of managing the state educational policy of the Russian Federation — the National Project "Education." The similarity of the argumentation about the importance for the good of the state of a comprehensive education and upbringing of the younger generation, including the harmonious development of soul and body, self-realization, the disclosure of existing talents, and lifelong education is substantiated.

Keywords: Plato, harmoniously developed personality, paideia, concept of education, Russia, National Project "Education"

КРУГЛЫЙ СТОЛ: «АНТИЧНЫЕ МЕТАФОРЫ СУБЪЕКТА И СУБЪЕКТНОСТИ И ИХ РЕЦЕПЦИЯ»

ПРОТОПОПОВА ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА, кандидат культурологии, доцент; Платоновский исследовательский научный центр (Москва, Россия), руководитель; Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Россия), старший научный сотрудник

МЕТАФОРЫ СУБЪЕКТА И СУБЪЕКТНОСТИ У ПЛАТОНА*

В докладе будут рассмотрены основные метафоры субъекта и субъектности у Платона, в первую очередь связанные с темой «подлинности» и «мнимости». Т. н. «миметический» субъект в платонической системе представлений противопоставляется подлинному, «трансцендирующему» субъекту. Эти метафоры основаны прежде всего на иерархии сфер сущего, как они описаны в 6-й книге «Государства» в метафоре «разделенной Линии» и в 7-й книге в мифе о пещере. Миметический, мнимый субъект связан с метафорами «эйдолонов», «призраков», «теней» и темой доксы. Подлинный субъект связан с темами катарсиса, «мании», мистерии, поэзии, эроса и соответствующими метафорами. Главный материал для рассмотрения метафор в докладе — диалоги «Государство», «Пир», «Протагор», «Федр», «Алкивиад I» и «Федон».

Ключевые слова: субъект подлинный, субъект мнимый, призраки, тень, эйдолон, докса, мания, мистерия, эрос

* Исследование выполнено в Российском государственном гуманитарном университете за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00971 «Субъект в античной философии: ключевые парадигмы и их рецепция в культуре Запада и России», <https://rscf.ru/project/23-18-00971/>

IRINA PROTOPOVA, CSc in Culturology, Associate
Professor; Platonic Research Center (Moscow, Russia),
Head; Russian State University for Humanities
(Moscow, Russia), Major Research Fellow

METAPHORS OF SUBJECT AND SUBJECTIVITY IN PLATO*

The report will examine the main metaphors of the subject and subjectivity in Plato, primarily related to the theme of “authenticity” and “imaginary.” The so-called “mimetic” subject in the Platonic system of representations is contrasted with the authentic, “transcending” subject. These metaphors are based primarily on the hierarchy of the spheres of existence, as they are described in the 6-th book of the “Republic” in the metaphor of the “divided Line” and in the 7-th book in the myth of the cave. The mimetic subject is associated with the metaphors of “eidolons,” “ghosts,” “shadows” and the theme of doxa. The authentic subject is associated with themes of catharsis, “mania,” mystery, poetry, eros and related metaphors. The main material for the consideration of metaphors in the report are the dialogues “Republic,” “Symposium,” “Protagoras,” “Phaedrus,” “Alcibiades I,” “Phaedo.”

Keywords: genuine subject, mimetic subject, ghost, shadow, eidolon, doxa, mania, mystery, eros

МОЧАЛОВА ИРИНА НИКОЛАЕВНА, кандидат философских наук, доцент; Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), доцент; Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Россия), старший научный сотрудник

КОЛЛЕКТИВНЫЙ СУБЪЕКТ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ: КОНЦЕПЦИЯ ПЛАТОНА**

В докладе предлагается анализировать древнегреческую пайдею как субъект-субъектную практику. На основе анализа таких диалогов Платона как «Апология Сократа»,

* The research was carried out at Russian State University for the Humanities with financial support of Russian Science Foundation, project No 23-18-00971, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00971/>

** Исследование выполнено в Российском государственном гуманитарном университете за счет гранта Российского научно-го фонда № 23-18-00971, <https://rscf.ru/project/23-18-00971/>

«Критон», «Лахет», «Государство» и др. раскрывается критика Платоном традиционной дуальной модели воспитания (отец и сын как субъекты пайдеи на примере Перикла из диалога «Протагор»). Выдвигается тезис, что Платон, анализируя различные модели современной ему пайдеи (традиционная практика семейного воспитания, сократическая и софистическая модели), пришел к выводу о необходимости замены дуальной модели коллективным воспитанием. Возможно, такой вывод стал одним из оснований создания Платоном собственной школы, в рамках которой он получил возможность реализации собственной воспитательной модели. В качестве частного случая будет рассмотрена предложенная в «Государстве» и ряде других диалогов платоновская концепция коллективного субъекта как «коллективного отца», выступающего в роли субъекта педагогического действия.

Ключевые слова: субъект воспитания, пайдеия, Платон, коллективный субъект

IRINA MOCHALOVA, CSc in Philosophy, Associate Professor;
Saint Petersburg State University (Saint Petersburg,
Russia), Associate Professor; Russian State University for
Humanities (Moscow, Russia), Senior Research Fellow

THE COLLECTIVE SUBJECT OF EDUCATIONAL PRACTICE: PLATO'S CONCEPT*

The report proposes to analyze ancient Greek paideia as a subject-subject practice. Based on the analysis of a number of Plato's dialogues, Plato's criticism of the traditional dual model of upbringing (father and son as subjects of paideia) is revealed. The thesis is put forward that Plato, analyzing his contemporary paideia, came to the conclusion that it was necessary to replace the dual model with collective education. As a special case, the Platonic concept of a collective subject as a "collective father," proposed in the "Republic"

* The research was carried out at Russian State University for the Humanities with financial support of Russian Science Foundation, project No 23-18-00971 "The Concept of Subject in Ancient Philosophy: Key Paradigms and their Reception in the Western Culture and Russia," <https://rscf.ru/en/project/23-18-00971/>

and a number of other dialogues, acting as a subject of pedagogical action, will be considered.

Keywords: subject of education, paideia, Plato, collective subject

Гурьянов Илья Геннадьевич, кандидат философских наук; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва, Россия), доцент; Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Россия), старший научный сотрудник; Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта (Калининград, Россия), старший научный сотрудник

СУБЪЕКТ В ФИЛОСОФИИ ВОЗРОЖДЕНИЯ КАК ЭПИФЕНОМЕН РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ДОСТУПА К ИСТИНЕ*

В докладе предлагается проследить, как именно в ренессансном платонизме происходит конституирование одной из версий «домодерного субъекта» через разнообразные способы уподобления философа «основателю» традиции. В качестве материала для исследования будут взяты фрагменты текстов разных жанров Марсилио Фичино, которые имеют отчетливое «аутопоэтическое» измерение: осознавая себя автором, исследующим с некоторой исторической дистанции смысл «преданной многовековому забвению» платонической философии, он в то же время создает «себя» в качестве нового философского субъекта. Есть веские причины считать, что фигура «основателя» платонической традиции в трудах флорентийца дробится и множится под тяжестью амбициозности его проекта: во-первых, это сам Платон (возникающий на пересечении разных

* Исследование выполнено в Российском государственном гуманитарном университете за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00971 «Субъект в античной философии: ключевые парадигмы и их рецепция в культуре Запада и России», <https://rscf.ru/project/23-18-00971/>

доксографических свидетельств о нем и собственно текстов платоновских произведений), во-вторых, это Сократ (как учитель Платона и «главный» персонаж его диалогов), в-третьих, это Плотин (о котором Фичино пишет, что он «во всем согласен с Платоном», но в то же время наилучшим образом «разъясняет» последнего). Будут проанализированы конкретные способы «уподобления» этим фигурам в дискурсе Фичино, а также тождества и различия в моделировании их описаний в качестве «подлинных» философов — эта характеристика и обеспечивает переход от конкретных способов жизнеосуществления на уровень знания. Исходная гипотеза состоит в том, что субъект в философии Возрождения (как минимум в ренессансном платонизме) возникает как эпифеномен при решении проблемы доступа к истине. Конкретные решения этой проблемы имеют как «субъективное» (формируют жизнеосуществление философа), так и «объективное» измерение (формируют ландшафт ренессансного знания).

Ключевые слова: субъект, Фичино, Платон, Сократ, Плотин, уподобление, традиция

В философской рефлексии Мишеля Фуко, посвященной домодерным эпохам, намечаются два пути исследования «субъекта» эпохи Возрождения (в том числе и того, как он представлен в философских текстах и программах): через «режимы» субъективации и через анализ конститутивных черт «ренессансной эпистемы» — то есть условий превращения многообразных и «текучих» форм жизнеосуществления в знание эпохи. Признавая справедливой критику предложенной в «Словах и вещах» структуры «ренессансной эпистемы», следует отметить продуктивность спровоцированного данной работой заострения внимания исследователей на механизмах и принципах «операции» подобия, обеспечивающей — в известных пределах — единство как самого «знания» эпохи Возрождения (коррелятом чего выступает сама возможность «ученых» признавать друг друга и коммуницировать в особом сетевом пространстве «республики ученых»), так и мироздания в целом в качестве предельного объекта именно «научного»

познания. Частью мироздания естественным образом оказывается и «человек», который вопреки политически мотивированным теориям XIX в. вовсе не является ни приоритетной фигурой для изучения (как схоластами, так и гуманистически ориентированными авторами) в XV–XVI вв., ни «суммой» моделей субъекта, которые разрабатываются отдельными дисциплинами и протодисциплинарными «регионами» знания рассматриваемой эпохи. Последний из описанных подходов представляет собой идеал исторически более поздней «современной» (модерной) эпистемы, в которой «человек» возникает на пересечении дискурсов о «моральном субъекте», «политическом субъекте», «экономическом субъекте» и т. д. Но и между «философским субъектом» ренессансного платонизма и «человеком» в действительности тоже нельзя поставить знак равенства. В докладе предлагается проследить, как именно в ренессансном платонизме происходит конституирование одной из версий «домодерного субъекта» через разнообразные способы уподобления философа «основателю» традиции. В качестве материала для исследования будут взяты фрагменты текстов разных жанров Марсилио Фичино, которые имеют отчетливое «аутопоэтическое» измерение: осознавая себя автором, исследующим с некоторой исторической дистанции смысл «преданной многовековому забвению» платонической философии, он в то же время создает «себя» в качестве нового философского субъекта. Есть веские причины считать, что фигура «основателя» платонической традиции в трудах флорентийца дробится и множится под тяжестью амбициозности его проекта: во-первых, это сам Платон (возникающий на пересечении разных доксографических свидетельств о нем и собственно текстов платоновских произведений), во-вторых, это Сократ (как учитель Платона и «главный» персонаж его диалогов), в-третьих, это Плотин (о котором Фичино пишет, что он «во всем согласен с Платоном», но в то же время наилучшим образом «разъясняет» последнего). Будут проанализированы конкретные способы «уподобления» этим фигурам в дискурсе Фичино, а также тождества и различия в моделировании их описаний в качестве «подлинных» философов — эта харак-

теристика и обеспечивает переход от конкретных способов жизнеосуществления на уровень знания. Исходная гипотеза состоит в том, что субъект в философии Возрождения (как минимум в ренессансном платонизме) возникает как эпифеномен при решении проблемы доступа к истине. Конкретные решения этой проблемы имеют как «субъективное» (формируют жизнеосуществление философа), так и «объективное» измерение (формируют ландшафт ренессансного знания).

Ilya Guryanov, CSc in Philosophy; Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia), Associate Professor; Russian State University for Humanities (Moscow, Russia), Senior Research Fellow; Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russia), Senior Research Fellow

THE SUBJECT IN RENAISSANCE PHILOSOPHY AS AN EPIPHENOMENON OF SOLVING OF THE PROBLEM OF ACCESS TO TRUTH*

This paper proposes to analyze how one particular conception of the “pre-modern subject” is constituted in Renaissance Platonism through the process of likening the philosopher to the “founder” of the philosophical tradition. The figure of the “founder” of the Platonic tradition in Ficino’s discourse is fractured and multiplied since it is: 1) Plato himself, emerging at the intersection of various doxographic testimonies about him and the actual texts of Plato’s works; 2) Socrates, as Plato’s teacher and the “main” character of his dialogues; and 3) Plotinus, about whom Ficino writes that he “agrees with Plato in everything” while simultaneously “clarifying” Plato’s thought in the best possible way. The analysis will focus on the identities and differences in how Ficino models these figures as “authentic” philosophers — the characteristic that

* The research was carried out at Russian State University for the Humanities with financial support of Russian Science Foundation, project No 23-18-00971 “The Concept of Subject in Ancient Philosophy: Key Paradigms and their Reception in the Western Culture and Russia,” <https://rscf.ru/en/project/23-18-00971/>

provides the transition from philosophical ways of life to the level of knowledge. The initial hypothesis is that the subject in Renaissance philosophy, at least in the case of Renaissance Platonism, emerges as an epiphenomenon in the process of solving the problem of access to truth. The specific solutions to this problem have both a “subjective” dimension, in terms of shaping the philosopher’s way of life, and an “objective” dimension, in terms of shaping the landscape of Renaissance knowledge. The paper will explore how Ficino’s ‘autopoetic’ self-fashioning as a philosopher is intertwined with his attempts to establish a direct link to the Platonic tradition and its founding figures.

Keywords: subject, Ficino, Plato, Socrates, Plotinus, likeness, tradition

ГАРАДЖА АЛЕКСЕЙ ВИКТОРОВИЧ, Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Россия), старший научный сотрудник

ДЕМОНОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗДЕЛЫ «ПСЕЛЛОВСКОГО КОРПУСА»*

«Пселловский корпус» — собрание текстов, традиционно приписываемых перу Михаила Пселла (1018 — ок. 1078), выдающегося представителя византийского предгуманизма. Подлинность или неподлинность этих сочинений (действительно ли сам Пселл написал их, или кто-то из его учеников или подражателей) в настоящее время определяется достаточно надежно, однако исследователю, исходя из поставленных задач, необходимо выбрать, что в том или ином случае важнее: установление авторства (Пселл либо «Псевдо-Пселл») или комплексное изучение входящих в корпус текстов. Тематика этих текстов, по объему, как правило, достаточно коротких,

* Исследование выполнено в Российском государственном гуманитарном университете за счет гранта Российского научного фонда 23-18-00971 «Субъект в античной философии: ключевые парадигмы и их рецепция в культуре Запада и России», <https://rscf.ru/project/23-18-00971/>

в стиле заметок или эссе, на редкость разнообразна: логика, физика, психология, богословие (всё это, конечно, в античном понимании) и, наконец, демонология. Демонология — важнейший компонент платоновской философии, который слишком часто упускают из виду. В центре внимания автора самого пространного демонологического сочинения корпуса, Псевдо-Пселлова диалога «Тимофей, или О демонах», — сила воображения, «фантазийная пневма», присущая как людям, так и демонам. Текст этот можно представить как связующее звено между теориями «фантазии» (φαντασία) в античности (Платон, Аристотель, стоики и далее неоплатоники, прежде всего Порфирий) и концептуализацией воображения как ключевого элемента разумной субъективности в Новое время (например, у Канта). К числу подлинных текстов Пселла на тему демонологии, помимо коротких заметок (например, о демоне Гилле — булгаковской Гелле) можно также подверстать серию риторических упражнений (προϋμνάσματα), объединенных их издателем (A. R. Littlewood) под заголовком *lusus ingenii*: пять энкомиев, посвященных «ничтожнейшим» предметам — блохам, вшам, клопам, а также вину.

Ключевые слова: Михаил Пселл, неоплатонизм, демонология, воображение, риторика

ALEXEI GARADJA, Russian State University for Humanities
(Moscow, Russia), Major Research Fellow

DEMONOLOGICAL THREADS IN THE ‘PSELLIAN CORPUS’*

The ‘Psellian Corpus’ is a collection of texts traditionally ascribed to Michael Psellus (1018 — ca. 1078). Whether these texts are authentic or otherwise (written by Psellus himself or some of his disciples or imitators) may be determined pretty reliably; scholars, however, are expected to make

* The research was carried out at the Russian State University for the Humanities, funded by the Russian Science Foundation, project 23-18-00971 “The Concept of Subject in Ancient Philosophy: Key Paradigms and their Reception in the Western Culture and Russia,” <https://rscf.ru/en/project/23-18-00971/>

a choice about what is more important depending on their objectives: an ascertainment of the authorship (Psellus or 'Pseudo-Psellus') or a complex study of all the texts included in the corpus. The scope of these texts, which are mostly quite brief, resembling short notes or essays, is exceedingly diverse: logic, physics, psychology, theology (all of these in their antique varieties), and demonology. Demonology was an essential part of Platonic philosophy, now often overlooked or disregarded. The author of Pseudo-Psellian demonological work "Timotheus, or On demons," is paying much attention to powers of imagination, channeled by a 'phantasy pneuma', which is intrinsic to both human and demonic beings. This text may be regarded as a link between theories of φαντασία developed in Antiquity (by Plato, Aristotle, Stoics, Neoplatonists, first of all Porphyry) and a conceptualization of imagination as a key component of the reasoning subjectivity in Modern times (e. g., by Kant). Psellus' authentic demonological works, containing a number of short notes (e. g., on the demon Gillo), may be expanded by his series of rhetorical exercises (προϋμνάσματα) united under the title *lusus ingenii* by their editor (A. R. Littlewood): five encomia, dedicated to most 'paltry' subjects, such as fleas, lice, bugs, and also to wine.

Keywords: Michael Psellus, Neoplatonism, demonology, imagination, rhetorics

МИНАК ВЯЧЕСЛАВ СЕРГЕЕВИЧ, Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского (Санкт-Петербург, Россия), аспирант

ИДЕЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО СУБЪЕКТА В ФИЛОСОФИИ АРИСТОТЕЛЯ*

Настоящий доклад предполагает уточнение интерпретации философии Аристотеля (как теоретической, так и практической) с использованием концепта «субъект».

* Исследование выполнено в Российском государственном гуманитарном университете за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00971 «Субъект в античной философии: ключевые парадигмы и их рецепция в культуре Запада и России», <https://rscf.ru/project/23-18-00971/>

По причине неразрывности в рамках перипатетической мысли этики и политики, мыслящий и действующий субъект плавно переходит в коллективный субъект общества, полис, организованный не только политически, но и географически, в силу естественных причин. В докладе будет предпринята попытка проследить формирование этико-политической субъективности в философии Аристотеля, по необходимости в связи с историческим контекстом и теоретической частью его учения. В качестве основной задачи планируется проследить связь между индивидуальным и коллективным субъектами. Поскольку происхождение последнего мыслится Стагиритом как естественное, то есть необходимое, постольку их связь, следовательно, определенная диалектика отношений, в рамках перипатетической мысли становится аксиоматической.

Ключевые слова: Субъект, политический субъект, Аристотель, политическая философия

VYACHESLAV MINAK, Russian Christian Academy for the Humanities (Saint Petersburg, Russia), Postgraduate

THE IDEA OF A POLITICAL SUBJECT IN ARISTOTLE'S PHILOSOPHY*

This report suggests clarifying the interpretation of Aristotle's philosophy (both theoretical and practical) using the concept of "subject." Due to the inseparability of ethics and politics within the framework of peripatetic thought, the thinking and acting subject smoothly transitions into a collective subject of society, a policy organized not only politically, but also geographically, for natural reasons. The report will attempt to trace the formation of ethical and political subjectivity in Aristotle's philosophy, as necessary in connection with the historical context and the theoretical

* The research was carried out at the Russian State University for the Humanities, funded by the Russian Science Foundation, project 23-18-00971 "The Concept of Subject in Ancient Philosophy: Key Paradigms and their Reception in the Western Culture and Russia," <https://rscf.ru/en/project/23-18-00971/>

part of his teaching. As the main task, it is planned to trace the connection between individual and collective subjects, Since the origin of the latter is thought by the Stagirite as natural, that is, necessary, insofar as their connection, therefore, a certain dialectic of relations, within the framework of peripatetic thought becomes axiomatic.

Keywords: Subject, political subject, Aristotle, political philosophy

КУРБАТОВ АНАТОЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ, Санкт-Петербургская духовная академия (Санкт-Петербург, Россия), аспирант

РИТОРИКА ИУСТИНА ФИЛОСОФА И РАННЕХРИСТИАНСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ПЕРСОНАЛЬНОСТИ*

В рамках доклада предпринята попытка рассмотреть риторику как орудие формирования субъекта на примере раннехристианского апологета Иустина Философа. Известно, что христианские апологеты критикуют язычников за «децентрированность» их субъекта: поклонение ложным богам, греховный образ жизни, борьба с христианами, для которых центр — Христос. Это объясняет важность христологии для христианской персонологии. Однако, сами техники, используемые апологетами, связаны с античной риторикой, которая, в свою очередь, связана с субъективностью, так как оно инструмент, задающий нормы и правила. Если обратиться к Аристотелю, то он определяет человека в «Риторике» как того, у кого есть тело и логос. Справедливое и несправедливое, блаженное и дурное — логосом выразимо и представимо. Христианские апологеты используют риторические методы для собственных целей. Если у Аристотеля человек — политическое существо, а пер-

* Исследование выполнено в Российском государственном гуманитарном университете за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00971 «Субъект в античной философии: ключевые парадигмы и их рецепция в культуре Запада и России», <https://rscf.ru/project/23-18-00971/>

вое определение и проявление политического — полис, то у апологетов человек также существо политическое, но истинный полис — экклесия, Церковь, а так как она гонима, то человек не может найти опору во вне (языческое общество), и должен прежде всего искать ее в себе самом, а там Христос.

Ключевые слова: риторика, Иустин Философ, апологетика, субъективность, полис, экклесия

ANATOLY KURBATOV, Saint Petersburg
Theological Academy (Saint Petersburg,
Russia), Postgraduate

RHETORIC OF JUSTIN THE PHILOSOPHER AND THE EARLY CHRISTIAN CONCEPT OF PERSONALITY*

This report makes an attempt to consider rhetoric as a tool for the formation of the subject using the example of the early Christian apologist Justin the Philosopher. It is known that Christian apologists criticize pagans for the “decentralization” of their subject: worship of false gods, sinful lifestyle, struggle with Christians, for whom Christ is the center of everything. This explains the importance of Christology for Christian Personality. However, apologists use techniques associated with ancient rhetoric, which is associated with subjectivity — a tool that establishes norms and rules. Aristotle in “Rhetoric” defines person as one who has a body and a logos. Just and unjust, blessed and evil — can be expressed and represented by logos. Christian apologists use rhetorical techniques for their own purposes. For Aristotle, person is a political being, and the first definition and manifestation of the political is the polis. For apologists, person is also a political being, but the true polis is the ecclesia, the Church.

* The research was carried out at the Russian State University for the Humanities, funded by the Russian Science Foundation, project 23-18-00971 “The Concept of Subject in Ancient Philosophy: Key Paradigms and their Reception in the Western Culture and Russia,” <https://rscf.ru/en/project/23-18-00971/>

Since the Church is persecuted, a person cannot find support outside (pagan society), and must first of all look for it within himself, and there is Christ.

Keywords: rhetoric, Justin the Philosopher, apologetics, subjectivity, polis, ecclesia

ДОРОХИНА ДАРЬЯ МИХАЙЛОВНА, кандидат философских наук; Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Россия), старший преподаватель

«СОЗНАНИЕ КАК ЦЕЛОЕ»: ПОЗНАЮЩЕЕ НАЧАЛО В МЕТАФИЗИЧЕСКОМ ПЕРСОНАЛИЗМЕ*

Доклад будет посвящен описанию того, как метафизический персонализм понимает познающее начало и сам процесс познания. Русская философская традиция своеобразно интерпретировала проблему кризиса субъекта, парадоксально обозначив ее в тот момент, когда проблематика субъективности еще не была усвоена на концептуальном уровне. Немецкий идеализм персоналисты истолковывают в духе платонической философии, одновременно с этим как будто не замечают, не усваивают кантовскую критику метафизики. Все это в совокупности создает уникальную философскую ситуацию, которая направляет русскую гносеологию по иной траектории. Такой подход резонирует с критической проблематикой западной философии 20–21 века, однако предлагает иные интерпретационные схемы. В докладе будут раскрыты аспекты, составляющие познающее начало, соотносимое с понятием «интеллигенция». Будет раскрыта познающая роль «чувства», которое не получает привычную материалистическую интерпретацию, что является важной отличительной чертой русской философии.

Ключевые слова: платонизм, персонализм, субъект, Платон, Козлов, Аскольдов, Бобров

* Исследование выполнено в Российском государственном гуманитарном университете за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00971 «Субъект в античной философии: ключевые парадигмы и их рецепция в культуре Запада и России», <https://rscf.ru/project/23-18-00971/>

DARIA DOROKHINA, CSc in Philosophy; Russian State University for Humanities (Moscow, Russia), Lecturer

**“CONSCIOUSNESS AS A WHOLE:” THE COGNIZING
BEGINNING IN METAPHYSICAL PERSONALISM***

The report will be devoted to a description of the problem of understanding the cognitive principle and the process of cognition itself in metaphysical personalism. The Russian philosophical tradition interpreted the problem of the crisis of the subject in a unique way, paradoxically identifying it at a time when the problems of subjectivity had not yet been assimilated at the conceptual level. Personalists interpret German idealism in the style of Platonic philosophy, while at the same time they do not assimilate Kant’s criticism of metaphysics. All this together creates a unique philosophical situation that directs Russian epistemology along a different path. This approach resonates with the critical problematics of Western philosophy of the 20th and 21st centuries. However, there are different interpretation schemes. The report will reveal the aspects that compose the cognitive principle, correlated with the concept of “intelligentsia.” The cognitive role of “feeling” will be revealed, which does not receive the usual materialistic interpretation, which is an important distinctive feature of Russian philosophy

Keywords: Platonism, personalism, subject, Plato, Kozlov, Askoldov, Bobrov

* The research was carried out at the Russian State University for the Humanities, funded by the Russian Science Foundation, project 23-18-00971 “The Concept of Subject in Ancient Philosophy: Key Paradigms and their Reception in the Western Culture and Russia,” <https://rscf.ru/en/project/23-18-00971/>

СЕКЦИЯ 6: «ПЛАТОНИЗМ В ИСТОРИИ НАУКИ НОВОГО ВРЕМЕНИ»

ТИХЕЕВ Юрий Борисович, кандидат
философских наук; Московский
физико-технический институт (нацио-
нальный исследовательский университет)
(Москва, Россия), доцент

АССИМИЛЯЦИЯ ПЛАТОНИЗМА НОВЫМ ЕВРОПЕЙСКИМ НАУЧНЫМ МИРОВОЗЗРЕНИЕМ В XVIII–XX ВЕКОВ

Превращение Платона из представителя древней мысли, которую в начале Нового времени рассматривали как несовершенный образец научного мировоззрения, в «ученого» и даже «основателя» европейских наук заняло более двух столетий: с конца XVIII в. по начало XX в. Промежуточным этапом стало активно продолжавшееся на протяжении всего XIX в. освоение платоновского наследия новой немецкой, французской и английской философской мыслью. Одновременно в европейских историко-философских исследованиях формировалось новое концептуально и хронологически расширенное представление о «платонизме». Это способствовало тому, что в конце века в марбургском неокантианстве Платон был признан «ученым» уже без всяких оговорок. Такой взгляд на Платона получил затем широкое распространение в начале XX в.

Ключевые слова: Платон, платонизм, В. Теннеман, Г. Штайн, А. Фуллье, неокантианство, А. Тейлор, П. Бернайс, А. Уайтхед

YURIY TIKHEEV, CSc in Philosophy; Moscow Institute of Physics and Technology (Moscow, Russia), Associate Professor

ASSIMILATION OF PLATONISM BY THE NEW EUROPEAN SCIENTIFIC WORLDVIEW IN THE 18TH–20TH CENTURIES

The transformation of Plato from a representative of ancient thought, which at the beginning of the Modern Age was regarded as an imperfect example of a scientific worldview, into a “scientist” and even a “founder” of European sciences took more than two centuries: from the end of the 18th century to the beginning of the 20th century. At the same time, a new conceptually and chronologically expanded idea of “Platonism” was formed in European historical and philosophical research. This contributed to the fact that at the end of the century in Marburg Neo-Kantianism Plato was recognized as a “scientist” without any reservations. Such a view of Plato then became widespread at the beginning of the 20th century.

Keywords: Plato, Platonism, W. Tennemann, H. Stein, A. Fouillée, Kantianism, A. Taylor, P. Bernays, A. Whitehead

ТОНКОВИДОВА АННА ВИКТОРОВНА, Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма (Краснодар, Россия), старший преподаватель

РЕЦЕПЦИЯ ФИЛОСОФИИ ПЛАТОНА В НАУЧНОЙ СИСТЕМЕ НЬЮТОНА

Рецепцию философских взглядов Платона мы находим в поле дальнейшего развития научного знания. Одной из определяющих для развития науки в целом была система научных представлений Ньютона актуальная по сей день. Влияние Платона на научные исследования Ньютона прослеживается по ряду системообразующих направлений. Рационализм и математические представления Платона оказали воздействие на Ньютона, который применил эти принципы в том числе и при разработке законов движения и всемирного тяготения. Теория об упорядоченной Вселенной Платона у Ньютона представлена, как идея о присутствии гармонии и математической упорядоченности во Вселенной. Платоновская теория о высшей реальности, в основании которой содержатся совершенные формы трансформируется в науч-

ном учении Ньютона в веру в то, что законы природы могут быть описаны посредством математических уравнений.

Ключевые слова: Платон, Ньютон, рациональный подход, теория идей, математический метод, теория упорядоченной Вселенной

ANNA TONKOVIDOVA, Kuban State University
of Physical Education, Sports and Tourism
(Krasnodar, Russia), Senior Lecturer

RECEPTION OF PLATO'S PHILOSOPHY IN NEWTON'S SCIENTIFIC SYSTEM

We find the reception of Plato's philosophical views in the field of further development of scientific knowledge. One of the determining factors for the development of science as a whole was Newton's system of scientific ideas, which is still relevant today. Plato's influence on Newton's scientific research can be traced in a number of system-forming areas. Plato's rationalism and mathematical ideas influenced Newton, who applied these principles, among other things, in developing the laws of motion and universal gravitation. Newton's theory of Plato's ordered Universe is presented as the idea of the presence of harmony and mathematical order in the Universe. Plato's theory of a higher reality, which is based on perfect forms, is transformed in Newton's scientific teachings into the belief that the laws of nature can be described through mathematical equations.

Keywords: Plato, Newton, rational approach, theory of ideas, mathematical method, theory of an ordered Universe

МЕТТИНИ ЭМИЛИАНО, кандидат педагогических наук;
Российский национальный исследовательский
медицинский университет им. Н. И. Пирогова
(Москва, Россия), заведующий кафедрой

ВИГЕЛЬ НАРИНЕ ЛИПАРИТОВНА, доктор философских
наук, доцент; Ростовский государственный меди-
цинский институт (Ростов-на-Дону, Россия)

ПЛАТОНОВСКИЕ КОРНИ НАУКИ: ОТ ИДЕАЛЬНЫХ ФОРМ ДО СОВРЕМЕННОЙ МЕТОДОЛОГИИ

Философия Платона представляет собой основу, на которой возведено здание почти без исключений философских учений

вплоть до современности. Не зря А. Уайтхед написал, что вся европейская философия является пространным комментарием Платоновской, поскольку-постольку след дивного Платона можно обнаруживать не только в неоплатонизме как Древнего Мира, так и Ренессанса, а и в средневековой Схоластике, в эпистемологии нового времени, в современных политологии, в этике, в биоэтике и т. д. В представляемом материале, авторы стараются рассмотреть в синхронном и диахронном разрезах влияние Платона на философское мышление для того, чтобы диалектически выявить как одни составляющие философской Платоновской Вселенной могут быть применены, а другие могут служить основой для своеобразного и современного порабощения человека и заточения его в новой пещере виртуальной и дополненной реальности.

Ключевые слова: Платон, онтология, эпистемология, виртуальность, добродетель, знание

Платоновское философское учение можно считать основной составляющей для становления формирования и развития всей дальнейшей европейской философии вплоть до наших дней. Ведь, дело в том, что знания для Платона обозначает приобретения онтологическую и логическую чистоту эйдосов, что способствует возвышению души и разума человека, что, в свою очередь, ведет человека к настоящему бытию и, в конечном итоге, к мудрости. Нам кажется, что наше утверждение правдоподобное, потому что Средневековые философия и богословие, неоплатонизм эпохи Возрождения, эпистемология и гносеология нового времени, и, частично, философия современного мира твердо стоят на основе данного учения, используя ее как методическую и эпистемическую базу, оперируя ее понятиями, как абстракция, дедуктивный метод, учение об истинном знании, восходящий метод, и. Утверждение Платона о двоemiрии, т. е. о зеркальном существовании эмпирического мира и идеального мира, вовлекающим за собой различие знания (эпистема) и мнения (докса) полагает, что истинное знание возможно только посредством разумного умозрения и созерцания идей. Мир дуаличен, и главной задачей философии является «извлечение» Истины на онтологическом и на

эпистемическом уровне для приобретения добродетели и рассудительности. Этот факт утверждается, например в «Федр» (237e–238b) и «Федон» (66a, 69e, 75a), где Платон указывает на то, что душа человека, будучи бессмертной, и причастной к истинному бытию, должна стремиться к рассудительности отречься от чревоугодия и обманчивого влияния чувств, что предоставляет возможность перейти к дальнейшему развитию предлагаемой нами темы.

Если обратить наши взоры на религиозную философию Августина Блаженного, нельзя отрицать онто-эпистемическую схему его учения, которое напоминает платоновское. Мы имеем в виду роль Божественного озарения, на которое надо обратить особое внимание. Августин называет Бога «Солнцем души», в котором мы созерцаем неизменную истину вещей, а в «О Троице» различает низкий разум от высшего, через который — созерцаем вечное и разделить от тленного. В этом отметим сильное влияние Платона, сказывающееся и на трехчленности души, потому что рациональная душа может стремиться к Богу как настоящему Бытию в постоянном процессе диалектики, выведения его из общих понятий видимого мира. Человек идет к истине лишь интуитивно и интеллигентно, т. е. путем дианоэ и ноэзис, потому что Бог сотворил всё мерою, числом и весом. Бог творит мир согласно числовой закономерности, что есть и проявление Божьего замысла на свете.

Неоплатонизм, особенно в трактовках Марсилио Фичино и других ученых того времени, сыграл важную роль в Ренессансе, став мостом между античной философией и новым научным миропониманием. Учение о гармоничном устройстве Вселенной, соответствии между миром идей и миром реальным, вдохновило многих ученых Ренессанса на поиски математических законов, которыми эта гармония могла бы быть описана. Изучение пропорций тела, поиск золотого сечения, а также алхимия путем отделения «реального» от абстрактного уровня существования привела к развитию методологических подходов, акцентирующих важность теоретической и абстрактной работы в науке и философии. Это видно в использовании математических моделей и теорий для описания явлений реаль-

ного мира в таких науках, как физика и экономика. Концепция микрокосмоса и макрокосмоса как основополагающие элементы Ренессанса делают человека звеном между божественным и естественным, возлагая на него миссию подниматься к Истине отталкиваясь от окружающего мира. Наблюдение становится созерцанием при помощи искусства и наукам, реабилитируемым созидательным действием человеческого разума. Человек созерцает эйдосы в природе, поскольку Бог — причинный разум, а в самой материи есть уже зародыши форм (семена разума), позволяющих знать Его. Изучение природы равна созерцанию Бога. В Божественном уме есть тоже число. «Есть Число без числа, по Которому всё образуется», что имеет последствием формирование духа Ренессанса и математизации мира во временах Г. Галилея по сей день, что свидетельствует о влиянии Платона на современную физику, математику, и биологию.

Учитывая вышеизложенное, задаётся вопрос. А нужен ли Платон сегодня, в нашем постмодернистском обществе? Мы думаем, что ответ на данный вопрос положительный. Если смотреть на философию Платона с позиций интегральности, то мы можем прийти к выводу, что его учение, основанное на представлении о существовании абстрактных, нематериальных объектов, то можно применить для постулирования фундаментальных частиц и сил, для создания алгоритмов и модели искусственного интеллекта, способных к абстрактному мышлению или поиску фундаментальных закономерностей, размышления о фундаментальных принципах жизни, идеальном здоровье и идеальных формах организмов, формирования этических принципов для создания более продвинутых и безопасных систем ИИ, и т. д. Но на наш взгляд, на наше время, Платоновское учение может способствовать стремлению человека к самосовершенствованию в соответствии с объективными критериями добра и красоты, справедливости, толкая человеку к открытию собственного «Я», в противовес к экспериментам с идентичностью виртуальных пространств Интернета, где встречаются реальный человек и его идеализированная тень, что на наш взгляд, недопустимо для реализации человека самого себя.

В заключении можно прийти к выводу, что онто-эпистемическая философия Платона может обеспечивать желание человека приобрести знания и добродетель через себя, желанием стать лучшим для себя и других. Таким образом, можно избежать соблазна виртуализации общества и создания «зоны комфорта» и фантоматики, о которой написал в свое время С. Лем. Говоря языком Платона, быть и знать — это смелый взгляд на Солнце настоящего бытия, что требует смелости и мужеству, чтобы не быть заточены во тьме информационного века, нашей современной пещеры.

EMILIANO METTINI, CSc in Pedagogy; Pirogov
Russian National Research Medical University
(Moscow, Russia), Head of Department

NARINE WIEGEL, DSc in Philosophy, Associate
Professor; Rostov state medical university
(Rostov-on-Don, Russia)

PLATONIC ROOTS OF SCIENCE:

FROM IDEAL FORMS TO MODERN METHODOLOGY

Plato's philosophy is the foundation on which the building of philosophical doctrines up to the present day has been erected almost without exception. It is not in vain that A. Whitehead wrote that all European philosophy is a lengthy commentary on Plato's philosophy, because the trace of the marvelous Plato can be found not only in the Neoplatonism of the Ancient World and the Renaissance, but also in medieval Scholasticism, in the epistemology of the new time, in modern political science, in ethics, in bioethics, etc. In the presented material, the authors try to consider Plato's influence on philosophical thinking in synchronic and diachronic sections in order to dialectically reveal how some components of Plato's philosophical universe can be applied and others can serve as a basis for a peculiar and modern enslavement of man and his imprisonment in a new cave of virtual and augmented reality.

Keywords: Plato, ontology, epistemology, virtuality, virtue, knowledge

Турсунов Лочин Эркинович, PhD, доцент; Самаркандский государственный университет имени Шарофа Рашидова (Самарканд, Узбекистан), заместитель декана

**ПЛАТОН И АРИСТОТЕЛЬ:
ДИАЛОГ О НАУКЕ И ОБРАЗОВАНИИ ЧЕРЕЗ
ВЕКА В КОНТЕКСТЕ УЗБЕКИСТАНА**

В данной статье автор рассматривает, как философские идеи Платона и Аристотеля могут быть применены в современном образовательном и научном контексте Узбекистана. В работе анализируются платоновская концепция всестороннего развития личности через философию и моральное воспитание, а также аристотелевский акцент на эмпирическом знании и практическом применении науки. Автор обсуждает, как синтез этих философий может способствовать созданию сбалансированной системы образования, которая не только передает знания, но и формирует критически мыслящих, этически ориентированных и практически подготовленных граждан. Статья подчеркивает, что адаптация идей этих великих мыслителей может помочь Узбекистану достичь своих целей в области инноваций и модернизации, создавая прочную основу для будущего прогресса и устойчивого развития. В условиях глобализации и технологических изменений, такой подход к образованию способствует подготовке молодежи к участию в международных проектах и решению комплексных задач современного мира.

Ключевые слова: модернизация, критическое мышление, эмпирические знания, практическое применение, инновации, нравственное воспитание, целостное развитие, устойчивое развитие, глобализация

Наука и образование играют ключевую роль в развитии любого общества, и Узбекистан, стремящийся к модернизации и инновациям, не является исключением. В этом контексте важно обратиться к вековым идеям Платона и Аристотеля, чьи философские концепции могут существенно обогатить современные образовательные и научные инициативы страны.

Рассмотрим, как идеи этих великих мыслителей могут способствовать развитию науки и образования в Узбекистане.

Платон: идеи и воспитание

Платон, один из величайших философов Древней Греции, известен своими трудами в области этики, политики и образования. В своем диалоге «Государство» он подчеркивает важность образования для создания справедливого и гармоничного общества. Платон считал, что истинное знание и мудрость достижимы через философское размышление и диалектический метод.

Основной образовательной целью Платона было всестороннее развитие личности. Он выделял три уровня образования: начальный, средний и высший. На начальном уровне изучались базовые навыки чтения, письма и арифметики. Средний уровень включал гимнастику и музыку для развития тела, и души. Высший уровень был посвящен философии и диалектике, что, по мнению Платона, было необходимо для постижения высших истин и управления государством.

В контексте Узбекистана, точнее Самаркандского государственного университета идеи Платона могут быть применены для создания образовательной системы, ориентированной на всестороннее развитие личности. Внедрение платоновских принципов, таких как критическое мышление, моральное воспитание и философское размышление, может способствовать формированию более эффективной и гуманной системы образования. Например, развитие программ, направленных на изучение гуманитарных и социальных наук, может помочь студентам лучше понять свои культурные корни и гражданские обязанности.

Аристотель: Практическое Знание и Образование

Аристотель, ученик Платона, внес значительный вклад в развитие различных областей знаний, включая логику, метафизику, этику и естественные науки. Его подход к образованию был более эмпирическим и прагматическим, чем у Платона. Аристотель считал, что обучение должно основываться

на наблюдении и опыте, а знания должны быть полезными и применимыми в реальной жизни.

Аристотель также разработал свою систему образования, которая включала три стадии: начальную, среднюю и высшую. На начальной стадии дети обучались базовым навыкам и физическим упражнениям. На средней стадии акцент делался на грамматику, риторику и математику. На высшей стадии студенты изучали философию, естественные науки и политику.

Современная образовательная система Узбекистана на примере Самаркандского государственного университета может значительно выиграть от аристотелевского подхода, особенно в области науки и техники. Акцент на практическое применение знаний и развитие научно-исследовательских навыков может подготовить студентов к вызовам 21 века. Например, введение программ STEM (наука, технологии, инженерия и математика) и поддержка научных исследований соответствуют идеям Аристотеля и помогут Узбекистану двигаться вперед в эпоху технологических изменений.

*Диалог Платона и Аристотеля в
современном контексте узбекистана*

Самаркандский государственный университет, с его стремлением к инновациям и модернизации, может найти в идеях Платона и Аристотеля вдохновение для реформирования своей образовательной системы. Синтез их философий может привести к созданию системы, которая балансирует между теоретическими знаниями и практическими навыками, формируя не только профессионалов, но и всесторонне развитых личностей.

Идеи Платона о важности морального и интеллектуального воспитания могут найти отражение в воспитательных программах, направленных на формирование гражданской ответственности и этических стандартов. Внедрение философских дискуссий и критического мышления в учебные программы может способствовать развитию интеллектуальных

способностей студентов и подготовить их к участию в общественной жизни.

Аристотелевский акцент на эмпирическом знании и практическом применении может вдохновить на создание более интерактивных и практико-ориентированных учебных планов. Например, внедрение лабораторных работ, научных проектов и технологических инноваций в учебный процесс может помочь студентам лучше понимать и применять полученные знания в реальной жизни.

* * *

Идеи Платона и Аристотеля, несмотря на их древность, остаются актуальными и могут быть адаптированы для современных образовательных нужд Самаркандского государственного университета. Их философии предлагают ценные уроки для создания системы образования, которая не только передает знания, но и формирует критически мыслящих, этически ориентированных и практически подготовленных граждан. Внедрение этих принципов может помочь Самаркандскому государственному университету достичь своих целей в области науки и образования, создавая прочную основу для будущего прогресса и развития.

LOCHIN TURSUNOV, PhD, Associate Professor; Samarkand State University named after Sharof Rashidov (Samarkand, Uzbekistan), Deputy Dean

PLATO AND ARISTOTLE: DIALOGUE ON SCIENCE AND EDUCATION THROUGH THE AGES IN THE CONTEXT OF UZBEKISTAN

This article examines how the philosophical ideas of Plato and Aristotle can be applied in the modern educational and scientific context of Uzbekistan. The work analyzes Plato's concept of holistic personal development through philosophy and moral education, as well as Aristotle's emphasis on empirical knowledge and the practical application of science. The author discusses how the synthesis of these philosophies can contribute to the creation of a balanced

education system that not only imparts knowledge but also fosters critically thinking, ethically oriented, and practically skilled citizens. The article highlights that adapting the ideas of these great thinkers can help Uzbekistan achieve its goals in the fields of innovation and modernization, laying a solid foundation for future progress and sustainable development. In the context of globalization and technological changes, such an approach to education helps prepare young people to participate in international projects and address the complex challenges of the modern world.

Keywords: modernization, critical thinking, empirical knowledge, practical application, innovation, moral education, holistic development, sustainable development, globalization

КРЮКОВ АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ, кандидат философских наук; Самаркандский государственный университет имени Шарофа Рашидова (Самарканд, Узбекистан), профессор

**ЗРЕНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ.
ОБ ИСТОРИИ НАБЛЮДЕНИЯ
В АНТИЧНОСТИ И В НАШЕ ВРЕМЯ**

Зрение является одним из самых важных органов чувств у человека, по разным оценкам, доставляющим до 90 процентов получаемой информации. Поэтому структура зрительного опыта, наблюдения интересовала философов еще начиная с Античности. Разные концепции зрения были предложены Платоном, Эмпедоклом, Эпикуром, Лукрецием, Демокритом, Аристотелем. И феномен зрения совершенно различным образом описывался разными античными философами. Если мы говорим, что многие гениальные интуиции Античности затем подтвердились в научных исследованиях современности, то ни одна из первых теорий зрения не получила своего научного подтверждения. Одной из целей доклада является прояснения факта различия между современной естественно-научной концепцией зрения и философскими подходами к вопросу в Античности.

Вот несколько исследовательских вопросов: Почему получилось так, что ни одна теория зрения Античности не прошла испытание временем? Что имели в виду античные мыслители, когда рассуждали о факте визуального опыта? Что значит визуальный опыт в Античности и в наше время?

Ключевые слова: зрительный опыт, античные теории зрения, визуальный опыт, Платон, Эмпедокл, Эпикур, Лукреций, Демокрит, Аристотель

ALEXEI KRIOUKOV, CSc in Philosophy; Samarkand
State University named after Sharof Rashidov
(Samarkand, Uzbekistan), Professor

VISION AS A TOOL. ON THE HISTORY OF OBSERVATION IN ANTIQUITY AND IN OUR TIME

Vision is one of the most important sensory organs in humans, according to various estimates, delivering up to 90 per cent of the information received. Therefore, the structure of visual experience and observation has been of interest to philosophers since Antiquity. Different concepts of vision were proposed by Plato, Empedocles, Epicurus, Lucretius, Democritus, Aristotle. And the phenomenon of vision was described in very different ways by different ancient philosophers. If we say that many ingenious intuitions of Antiquity were then confirmed in scientific researches of modern times, then none of the first theories of vision received its scientific confirmation. One of the aims of the paper is to clarify the fact of the difference between the modern natural scientific conception of vision and the philosophical approaches to the question in Antiquity. Here are some research questions: Why did it happen that no theory of vision in Antiquity has passed the test of time? What did ancient thinkers mean when they speculated about the fact of visual experience? What does visual experience mean in Antiquity and in our time?

Keywords: visual experience, ancient theories of vision, Plato, Empedocles, Epicurus, Lucretius, Democritus, Aristotle

СУЛТАНОВА ГУЛНОЗА САБИРОВНА, доктор философских наук, профессор; Самаркандский государственный университет имени Шарофа Рашидова (Самарканд, Узбекистан), профессор

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ АНТИЧНОГО ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

В данной статье анализируется взаимосвязь античного естествознания и современной науки. Сравнительный анализ античного естествознания и современной науки имеет важное значение для понимания исторического контекста, философских основ и методологического развития науки, а также для образовательных, культурных и этических аспектов. Рассматриваются принципы развития науки и технологий, необходимость интеграции знаний и создание новых возможностей для внедрения инноваций и осуществления прогресса. Данный анализ раскрывает различия и общие черты в методах, принципах и достижениях этих двух эпох. Античное естествознание и современная наука имеют как существенные различия, и немало общих черт, поскольку современная наука во многом развилась из идей, заложенных в античности. Сравнительный анализ методологий античной и современной науки демонстрирует, как изменялись подходы к изучению природы и вселенной. Это помогает оценить эффективность различных методов и понять, какие из них сохранили свою актуальность, а какие были отвергнуты. Античное естествознание заложило основы для развития науки, предлагая первые систематические подходы к изучению природы и вселенной. Современная наука, опираясь на эти основы, значительно расширила наши знания и методы, введя экспериментальную проверку гипотез, использование сложных инструментов и математическое моделирование. Понимание эволюции научных идей от античности до наших дней позволяет оценить прогресс и продолжать развивать науку в будущее.

Ключевые слова: античное естествознание, современная наука, методология, парадигма, научные подходы, сравнительный анализ, междисциплинарные исследования

Актуальность изучения античного естествознания и современной науки заключается в том, что оно позволяет понять основные принципы и методы, которые лежат в основе современных научных достижений, а также способствует формированию целостного взгляда на развитие науки. Кроме этого, это изучение позволяет лучше понять эволюцию научных идей и методологий, а также дать оценку их влияния на современные научные достижения.

Вот несколько ключевых аспектов актуальности этого изучения:

- историческое понимание развития науки,
- философские корни современной науки,
- критическое мышление и логика,
- этика и наука; этические и социокультурные аспекты,
- междисциплинарный подход и методология,
- образование, просвещение и наука,
- культурное наследие,
- этические и социокультурные аспекты.

Данное сравнение позволяет выявить, какие идеи и концепции были устойчивыми и продолжили развиваться, а какие были отвергнуты в самом начале или пересмотрены. Это способствует более глубокому пониманию процесса научного прогресса и изменений в научной парадигме. Данный анализ античного естествознания и современной науки позволяет выявить различия и сходства в их методах, концепциях и влиянии на развитие научного мышления.

Основные аспекты для сравнения:

1. Методология и подходы

Античное естествознание:

– *Наблюдение и логика.* Основывалось на наблюдениях и логических рассуждениях. Эксперименты проводились редко, а теоретические выводы часто делались на основе философских размышлений. Наблюдение и описания - античные ученые, такие как Аристотель и Гиппократ, полагались на тщательное наблюдение природы и детальные описания явлений.

Что касается логического анализа, то широко использовался дедуктивный метод, основанный на умозаключениях. Философские размышления — важную роль играли философские рассуждения и спекуляции о природе вселенной и сущности вещей.

– *Аристотелевский метод.* Аристотель разработал методологию научного познания, включающую наблюдение, описание и классификацию природных явлений.

Современная наука:

– *Эксперимент и измерение.* Основывается на экспериментальном методе, включающем строгие количественные измерения и воспроизводимость результатов. Современная наука опирается на экспериментальные методы и сбор эмпирических данных для проверки гипотез.

– *Гипотезы и тестирование.* Современная наука строится на выдвижении гипотез и их проверке через эксперимент и наблюдение.

– *Математизация и математическое моделирование.* Широкое использование математических методов для описания и предсказания природных явлений.

2. Концепции и теории. Принципы и Парадигмы

Античное естествознание:

– *Философская основа и гипотетическое знание.* Естествознание часто было тесно связано с философией. Природные явления объяснялись через философские категории, такие как стихии (земля, вода, огонь, воздух) у Эмпедокла.

– *Аристотелизм.* Концепция естественных мест и причинности, где всё в природе имеет свою цель и предназначение.

– *Геоцентризм.* Геоцентризм — Птолемеяевская модель вселенной, где Земля находится в центре.

Современная наука:

– *Эмпирическая основа.* Теории и модели основываются на эмпирических данных и подтверждаются экспериментами.

– *Гелиоцентризм и космология.* Современная наука признает гелиоцентрическую модель и использует сложные космологические модели для описания Вселенной.

– *Эволюция теорий.* Современная наука признает, что теории могут изменяться и эволюционировать по мере накопления новых данных и знаний.

3. Технологии и инструменты

Античное естествознание:

– *Примитивные инструменты.* Использовались простые инструменты для наблюдений, такие как примитивные астрономические устройства и измерительные приборы.

– *Ограниченные технологии.* Технологические возможности были ограничены, что ограничивало точность и объем исследований.

Современная наука:

– *Современные инструменты.* Используются сложные и точные инструменты, такие как телескопы, микроскопы, ускорители частиц, компьютеры и спутники.

– *Информационные технологии.* Широкое применение компьютерных технологий для моделирования, анализа данных и обработки больших объемов информации.

4. Организация научной деятельности

Античное естествознание:

– *Индивидуальные исследования.* Научные исследования часто проводились философами и учеными, к примеру, Аристотелем, Пифагором или Архимедом.

– *Возможность производить исследования зачастую зависела от от покровительства богатых меценатов или от государства-полиса.*

Современная наука:

– *Коллективные исследования.* Наука организована в рамках научных институтов, университетов и международных научных проектов.

– *Грантовое финансирование.* Научные исследования часто финансируются за счет грантов и фондов, что позволяет проводить масштабные и дорогостоящие исследования.

5. Влияние на общество

Античное естествознание:

– *Философское влияние.* Большое влияние на философию, образование и мировоззрение античного общества.

– *Ограниченное практическое применение.* Практическое применение знаний было ограничено, но включало инженерные и медицинские достижения.

Современная наука:

– *Технологическое влияние.* Огромное влияние на технологическое развитие, экономику и повседневную жизнь людей.

– *Инновации и прогресс.* Научные открытия приводят к внедрению инноваций и осуществлению прогресса в различных областях, включая медицину, инженерные науки, информационные технологии и другие.

6. Достижения и открытия

Античное естествознание:

– *Астрономия и математика.* Открытия Архимеда, Эратосфена, Птолемея и других, заложивших основы геометрии, тригонометрии и астрономии.

– *Медицина.* Гиппократ и Гален, чьи труды положили основы медицинской науки.

– *Физика и механика.* Архимедов принцип и работы по гидростатике и механике.

Современная наука:

– *Квантовая механика и теория относительности.* Работы Эйнштейна, Планка, Бор и других, которые изменили наше понимание пространства, времени и материи.

– *Генетика и биотехнологии.* Открытие ДНК, развитие генетики, биоинженерии и современной медицины.

– *Космология и астрофизика*. Исследования космоса, теория Большого взрыва, открытие экзопланет и черных дыр.

* * *

Таким образом, хотя между античным естествознанием и современной наукой существует множество различий, в основе обеих традиций лежит стремление к познанию мира, что связывает их исторической и интеллектуальной преемственностью. Сравнение античного естествознания и современной науки показывает значительные изменения в методах, концепциях, технологиях и организации научной деятельности. Несмотря на различия, античное естествознание заложило основы для развития научного мышления, которые были расширены и углублены современной наукой. Изучение этих различий и эволюции научных идей помогает лучше понять природу научного познания и его роль в развитии человеческой цивилизации.

GULNOZA SULTANOVA, DSc in Philosophy, Professor;
Samarkand State University named after Sharof
Rashidov (Samarkand, Uzbekistan), Professor

COMPARATIVE ANALYSIS OF ANCIENT NATURAL SCIENCE AND MODERN SCIENCE

This article analyzes the relationship between ancient natural science and modern science. A comparative analysis of ancient natural science and modern science is important for understanding the historical context, philosophical foundations and methodological development of science, as well as for educational, cultural and ethical aspects. The principles of the development of science and technology, the need to integrate knowledge and create new opportunities for innovation and progress are considered. This analysis reveals the differences and common features in the methods, principles and achievements of these two eras. Ancient natural science and modern science have both significant differences and many common features, since modern science has largely developed from the ideas laid down in antiquity. A comparative analysis of the methodologies of ancient and modern science

demonstrates how approaches to the study of nature and the universe have changed. This helps to evaluate the effectiveness of various methods and understand which of them have remained relevant and which have been rejected. Ancient natural science laid the foundations for the development of science, offering the first systematic approaches to the study of nature and the universe. Modern science, based on these foundations, has significantly expanded our knowledge and methods by introducing experimental hypothesis testing, the use of complex tools and mathematical modeling. Understanding the evolution of scientific ideas from antiquity to the present day allows us to assess progress and continue to develop science into the future.

Keywords: ancient natural science, modern science, methodology, paradigm, scientific approaches, comparative analysis, interdisciplinary research.

ЧЕРНЫХ АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (Санкт-Петербург, Россия), ассистент

ПЛАТОН И СОВЕТСКИЙ МАРКСИЗМ

Платон — один из влиятельнейших философов в истории. Его след есть и в советском марксизме, в частности, в работах Э. В. Ильенкова и М. А. Лифшица. Размышляя о проблеме идеального, Ильенков пишет, что Платон гениально обнаружил нечто, что неосознано, что как будто бы не существует. Это нечто — и есть идеальное, то есть нематериальное. При этом Ильенков не возводит идеальное в ранг первоначала или самостоятельной сущности, как это делает Платон. По Ильенкову, Платон заметил идеальное, но ошибочно онтологизировал его. Лифшиц же был несколько ближе Платону, хотя тоже оставался последовательным материалистом. По Лифшицу, идеальное существует объективно (это же с рядом оговорок утверждал и Ильенков). Но если Ильенков ограничивался тем, что идеальное есть нечто нематериальное, что существует в ходе метаморфоз деятельности общественного человека, то Лифшиц добавлял к этому,

что есть *Ideell*, нематериальное, а есть *Ideal* — то есть буквально идеал, то, что служит некоей целью. Однако такое *Ideal* у Лифшица не становится субстанцией, а остается чем-то производным от материальной субстанции. Так или иначе, влияние — пусть и через посредство многих философов, в том числе Г. В. Ф. Гегеля и К. Маркса, — Платона в философии Э. В. Ильенкова и М. А. Лифшица прослеживается. Поэтому можно сказать, что именно Платон впервые поставил проблему идеального, которая остается актуальной до сих пор и даже сейчас, вероятно, не может быть признана решенной.

Ключевые слова: Платон, Э. В. Ильенков, М. А. Лифшиц, проблема идеального, идеал

ANDREY CHERNYKH, St. Petersburg State University of
Economics (St Petersburg, Russia), Assistant Professor

PLATO AND SOVIET MARXISM

Plato is one of the most influential philosophers in history. His trace is also in Soviet Marxism, in particular, in the works of E. Ilyenkov and M. Lifshitz. Reflecting on the problem of the ideal, Ilyenkov writes that Plato ingeniously discovered something that is intangible, that does not seem to exist. This something is the ideal, that is, the immaterial. At the same time, Ilyenkov does not elevate the ideal to the rank of the primordial or independent essence, as Plato does. According to Ilyenkov, Plato noticed the ideal, but mistakenly ontologised it. Lifshitz, on the other hand, was somewhat closer to Plato, although he too remained a consistent materialist. According to Lifshitz, the ideal exists objectively (Ilyenkov argued the same with a number of reservations). But whereas Ilyenkov limited himself to the fact that the ideal is something immaterial, something that exists in the course of metamorphoses of social man's activity, Lifshitz added to this that there is *Ideell*, the immaterial, and there is *Ideal* — that is, literally ideal, something that serves some purpose. However, such *Ideal* in Lifshitz does not become substance, but remains something derived from material substance. One way or another, the influence of Plato in the philosophy

of E. Ilyenkov and M. Lifshitz can be traced, albeit through many philosophers, including Hegel and Marx. Therefore, it was Plato who first posed the problem of the ideal, which remains relevant to this day and even now, probably, cannot be recognised as solved.

Keywords: Plato, E. V. Ilyenkov, M. A. Lifshits, the problem of the ideal, the ideal

САВИЩЕНКО АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ,

Военная академия связи им. С. М. Буденного
(Санкт-Петербург, Россия), старший преподаватель

ДЕГУМАНИЗАЦИЯ МАТЕМАТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ: ОТ ЧИСЛА ПЛАТОНА ДО ЦИФРЫ МАСКА

Математическое знание, как единственное, наряду с философией, осмелившееся на радикальный акт обращения к осмыслению собственных оснований, находится в наиболее уязвимом положении в эпоху неустойчивости и неопределённости всех оснований. Тогда как Платон (и уж тем более неоплатоники) рассматривает числа и геометрические фигуры как вневременные сущности, обладающие чуть ли не божественным статусом, современная наука порою низводит их до статуса случайных конвенциональных объектов, помогающих придать видимость порядка не менее иллюзорному виртуальному бытию. И если в платоновской воспитательной пайдеей именно математика открывает путь к диалектике, становлению воином и/или мудрецом, закрепляя своим неумолимым порядком гармонию как космоса, так и полиса и человека в Едином, то ныне никогда не сводимые к Целому наборы случайных «выборок», ничем не скреплённых «множеств», будь то в эмпирических исследованиях условных «британских учёных» или объявленных угнетёнными «меньшинств», приводит только к глубоко негативному ощущению дисгармоничности, болезненности, случайности и бессмысленности. Вряд ли возможно просто вернуться к платоновскому образу математики. Тем более, что многие современные выдающиеся математики (Р. Пенроуз, например) и так

являются открытыми платониками. Но будучи «только учёными», они забывают о божественном /человеческом /политическом смысле платоновского начертания математики. Можно предположить, что только через установление диалектической связи между высоко абстрактной, «нечеловеческой» (и даже «античеловеческой») современной математики с не менее высоко человеческим платоновским её образом, возможно не только возвращение к первоначальной её полноте, но и возрастание богатства в новом единстве.

Ключевые слова: математика, платон, космос, метаматематика, полис

Общим местом дискуссий о положении научного знания в современном мире стала констатация неустойчивости его положения, конституированная неопределённым положением самого человека. Неизбежная тревожность утери каких-либо опор ставит вопрос о их поиске, что, вероятно, и есть основной вызов современности для актуальной науки. Математическое знание, как единственное, наряду с философией, осмелившееся на радикальный акт обращения к осмыслению собственных оснований, первое уловило неустойчивость и неопределённость всех своих оснований, породив в своей структуре особое направление — *метаматематику*, занятую прояснением и своеобразной *онтологизацией*, укреплением собственных оснований.

В философии «основной вопрос» метаматематики стоит еще со времён Пифагора и находит соответствующий ответ в рамках философской системы бытия. И как сама философия за две тысячи лет прошла весь спектр отношения к бытию: от предельной концентрации насыщенности смысла в Едином, когда не-бытия просто не может быть, до современного *мемонального*, нарочито «расслабленного» дискурса, где трудно уловить порою даже намеки на смысл и субъектную центрированность (имя им — легион: от Негерестани до Харузэй: субъект растворяется в потоках желания, животной или технической реальности, само его мышление становится похожим на кошмар). В математической перспективе двумя соответствующи-

ми крайними концептами можно считать «число» у Платона и «цифру» условного Илона Маска (за неимением фигуры философского «цифровизатора» сопоставимого с учителем Аристотеля).

Тогда как Платон (и уж тем более неоплатоники) рассматривает числа и геометрические фигуры как вневременные сущности, обладающие божественным статусом, современная наука порою низводит их до статуса случайных конвенциональных объектов, помогающих придать видимость порядка иллюзорному виртуальному бытию. И, соответственно, если в платоновской воспитательной пайдеей именно математика открывает путь к диалектике, становлению воином и/или мудрецом, закрепляя своим неумолимым порядком гармонию как космоса, так и полиса и человека в Едином, то ныне никогда не сводимые к Целому наборы случайных «выборок», ничем не скреплённых «множеств», будь то в эмпирических исследованиях условных «британских учёных» или объявленных угнетёнными «меньшинств», приводит только к глубоко негативному ощущению дисгармоничности, болезненности, случайности и бессмысленности.

Возможно ли новое движение к такой насыщенной, бытийственной и «человеческой» математике? Да и нужно ли оно? Если даже ответить утвердительно, вряд ли возможно просто вернуться к платоновскому образу математики. Тем более, что многие современные выдающиеся математики (Р. Пенроуз, например, что, вероятно, и определяет его «крестовый поход» против веры во всеисилие искусственного интеллекта и за достоинство человеческого разума) и так являются открытыми платониками. Но будучи «только учёными», они забывают о божественном /человеческом /политическом смысле платоновского начертания математики. Можно предположить, что только через установление диалектической связи между высоко абстрактной, «нечеловеческой» (и даже «античеловеческой») современной математики с не менее высоко человеческим платоновским её образом, возможно не только возвращение к первоначальной её полноте, но и возрастание богатства в новом единстве.

ALEXANDER SAVISHCHENKO, Budyonny Military Academy of the
Signal Corps (Saint Petersburg, Russia), Senior Lecturer

**DEHUMANIZATION OF MATHEMATICAL KNOWLEDGE:
FROM PLATO'S NUMBER TO MUSK'S NUMBER**

Mathematical knowledge, as the only one, along with philosophy, that dared to take a radical act of turning to understanding its own foundations, is in the most vulnerable position in an era of instability and uncertainty of all foundations. While Plato views numbers and geometric figures as timeless entities possessing an almost divine status, modern science sometimes reduces them to the status of random conventional objects that help give a semblance of order to an equally illusory virtual existence. And if in Plato's educational paideia it is mathematics that opens the way to dialectics, becoming a warrior or a sage, consolidating with its inexorable order the harmony of both the cosmos and the polis and man in the One, then now sets of random "selections," never reducible to the Whole, are nothing loose "multitudes," whether in empirical studies of conventional "British scientists" or declared oppressed "minorities," only leads to deeply negative feelings of sickness, randomness, and meaninglessness. It is hardly possible to simply return to the Platonic image of mathematics. Moreover, many modern outstanding mathematicians (R. Penrose, for example) are already open platonists. But being "only scientists," they forget about the divine/human/political meaning of Plato's outline of mathematics. Only through the establishment of a dialectical connection between the highly abstract, "non-human" (and even "anti-human") modern mathematics with its no less highly human Platonic image, is it possible not only to return to its original completeness, but also to increase wealth in a new unity.

Keywords: mathematics, Plato, cosmos, metamathematics, polis

КУЗЬМИНА ЕЛЕНА ВЛАДИСЛАВОВНА, кандидат фило-
софских наук, доцент; Казанский (Приволжский)
федеральный университет (Казань, Россия),
заведующая кафедрой религиоведения

**ПЛАТОНИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ
СОВРЕМЕННОЙ КОСМОЛОГИИ**

До XIII века, пока в Европу через арабо-мусульманский Восток вновь не пришла философия Аристотеля, господствующим

среди мыслителей был платоновский взгляд на мир, согласно которому любое конкретное знание понималось с точки зрения его соотношения с неким абсолютным знанием, любые феномены естественного мира осмыслились исходя из представлений о высших абсолютных структурах и порядках. Как традиционно считается, именно переход от платонизма к аристотелевским методам постижения мира сформировал те принципы конкретного эмпирического анализа, которые легли в основу классической науки. Мы же в своем докладе ставим цель обосновать, что на современном этапе развития естественно-научного знания, в частности в области космологии и квантовой механики, напротив, наблюдается тенденция опоры на платонизм. Это может происходить в явном виде, как у физика и математика Р. Пенроуза, напрямую заявляющего об онтологической укорененности физических законов эмпирического мира в мире платоновских эйдосов; или в скрытом, в частности, мы постараемся выявить метафизические предпосылки концепции мнимого времени позитивиста С. Хокинга или принципов теории струн.

Ключевые слова: космология, квантовая механика, теория относительности, теория струн, мнимое время, платонизм, эйдосы, метафизика

ELENA KUZMINA, CSc in Philosophy, Associate Professor;
Kazan Federal University (Kazan, Russia), Head
of the Department of Religious Studies

PLATONIC FOUNDATIONS OF MODERN COSMOLOGY

Until the XIII century, until Aristotle's philosophy again came to Europe through the Arab-Muslim East, the Platonic view of the world dominated among thinkers, according to which any specific knowledge was understood in terms of its relationship with some kind of absolute knowledge, any phenomena of the natural world were conceptualized on the basis of ideas about higher absolute structures and orders. Traditionally, it is believed that it was the transition from Platonism to Aristotelian methods of cognition of the world that formed the principles of concrete empirical analysis, which formed the basis of classical science. In our report, we aim to substantiate that at the present stage of the development of natural science knowledge, in particular in the field of cosmology and quantum mechanics, on the contrary, there is a tendency to

rely on Platonism. This can happen explicitly, as in the case of the physicist and mathematician R. Penrose, who directly declares the ontological rootedness of the physical laws of the empirical world in the world of Platonic eidos; or implicitly, in particular, we will try to identify the metaphysical premises of the positivist S. Hawking's concept of imaginary time or the principles of string theory.

Keywords: cosmology, quantum mechanics, relativity theory, string theory, imaginary time, Platonism, eidos, metaphysics

НОРМАМАНОВА МАХСУДА НУРМАМАТОВНА, доктор философских наук, доцент; Самаркандский государственный университет имени Шарофа Рашидова (Самарканд, Узбекистан), доцент

ИДЕЯ ВИРТУАЛИСТИКИ В АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФИИ

В данной статье рассматриваются парадигма новой направлении виртуалистики. В ней даётся информация о идее античной виртуалистике и виртуальной реальности. Также обосновывается этимология понятия виртуалистики. Неотъемлемой чертой жизни современного человека является его тесное взаимодействие с виртуальной реальностью, при этом новый феномен современного информационного общества рассматривается с использованием парадигмальных, категориальных и феноменологических позиций, и логично утверждать, что виртуалистика в начале третьего тысячелетия приобрела статус философской категории. Многие исследователи считают виртуальную реальность новой сферой бытия, а информационное пространство — формой существования виртуальной реальности. Эти взаимодействия осуществляются как виртуальные аналоги реальных социальных взаимодействий. Античные философы место виртуалистике употребили утопию или же идеи. Хотя античные философы не использовали термин «виртуалистика» и не могли представить себе современные технологии виртуальной реальности, их размышления о природе восприятия, реальности и иллюзии предвосхищают многие современные идеи.

Ключевые слова: виртуалистика, античная, идея, виртуальная реальность, виртуальной образ, иллюзия, скептицизм, симуляция

Идея виртуалистики в античной философии связана с концепциями, которые касаются природы реальности, иллюзий и восприятия. Хотя сам термин «виртуалистика» в античной философии не использовался, можно выделить несколько философских идей и школ, которые затрагивали вопросы о природе реальности и иллюзии, что имеет сходство с современной концепцией виртуалистики.

Одним из наиболее известных античных философов, чьи идеи можно рассматривать как предвосхищение виртуалистики, является Платон. Его теория мира идей предполагает существование двух миров:

– Мир идей (эйдосов): мир совершенных, неизменных и вечных форм, которые являются истинной реальностью.

– Мир явлений: физический мир, который мы воспринимаем чувствами, является лишь тенью или отражением мира идей. Этот мир изменчив и несовершенен.

Платон иллюстрировал свою теорию в знаменитом мифе о пещере, где люди, прикованные к стене пещеры, видят только тени объектов, проецируемые огнем. Они принимают эти тени за единственную реальность, не зная о существовании истинных объектов вне пещеры. Эта аллегория можно интерпретировать как раннюю форму виртуалистики, где воспринимаемая реальность является лишь иллюзией. Одной из самых известных концепций, близких к идее виртуалистики, является метафора пещеры, предложенная Платоном в «Государстве». В этой метафоре Платон описывает группу людей, которые с рождения прикованы к стенам пещеры и видят только тени объектов, проецируемые на стену светом от огня. Эти тени — их единственная реальность, но на самом деле они являются лишь искаженным отражением истинного мира. Платон использует эту метафору, чтобы показать, что наши чувственные восприятия могут быть обманчивы, и что истинное знание достигается через философское размышление и понимание мира идей. В данном контексте можно говорить о том, что чувственный мир является своего рода «виртуальной реальностью», скрывающей истинную природу бытия.

Пифагорейцы верили, что основой всего сущего являются числа и математические отношения. По их мнению, мир — это гармоничная структура, основанная на числовых закономерностях. Эта идея близка к современным концепциям виртуальной реальности, в которых мир может быть представлен как математическая или цифровая симуляция.

Скептики, такие как Пиррон, утверждали, что невозможно достичь достоверного знания о мире. Они ставили под сомнение надежность чувств и разума в познании реальности. Скептицизм можно рассматривать как философскую позицию, которая подвергает сомнению реальность воспринимаемого мира, что также перекликается с идеями виртуалистики. Они ставили под сомнение возможность познания объективной реальности, считая, что наши представления о мире могут быть иллюзорными. Этот скептицизм создает предпосылки для понимания мира как потенциально виртуального или симулированного.

Гераклит утверждал, что все находится в постоянном изменении и что невозможно войти в одну и ту же реку дважды. Его идеи о изменчивости и нестабильности мира также могут быть связаны с концепциями виртуальной реальности, где постоянные изменения создают иллюзорные восприятия.

Философия Эпикура и атомистов, таких как Демокрит, утверждала, что все существующее состоит из атомов и пустоты. Атомы движутся в пространстве, образуя различные комбинации, из которых состоят все вещи. Этот взгляд можно интерпретировать как описание мира, построенного из элементарных единиц, аналогично тому, как современная виртуальная реальность строится из пикселей или битов информации.

Они утверждали, что наши восприятия — это результат взаимодействия атомов. Хотя их взгляды были материалистичными, их представление о мире как о конгломерате атомов, которые могут создавать иллюзии, имеет некоторые параллели с современными представлениями о виртуальных мирах, созданных на основе битов информации.

Хотя античные философы не использовали термин «виртуалистика», их идеи о природе реальности, иллюзий и восприятия могут быть интерпретированы как ранние формы виртуалистической мысли. Платон, скептики, Гераклит и атомисты внесли значительный вклад в философское осмысление того, что является реальным, а что — иллюзорным, что до сих пор является актуальным вопросом в современной философии и науке о виртуальных реальностях.

Эпистемологическое происхождение термина «виртуальность» восходит к латинскому слову «virtus». В языке и духовности древних римлян это слово использовалось во многих значениях и контекстах. Исследователи отмечают следующие значения термина «virtus»: нравственная ценность, благодать, доброта, воображение, мужество, потенциальность, нереальность и др. Мыслители Цицерон и Сенека использовали этот термин в значении «добродетель».

В духовности западного средневековья и эпохи Возрождения, основанной на латыни, термин “virtus” сохранил ранее существовавшие значения,¹ представители философии и науки (Августин, Ф. Аквинский, Н. Кузанский, Н. Орем и др.) употреблялись также в таких значениях, как «способность», «внутренняя сила», «потенция», «мощь». С этого периода и до сих пор понятие «виртуальность» использовалось как синоним потенции, почки, возможности, нереального мира, промежуточного состояния, способности и так далее.

Виртуальная реальность отличается от объективной реальности, в том числе и нашей повседневной жизни, тем, что это специфическое состояние сознания. Точно так же технологии виртуальной реальности исследуются в системе философии, психологии, эстетики и социально-гуманитарных наук в целом. С гносеологической точки зрения «виртуальное знание» есть явление субъективное, особенно восприятие, познание и переработка мозгом истинной сущности и об-

¹ В своих «Опытах» Монтень использует слово virtus в значении добродетели, силы, духа, величия, стойкости, имея в виду “Avido est periculi virtus” Сенеки («Мужество ведет к опасности»). См.: Монтень М. *Опыты. Избранные главы.* — М., 1991. С.48.

разуемого на этой основе образа и настроения. По мнению Е. Ковалевской, хотя существует множество различных, часто противоречащих друг другу интерпретаций виртуальной реальности, «виртуальная реальность» занимает прочные позиции в методологии науки и познания.. Итак, виртуальность рассматривается с научно-теоретической точки зрения.

Абу Наср Фараби широко использовал категорию «возможность» в толковании сущности бытия и знания. Мыслитель разъяснял понятия «разум в возможности», «психика в возможности», «актуальные и потенциальные отношения».

MANHUSA NORMAMATOVA, DSc in Philosophy, Associate Professor; Samarkand State University named after Sharof Rashidov (Samarkand, Uzbekistan), Associate Professor

THE IDEA OF VIRTUALISM IN ANCIENT PHILOSOPHY

This article discusses the paradigm of the new direction of virtualism. It provides information about the idea of ancient virtualism and virtual reality. The etymology of the concept of virtualistics is also substantiated. An integral feature of the life of modern man is his close interaction with virtual reality, while the new phenomenon of the modern information society is considered using paradigmatic, categorical and phenomenological positions, and it is logical to assert that virtualism at the beginning of the third millennium acquired the status of a philosophical category. Many researchers consider virtual reality a new sphere of existence, and information space as a form of existence of virtual reality. These interactions are carried out as virtual analogues of real social interactions. Ancient philosophers used utopia or ideas instead of virtualism. Although ancient philosophers did not use the term “virtualistics” and could not imagine modern virtual reality technologies, their reflections on the nature of perception, reality and illusion anticipate many modern ideas.

Keywords: virtualistics, ancient, idea, virtual reality, virtual image, illusion, skepticism, simulation

**СЕКЦИЯ 7: «ПЛАТОНИЧЕСКАЯ
ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ДИАЛЕКТИКА И ЛОГИКА
В ИСТОРИИ НАУКИ»**

КАТРЕЧКО СЕРГЕЙ ЛЕОНИДОВИЧ, кандидат философских наук, доцент; Государственный академический университет гуманитарных наук (Москва, Россия), доцент; Фонд «Центр гуманитарных исследований» (Москва, Россия), главный редактор «Трансцендентального журнала»

**ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНАЯ МЕТАФИЗИКА ПЛАТОНА.
ПЛАТОНОВСКИЙ МИР ИДЕЙ И ОНТОЛОГИЯ СВОЙСТВ.**

Суть трансцендентального метода Канта состоит в выявлении трансцендентальных условий возможности [познания] предметов (сущего) (Кант «Критика чистого разума», В25), но именно в этом качестве [трансцендентальных условий] вводит свои идеи Платон когда в диалоге «Парменид» пишет, что «не допуская постоянно тождественной себе идеи каждой из существующих вещей, он не найдет куда направить свою мысль, и тем самым уничтожит всякую возможность рассуждения» (*Парменид*, 135с). В этом смысле мы можем понимать платоновские идеи не как какие-то онтологические сущности, населяющие «мир идей», а как эпистемологические условия познания [вещей]. Зададимся вопросом: трансцендентальными условиями чего выступают платоновские идеи? Каждая вещь задается набором своих предикатов (свойств). Например, стоящий передо мной стол является деревянным, прямоугольным, коричневым, etc. Можно сказать, что стол *причастен* к идеям *деревянности*, *прямоугольности*, *коричневости*... Соответственно,

идеи выступают [трансцендентальными] условиями наличия у вещей тех или иных свойств (например, четное число причастно к идее четности), а саму вещь можно трактовать как *сумму* своих свойств, причем для подобного задания вещи нет необходимости вводить аристотелевскую категорию сущности. Тем самым Платон, в отличие от Аристотеля, задает не онтологию вещей, а онтологию свойств, которая на уровне языка соответствует языку прилагательных (язык существительных (вещи) vs язык прилагательных (свойства)). Свое современное развитие эта онтология находит в теории тропов.

Ключевые слова: трансцендентальный метод, трансцендентальное условие, Платон, метафизика, онтология свойств, язык прилагательных, онтология вещей, язык существительных

SERGEY KATRECHKO, CSc in Philosophy, Associate Professor; State Academic University for the Humanities (Moscow, Russia), Associate Professor; Foundation for Humanities (Moscow, Russia), Head of Chair “Studies in Transcendental Philosophy”

TRANSCENDENTAL METAPHYSICS OF PLATO. PLATO’S WORLD OF FORMS AND ONTOLOGY OF PROPERTIES

The core of Kant’s transcendental method consists in revealing the transcendental conditions of possibility [of cognition] of things [B25], but it is in this quality Plato introduces the forms in the “Parmenides:” “not supposing the form of each existing thing to be constantly identical to himself, he will not find where to direct his thought, and thus will destroy all possibility of reasoning” (*Parmenides*, 135c). In this sense, we can understand Plato’s forms not as some ontological entities but as epistemological conditions of cognition. Let’s ask: what are the transcendental conditions of Plato’s forms? Each thing is defined by a set of its predicates. For example, the table in front of me is wooden, brown, etc. We can say that the table is *participated* in the forms of *woodiness*, *brownness*...

Accordingly, forms act as [transcendental] conditions for things to have certain properties (an odd number in the idea of oddness), and things themselves can be treated as the *sum* of their properties, without the need to introduce the Aristotelian category of essence. Thus Plato, in contrast to Aristotle, does not specify an ontology of things, but an ontology of properties, which at the level of language corresponds to the language of adjectives (the language of nouns (the world of things) *vs* the language of adjectives (the world of properties)).

Keywords: transcendental method, transcendental condition, metaphysics, ontology of properties, language of adjectives, ontology of things, ontology of nouns

НИКОНЕНКО СЕРГЕЙ ВИТАЛЬЕВИЧ, доктор философских наук, профессор; Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), профессор

**КОММЕНТАРИЙ К ВЫСКАЗЫВАНИЮ
ГЕРМОГЕНА ИЗ «КРАТИЛА» 385Е
О РАЗЛИЧНОМ НАИМЕНОВАНИИ В КОНТЕКСТЕ
СОВРЕМЕННЫЙ ИДЕЙ ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА**

Предметом доклада выступает предположение Гермогена о том, что одни и те же вещи в разных городах именуются по-разному («Иногда одни и те же вещи в каждом городе называются особо, у одних эллинов не так, как у других эллинов»). Мы пытаемся показать, что, хотя Платон стоит у истоков научной филологии, он приводит данный пример для демонстрации ложного суждения о языке, если брать его феноменальный уровень. С нашей точки зрения Витгенштейн, Куайн, Рорти и другие аналитические философы выступают сторонниками Гермогена, отчасти Кратила, но полемизируют с позицией Сократа. Вместе с тем, в докладе уделяется значительное внимание этимологическому анализу имен богов как истоку любой формы лингвистической философии.

Ключевые слова: Кратил, язык, наименование, лингвистическая философия, слово

SERGEY NIKONENKO, DSc in Philosophy, Professor; Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia), Professor

**COMMENTS TO THE *CRATYLUS* 385E
ON DIFFERENT WAYS OF NAMING IN THE SCOPE
OF CONTEMPORARY LINGUISTIC PHILOSOPHY**

The subject of the report is Hermogenes' assumption that the same things in different cities are called differently ("Sometimes the same things in each city are called separately, some Hellenes do not like other Hellenes"). We are trying to show that, although Plato stands at the origins of scientific philology, he gives this example to demonstrate a false judgment about language (if we take its phenomenal level). From my point of view, Wittgenstein, Quine, Rorty and other analytical philosophers are supporters of Hermogenes, partly of Cratylus, but they polemize with the position of Socrates. At the same time, the report pays considerable attention to the etymological analysis of the names of the gods as the source of any form of linguistic philosophy.

Keywords: the *Cratylus*, language, naming, linguistic philosophy, word

ПОПОВА ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА, доктор философских наук;
Балтийский федеральный университет им. Иммануила
Канта (Калининград, Россия), профессор

**АРГУМЕНТОРИКА АРИСТОТЕЛЯ И С. И. ПОВАРНИНА:
ТЕОРЕТИКО-ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ
И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ**

С. И. Поварнин — один из оригинальнейших русских специалистов по логике и аргументации. Его творчество в области логики и аргументации опиралось на мощные классические традиции, преобладавшие на кафедре философии Санкт-Петербургского университета. В сообщении производится сравнительный анализ принципов той области знания, которая ныне именуется «аргументорика», у Аристотеля и Поварнина. Оба автора при далеком временном отстоянии друг от друга предложили существенные логико-аргументативные концепции. Исходя из структуры и задач аргументорики рассматривают-

ся некоторые характерные черты позиций Аристотеля и Поварнина относительно образа субъекта аргументации, структуры аргументативного действия, типологии аудиторий и т. д. Получен вывод о том, что образы аргументорики Аристотеля и Поварнина теоретико-эпистемологически фундированы, хотя и та, и другая доктрина обладает мощной практической частью, адаптированной к духу времени автора.

Ключевые слова: аргументорика, риторика, логика, доказательство, спор, Аристотель, С. И. Поварнин

С. И. Поварнин — один из оригинальнейших русских специалистов по логике и аргументации, ученый, который в своем творчестве обеспечил связь дореволюционной традиции философских исследований с советским периодом становления философского образования в Петербургском университете. Его идеи в области построения логики отношений, а также теории и практики диалогической риторики звучат по сей день актуально и вписываются в мировые тренды развития теории аргументации, неформальной логики и критического мышления второй половины XX века. Однако, творчество Поварнина опиралось на мощные классические традиции, преобладавшие на кафедре философии Санкт-Петербургского университета и поддерживаемые его учителем А. И. Введенским. Философской подосновой логических исследований в этой традиции выступала аристотелевская логика. В докладе предполагается обосновать тезис о том, что аргументативно-риторическая часть учения С. И. Поварнина также опиралась на принципы классической риторики Аристотеля. При этом в логическом творчестве Поварнина обнаруживаются и оригинальные новации, отвечавшие актуальным тенденциям развития практической логики в русле становления различных аргументативных моделей. К тому же именно практические соображения, а также просветительские задачи содвигают Поварнина осовременить аристотелевский бессмертный материал и адаптировать его к духу времени.

Сравнительный анализ стоит начать с определения того, что мы теперь считаем областью аргументорики. Аргументо-

рика — это междисциплинарная область знания (на стыке логики, риторики и теории аргументации, а также когнитивных наук), способствующая выявлению механизма порождения субъектом аргументации определенного набора аргументов на основе определенного представления об адресате аргументации. Эта дисциплина имеет эмпирическую часть и, в отличие от риторики, занимается построением теоретических моделей реальных рассуждений. Аргументорика включает в себя типологию представлений об адресате (аудитории, слушателях), а также предполагает выявление зависимостей между представлениями об адресате и выбором определенных структур и наборов аргументов (способов убеждения).

Далее может быть рассмотрена структура аргументационного действия. У Аристотеля, как известно, риторический акт складывается из оратора, слушателя и речи. Отсюда вытекает типология и особенности различных видов речей. Типологию споров С. И. Поварнина также можно квалифицировать как основанную на целях (мотивах — для проверки истинности, для убеждения, ради победы и т. д.) и ценностях. Исходя из этого, можно провести сопоставительный анализ.

Еще одна важная сторона для сравнения — это образ аргументатора, качества и типология субъекта аргументации. В «Софистических опровержениях» Аристотель характеризует нечестного спорщика (софиста) как человека, создающего видимость мудрости из корыстных интересов. Поварнин называет такого спорщика «любитель лавров» и «спортсмен спора». Дело же праведного спорщика, по Аристотелю, — «говорить правду относительно того, что он знает, и уметь уличать лжеца».¹ У Поварнина высший тип благородного спорщика реализуется в полной мере только в споре как «совместное расследование истины».² Здесь важно то, что положительный полюс, к которому тяготеют образы аргументаторов как у Ари-

¹ Аристотель *О софистических опровержениях* // Аристотель Соч. в 4-х тт. Т. 2. С. 536.

² Поварнин С. И. *Искусство спора. О теории и практике спора* // Поварнин С. И. *Сочинения*. СПб.: Институт иностранных языков, 2015. С. 500.

стотеля, так и у Поварнина, сопряжен с понятием «истины», а отрицательный — лжи. Истина и ложь выступают тут как логико-эпистемологические принципы. Это дает основания полагать, что образы аргументорики Аристотеля и Поварнина теоретико-эпистемологически фундированы, хотя и та, и другая доктрина обладает мощной практической частью.

Далее, если обращаться именно к теоретической стороне дела, один из принципов риторики Аристотеля, который обнаруживается у Поварнина — это признание ведущей роли доказательства как способа убеждения. С разъяснения понятия доказательства начинается работа «Искусство спора».

Второй принцип — требование ясности в диалогической риторике. Это производное требование к доказательству как таковому. В «Риторике» Аристотеля ясность — один из идеалов хорошей речи. Ясность обеспечивается рядом действий ратора. Но в конечном счете опирается на пресуппозицию о том, что среди всех средств убеждения именно энтимема (риторический силлогизм) как ослабленный аналог доказательства — это предпочтительный, обладающий естественной принудительностью прием аргументации. Искусное построение энтимем предполагает владение топикой, уместное употребление примеров, определений, соблюдение логических законов и т. д.

VARVARA POPOVA, DSc in Philosophy; Immanuel Kant Baltic
Federal University (Kaliningrad, Russia), Professor

ARGUMENTORICS OF ARISTOTLE AND S. I. POVARNIN: THEORETICAL, EPISTEMOLOGICAL AND PRACTICAL PARALLELS

The message provides a comparative analysis of the principles of that field of knowledge, which is now called “argumentorics,” from Aristotle and Povarnin. Both authors, at a long time distance from each other, proposed significant logical and argumentative concepts. Based on the structure and tasks of argumentation, some characteristic features of the positions of Aristotle and Povarnin regarding the image of the subject of argumentation, the structure of argumentative action, the typology of audiences, etc. are considered. It is

concluded that the images of Aristotle's and Povarnin's argumentorics are theoretically and epistemologically founded, although both doctrines have a powerful practical part, adapted to the spirit of the author's time.

Keywords: argumentation, rhetoric, logic, proof, dispute, Aristotle, S. I. Povarnin

БАТРАКОВА ИРИНА АРКАДЬЕВНА, кандидат философских наук, доцент; Научно-клинический центр токсикологии им. С. Н. Голикова (Санкт-Петербург, Россия), доцент

ПЛАТОНОВСКОЕ ПОНЯТИЕ ИДЕИ В УЧЕНИИ КАНТА О НАУКЕ

Доклад посвящён рассмотрению историко-философского явления использования Кантом платоновского понятия идеи в целях обоснования возможности существования науки и метафизики как науки. В докладе исследуются мотивы Канта в его возвращении к понятию идеи Платона, критика им эмпирического использования этого понятия в английском эмпиризме Нового времени, отрицательное отношение к явлению гипостазирования идей. В докладе рассматривается как общее для двух философов потребность в идее как продукте разума — всеобщем и необходимом принципе, не выводимом из опыта, но определяющем опыт в его систематическом единстве. Автор доклада рассматривает кантовскую идею законодательствующего разума по отношению к опыту как дальнейшее историко-философское развитие понятия идеи Платона в форме субъективности. Само понятие идеи как всеобщего принципа определения всего особенного рассматривается Кантом в регулятивном смысле — в теоретическом применении разума, в систематическом единстве рассудка в опытной науке, в конститутивном смысле — в практическом применении разума, и в форме максимы рефлектирующей способности суждения. В качестве необходимых моментов в философии Канта также рассматриваются понятия художественной идеи и идеи блага.

Ключевые слова: Платон, Кант, наука, идея, законодательство разума, цель, идея блага

Доклад посвящён рассмотрению историко-философского явления использования Кантом платоновского понятия идеи в целях обоснования возможности существования науки и метафизики как науки. В своей трансцендентальной диалектике Кант обосновывает необходимость для науки восстановления понятия «идея», каким оно было исторически введено Платоном, непосредственно ссылаясь не древнегреческого мыслителя. Кант, по сути, очищает понятие идеи от его неадекватного истолкования в английском эмпиризме Нового времени. Отрицательно относясь к гипостазированию идей у Платона, Кант прежде всего подхватывает и развивает, хотя и в субъективной форме, мысль об идее как продукте разума, всеобщем и необходимом принципе, не выводимом из опыта, но определяющем опыт в его систематическом единстве. Автор доклада рассматривает кантовскую идею законодательствующего разума по отношению к опыту как дальнейшее историко-философское развитие понятия идеи Платона в форме субъективности. Само понятие идеи как всеобщего принципа определения всего особенного рассматривается Кантом в регулятивном смысле — в теоретическом применении разума, в систематическом единстве рассудка в опытной науке, в конститутивном смысле — в практическом применении разума, и наконец, в форме максимы рефлектирующей способности суждения. Полностью определить и осуществить свой предмет разум может только посредством всеобщего законодательства своих принципов. Прежде всего, Кант с удовлетворением отмечает идеи практического разума у Платона, основанные на свободе: идею добродетели, определяющую индивидуальный нравственный опыт и идею государственного строя, основанного на свободе, совместимой со свободой всех остальных. Именно в нравственном опыте идея как всеобщий, необходимый нравственный закон становится действующей причиной эмпирических поступков и их объектов. Но и в отношении понимания природы, согласно Канту, Платон справедливо усматривает явные признаки происхождения её из идеи: растения, животные, совокупность связи вещей во Вселенной как правильное устройство мироздания возможно мыслить

лишь согласно идеям. Сама форма научности в рассмотрении всего эмпирического требует, согласно Канту, архитектурной связи его согласно целям, т. е. идеям. В своём учении об архитектонике чистого разума Кант таким образом высказывает «уважение и подражание» Платону, хотя и в форме субъективной потребности разума. В докладе также отмечается, что учение о внутренней целесообразности природы как максиме рефлектирующей способности суждения также намечается Кантом уже в первой его «Критике» и исходит из потребности действительности нравственной идеи свободы — потребности обрести согласие между идеей свободы и природой. Этико-теология требует физикотеологии — рассмотрения природы в форме системы целей. Характерно, что высшей целью и идеалом у Канта во всех трёх «Критиках» выступает идея высшего блага как идея единства свободы и необходимости, субъекта и объекта, мышления и бытия, что несомненно созвучно с платоновской идеей блага. В трактовке природы искусства Кант, как представляется, также развивает платоновскую мысль, говоря об определяющей роли художественной идеи в ее непосредственном единстве с чувственным образом.

IRINA VATRAKOVA, CSc in Philosophy, Associate Professor;
Toxicology Scientific and Clinical Centre named after
S. N. Golikov (Saint Petersburg, Russia), Associate Professor

PLATO'S CONCEPT OF IDEA IN KANT'S TEACHING ON SCIENCE

The report is devoted to the consideration of the historical and philosophical phenomenon of Kant's use of Plato's concept of idea in order to substantiate the possibility of the existence of science and metaphysics as a science. The report examines Kant's motives in his return to the concept of Plato's idea, his criticism of the empirical use of this concept in English empiricism of the New Age, and his negative attitude towards the phenomenon of hypostatization of ideas. The report examines the common need for the two philosophers for an idea as a product of reason — a universal and necessary principle, not deduced from experience, but defining experience

in its systematic unity. The author of the report considers Kant's idea of legislative reason in relation to experience as a further historical and philosophical development of the concept of Plato's idea in the form of subjectivity. The very concept of the idea as a universal principle for determining everything special is considered by Kant in a regulative sense — in the theoretical application of reason, in the systematic unity of reason in experimental science, in a constitutive sense — in the practical application of reason, and in the form of a maxim of the reflective ability of judgment. The concepts of the artistic idea and the idea of good are also considered as necessary points in Kant's philosophy.

Keywords: Plato, Kant, science, idea, legislation of reason, goal, idea of good

СВЕТАЛОВ ВИКТОР АЛЕКСАНДРОВИЧ, доктор философских наук, профессор; Петербургский государственный университет путей сообщения императора Александра I (Санкт-Петербург, Россия), профессор

TERTIUM NON DATUR,

ИЛИ СОСТОИТСЯ ЛИ ЗАВТРА МОРСКОЕ СРАЖЕНИЕ?

В докладе обсуждается проблема применения закона исключенного третьего к единичным будущим событиям. Основной результат состоит в следующем. Будущие единичные события типа «Завтра состоится морское сражение» предсказуемы как необходимые, невозможные или случайные события, если и только если имеется соответствующее распределение вероятностей над их возможными причинами, одна из которых должна обязательно оказаться истинной (действующей). Закон исключенного третьего применим к таким событиям в той же мере, в какой он применим к событиям прошлого и настоящего времени. Более того, для данного закона вообще безразлично, является ли предсказываемое событие необходимым, случайным или невозможным, относится ли оно к прошлому, настоящему или будущему времени.

Ключевые слова: Аристотель, закон исключенного третьего, теория вероятностей

Трудность применения закона исключенного третьего к будущим единичным событиям заключается в том, что «прямая трансляция» истины из прошлого и настоящего в будущее невозможна по онтологическим причинам. Между будущим, с одной стороны, настоящим и прошлым, с другой, существует принципиальное различие. Прошлое и настоящее относятся к актуально существующему или актуально не-существующему. Здесь всегда можно четко отделить существующее от не-существующего, необходимо существующее (не-существующее) от не-необходимо существующего (не-существующего).

В отличие от прошлого и настоящего времени будущее характеризует исключительно потенциально существующее, которое включает в свое существование фактор случайности и поэтому всегда неопределенно относительно конкретной версии своего осуществления.

Согласно Аристотелю, мы не имеем права ни одно будущее единичное и тем самым случайное событие считать необходимым, т. е. полагать, что либо морское сражение завтра необходимо состоится, либо не обязательно не состоится. Но при этом мы обязаны исходить из того, что несмотря на свою случайность, одно из этих событий (и только одно) обязательно осуществится.

Решение Аристотеля проблемы применения закона исключенного третьего к будущим единичным событиям логически безупречно и все обвинения в его колебаниях по данному вопросу должны быть отвергнуты. Однако решение Аристотеля не окончательно в теоретическом смысле. Если будущие единичные события все случайны, как тогда возможно достоверное познание из опыта? Только в XX веке было найдено общее решение этой проблемы.

VICTOR SVETLOV, DSc in Philosophy, Professor; Emperor
Alexander I St. Petersburg state transport university
(Санкт-Петербург, Russia), Professor

***TERTIUM NON DATUR, OR WILL THERE
BE A NAVAL BATTLE TOMORROW?***

The problem of applying the law of the excluded third to singular future events is discussed. The main result is as

follows. Future singular events of the type “A sea battle will take place tomorrow” are predictable as necessary, impossible or random events if and only if there is a corresponding probability distribution over their possible causes, one of which must necessarily turn out to be true (acting). The law of the excluded third applies to such events to the same extent as it applies to past and present events. Moreover, for this law it is indifferent whether the predicted event is necessary, accidental or impossible, whether it belongs to the past, present or future time.

Keywords: Aristotle, law of the excluded third, probability theory

ПРОТОПОПОВ ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ, кандидат философских наук, доцент; Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения (Санкт-Петербург, Россия), доцент; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва, Россия), доцент

ТЕОРИЯ ИДЕЙ В ФИЛОСОФИИ ПЛАТОНА И КАНТА*

В докладе анализируются общие положения теории идей Платона в соотнесении с тем значением, которое имеют идеи как понятия разума в кантовской системе. Постигаемое разумом высшее бытие, понимаемое Платоном через идею и выступающее действительным трансцендентным миру основанием существования всего всего возможного сущего, стало мыслиться Кантом как трансцендентальный принцип бытия сущего в чувственно воспринимаемом мире, которое полагается в своём бытии и определяется в своей сущности человеком как абсолютным субъектом. Познание какого-либо сущего в чувствен-

* Исследование выполнено в Федеральном научно-исследовательском социологическом центре Российской академии наук за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00883 «Социально-философская рецепция христианства в контексте постсекулярной культуры второй половины XX — начала XXI веков», <https://rscf.ru/project/24-28-00883/>

но воспринимаемом мире становится возможным для нас, согласно Платону, только благодаря тому, что мы, отстраняясь от какого-либо восприятия этого сущего, мыслим не просто его априорное понятие, формируемое в нашем разуме, но его собственную умопостигаемую всеобщую сущность как идею обладающую своим бытием независимо от нашего разума, сообразно которой, вещи, как чувственно воспринимаемые предметы, существуют («Федон»). В кантовской философии, посредством идей мы не познаём, ни сущности являющихся вещей, ни вещей как они есть сами по себе. Положительная роль идей по Канту не сводится, однако, только к тому, что они выступают регулятивными условиями для достижения полноты и завершения рассудочного познания всего чувственно воспринимаемого сущего. В виде трансцендентального идеала теологическая идея как высшая идея чистого разума задаёт общую возможность всего сущего как мыслимого рассудком и существующего для чувственного восприятия в его определенности.

Ключевые слова: теория идей, умопостигаемое бытие, трансцендентальный идеал, чувственное созерцание, нравственный закон, Платон, Кант

Как считает Платон чувственное восприятие и связанное с ним рассудочное мышление не приводит нас к познанию сущности вещей, так как познавая все с помощью чувств (мнение), мы не можем познать того, что на самом деле существует («Теэтет»). Познание какого-либо сущего в чувственно воспринимаемом мире становится возможным для нас, согласно Платону, только благодаря тому, что мы, отстраняясь от какого-либо восприятия этого сущего, мыслим не просто его априорное понятие, формируемое в нашем разуме, как это обстоит у Канта, но его собственную умопостигаемую всеобщую сущность, обладающую своим бытием независимо от нашего разума, сообразно которой, вещи как чувственно воспринимаемые предметы существуют («Федон»). Эта сущность, обладающая самостоятельным бытием совершенно независимо от всего чувственно воспринимаемого, постигается в мышлении у Платона как идея.

Платоновская идея — это не понятие мыслимое в нашем разуме, но постигаемое разумом бытие сущего, на основании которого это сущее, существует для чувственного восприятия и мыслится в его сущности. Согласно Платону, высшая идея даёт возможность мыслить бытие всего постигаемого разумом сущего. При этом она делает мыслимым бытие всего сущего как идею и выступает первой причиной его существования. Находясь, согласно известному определению Платона, за пределами бытия, она даёт всему постигаемому разумом и данному в чувственном восприятии сущему бытие и собственную сущность.

Согласно принципам кантовской «критической» философии для познания какой-либо предмета, его необходимо априорно мыслить в понятиях формируемых в нашем рассудке и созерцать посредством чувственного восприятия, в котором этот предмет как действительно существующий. Понятия, с помощью которых мы познаём чувственно воспринимаемые предметы не существуют сами по себе в бесконечном разуме как идеи Платона, но создаются синтетической деятельностью нашего рассудка и относятся ко всему возможному для созерцания сущему.

Под идеей же Кант мыслил необходимое понятие разума, не имеющее, также как у Платона, в чувственном созерцании никакого соответствующего предмета. Однако в отличие от Платона, посредством идей мы не познаём, согласно Канту, ни сущности являющихся вещей, ни вещей как они есть сами по себе. Наш разум, пытаясь объективно познать всё сущее в трёх основных идеях (психологической, космологической и теологической), приходит к паралогизмам — ложным по форме и содержанию умозаклучениям относительно бессмертия нашей души, к антиномиям, — противоположным и с одинаковой необходимостью доказываемым положениям относительно всего сущего в мире, а также к мнимым доказательствам безусловно необходимого бытия Бога как первой причины всего существующего.

Положительная роль идей по Канту не сводится, однако, к тому, что они выступают регулятивными условиями для

достижения полноты и завершения рассудочного познания всего чувственно воспринимаемого сущего. В виде трансцендентального идеала теологическая идея как высшая идея чистого разума задаёт общую возможность всего сущего как мыслимого рассудком и существующего для чувственного восприятия в его определенности. Трансцендентальный идеал выступает условием полного априорного определения всех возможных вещей в мышлении рассудка, независимо от их данности в качестве существующих для чувственного восприятия. При этом он обуславливает вовсе не просто логические формальные определения, но реальное содержание любой возможной мыслимой вещи, в соответствии с которым она может мыслиться нами в понятии рассудка и существовать для нашего чувственного созерцания. На этом основании идеал чистого разума выступает необходимым трансцендентальным условием систематического целесообразного единства природы в нашем ее эмпирическом познании.

Но самое главное, в практическом применении чистого разума трансцендентальная идея свободы и понятие о нравственном законе, обосновывающее трансцендентальный идеал в виде морального идеала человечества не только выступают основаниями реальности своего предмета, но обосновывают существование умопостигаемого мира, в котором человек устанавливает его высший закон и выступает абсолютной целью наряду со всеми возможными разумными существами. Эти положения свидетельствуют о глубинном переосмыслении теории идей Платона у Канта, которое связано с преобразованием в понимании сущности бытия, которое стало затем определяющим для всего последующего развития западной философии. Постигаемое разумом высшее бытие, понимаемое Платоном через идею и выступающее действительным трансцендентным миром основанием существования всего всего возможного сущего, стало мыслиться Кантом как трансцендентальный принцип бытия сущего в чувственно воспринимаемом мире, которое полагается в своём бытии и определяется в своей сущности человеком как абсолютным субъектом.

IVAN PROTOPOPOV, CSc in Philosophy, Associate Professor; Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation (Saint Petersburg, Russia), Associate Professor; Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia), Associate Professor

THE THEORY OF IDEAS IN THE PHILOSOPHY OF PLATO AND KANT

The report analyzes the general provisions of Plato's theory of ideas in relation to the meaning that ideas in the Kantian system. The higher being comprehended by reason, understood by Plato through an idea and acting as a real transcendent basis for the existence of all possible beings, became thought of by Kant as the transcendental principle of being of beings in the sensually perceived world, which is based in its being and is determined in its essence by man as an absolute subject. Cognition of any being in the sensually perceived world becomes possible for us, according to Plato, only due to the fact that, distancing ourselves from any perception of this being, we think not just of its a priori concept formed in our mind, but of his own intelligible universal essence as an idea possessing by their being independent of our mind, according to which, things, as sensually perceived objects, exist ("Phaedo"). In Kantian philosophy, through ideas we do not know either the essence of things as phenomena, or things as they are in themselves. The positive role of Kant's ideas, however, is not limited simply to the fact that they act as regulatory conditions for achieving completeness and completion of the rational cognition. In the form of a transcendental ideal, the theological idea, as the highest idea of pure reason, sets out the general possibility of all things as conceived by the mind and existing for sensory perception in its definiteness.

Keywords: theory of ideas, intelligible being, transcendental ideal, sensual contemplation, moral law, Plato, Kant

ЗЕМЛЯКОВ ГЛЕБ СЕРГЕЕВИЧ, Колледж гуманитарных и социально-педагогических дисциплин имени Святителя Алексия, Митрополита Московского (Тольятти, Россия), преподаватель

УНИВЕРСУМ ВОЗМОЖНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ И ЕГО ГРАНИЦЫ В ФИЛОСОФИИ ПАРМЕНИДА

В данном исследовании предпринята попытка определения предметной области, на основании которой выстроены рассуждения о бытии такого известного древнегреческого философа конца VI — начала V вв. до н. э., как Парменид. Приводятся примеры зависимости истинностного значения высказываний элеата от принимаемой философом семантики слов и универсума высказываний в целом. Речь идет об истинностном значении таких суждений элеата, как «бытие есть, а небытия нет» и «бытие не есть, а бытие не есть», а также прочих высказываний Парменида. Цель работы — установить подлинную семантическую модель философии элеата. Основным результатом исследования оказывается разведением семантик двух путей познания Парменида на основании принимаемых философом правил использования языка и накладываемых им ограничений на мышление.

Ключевые слова: Парменид, универсум высказываний, семантика, тождество бытия и мышления, сущее.

GLEB ZEMLYAKOV, St Alexius College of humanitarian and socio-pedagogical disciplines (Tolyatti, Russia), Lecturer

THE UNIVERSUM OF POSSIBLE STATEMENTS AND ITS BOUNDARIES IN THE PHILOSOPHY OF PARMENIDES

This study attempts to define the subject matter on which the reasoning about being of such a famous ancient Greek philosopher of the 6th — early 5th century BC as Parmenides is based. The following examples illustrate the dependence of the truth-value of Eleatic statements on the semantics of words and on the universe of statements as a whole accepted

by the philosopher. The question is about the truth-value of such judgements of Eleate as “being is and non-being is not” and “being is not and non-being is not,” as well as other statements of Parmenides. Examples of dependence of the truth-value of Eleate’s statements on the semantics of words and the universe of statements as a whole accepted by the philosopher are given. The aim of the paper is to establish a genuine semantic model of Eleatic philosophy. The main result of the study turns out to be a separation of the semantics of the two ways of cognition of Parmenides on the basis of the rules of language use adopted by the philosopher and the restrictions he imposed on thinking.

Keywords: Parmenides’, the universum of statements, semantics, identity of being and thinking, being.

НОГОВИЦИН ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ, кандидат философских наук, доцент; Социологический институт РАН Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия), старший научный сотрудник

**НИКИФОР ГРИГОРА О ПРИРОДЕ ЯЗЫКА:
ТЕОРИЯ ГРАММАТИКИ И МЕТОД БОГОСЛОВИЯ
В ИСИХАСТСКОЙ ПОЛЕМИКЕ 50-Х ГОДОВ XIV ВЕКА***

В докладе рассматривается учение о языке, представленное Никифором Григорой в 30 книге «Ромейской истории». Никифор Григора дает изложение теории природы, происхождения и социального структурирования языка в его основных терминах, выходящее за пределы учения, представленного в комментаторской традиции. Эта теория, по всей видимости, использовалась в школе Никифора Григоры — самой знаменитой

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01028 «Георгий Гемист Плифон и место платонизма в философско-богословской традиции Византии середины XI-XV веков» (Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук), <https://rscf.ru/project/23-28-01028/>

в его время, и служила объяснительной базой для понимания учениками грамматических вопросов. В споре с Паламой Никифор Григора использует ее в целях построения учения о Боге и Троице, а также критики паламитской доктрины нетварных энергий в Боге. В докладе будет представлен богословский контекст использования этой теории Никифором Григорой применительно к концептуальной противоположности его собственного философско-богословского учения и учения о Боге Григория Паламы.

Ключевые слова: Никифор Григора, Григорий Палама, учение о языке, метод богословия, грамматика, логика, троичное богословие, паламитские споры.

В докладе рассматривается учение о языке, представленное Никифором Григорой в 30 книге «Ромейской истории». В 30 книге, наряду с 31 книгой, излагается описание публичной полемики в присутствии императора и церковных иерархов между Никифором Григорой и Григорием Паламой, состоявшейся во второй половине 1355 года. Специфика этого спора заключалась в том, что в нем обсуждались в основном вопросы рационального богословия. При этом Никифор Григора особое внимание уделил вопросам метода богословия, поскольку, по его мнению, у Паламы такового не было. Никифор Григора исходит из того, что в области триадологии (учения о Боге) невозможно использование силлогизмов, т. е. форм умозаключения, учение о которых относится ко второй части логики, как школьной философской дисциплины. В силу этого основное внимание в области учения о Боге Григора уделяет грамматическому методу, который позволяет понять способы использования в Писании и у Святых Отцов имен, употребляемых ими по отношению к Богу в целом и его ипостасям. Грамматике в школьной философской логике соответствует первая часть логики — комментарии к «Исагоге» Порфирия, «Категориям» и «Об истолковании» Аристотеля. Учение о языке — звукосочетаниях, именах и глаголах — у Аристотеля излагается в начале «Об истолковании», об омонимии, синонимии, паронимии — в начале «Категорий», а подробно

у комментаторов Аристотеля в комментариях к названным сочинениям. Никифор Григора дает изложение теории природы, происхождения и социального структурирования языка в его основных терминах, выходящее за пределы учения, представленного в комментаторской традиции. Эта теория, по всей видимости, использовалась в школе Никифора Григоры — самой знаменитой в его время, и служила объяснительной базой для понимания учениками грамматических вопросов. В споре с Паламой Никифор Григора использует ее также в целях критики паламитской доктрины нетварных энергий в Боге. В докладе будет представлен богословский контекст использования этой теории Никифором Григорой применительно к концептуальной противоположности его собственного философско-богословского учения и учения о Боге Григория Паламы.

OLEG NOGOVITSIN, CSc in Philosophy, Associate Professor;
Sociological Institute, Federal Center of Theoretical
and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences
(Saint Petersburg, Russia), Senior Researcher

**NICEPHORUS GREGORAS ON THE NATURE OF
LANGUAGE: THE GRAMMAR THEORY AND THE
METHOD OF THEOLOGY IN THE HESYCHASTIC
CONTROVERSY OF THE 50S OF THE 14TH CENTURY***

The present paper examines the theory of language represented by Nicephorus Gregoras in Book 30 of his “Roman History.” Nicephorus Gregoras exposes the theory of nature, genesis and social structurization of language in its core terms beyond the limits of doctrine represented in the commentary tradition. This theory seems to have been

* The study was funded by the grant of the Russian Science Foundation No 23-28-01028 “George Gemistus Plethon and the Role of Platonism in the Philosophical and Theological Tradition of Byzantium in the mid-11th-15th centuries” (Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences), <https://rscf.ru/en/project/23-28-01028/>

utilized in the school of Nicephorus, the most famous in his time, and served as an explanatory basis for understanding grammar issues by disciples. In arguing with Palamas, Nicephor involves it to construct the doctrine of God and the Trinity, as well as in the critique of the Palamite doctrine of uncreated energies in God. Thus, the paper should provide the theological context of applying this theory by Nicephorus Gregoras regarding conceptual opposition of his proper philosophical and theological teaching and the doctrine of God by Gregory Palamas.

Keywords: Nicephorus Gregoras, Gregory Palamas, theory of language, method of theology, logic, trinitarian theology, Palamite controversy

ХМЕЛЕВСКОЙ ДАНИИЛ ОЛЕГОВИЧ, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Россия), аспирант

ЭЛЕНХОС СОКРАТА КАК МЕТАФИЛОСОФИЯ ДОСОКРАТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ?*

В докладе предпринимается попытка определить, к какой практике изучения философии: метафилософии или истории философии, в лице герменевтики, принадлежит созданная Платоном философия. Предметом изучения выступают сократические диалоги, поскольку в хронологическом порядке Сократ ближе как к традиции ранних мыслителей Аттики, так и к софистам. Сократ демонстрирует несостоятельность софистических притязаний на мудрость на фоне мудрости древних, но и показывает, что философия ранних мыслителей не помогает в достижении ответа в беседах. При таком контексте Сократ разворачивает свой метод философского изыскания — эленхос. Указанный метод перенимает ложную мудрость, как предмет критики от ранних мыслителей Греции, а также адаптирует их исследовательский мотив в форме вопросов «Что есть х?»

* Исследование выполнено в Южном федеральном университете за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00023, <http://rscf.ru/project/23-20-00023/>

для этических изысканий. Иными словами, показанная Сократом философия ближе к герменевтической практике, поскольку мыслитель перенимает и трансформирует философский метод предшествующих философов, и тем самым закладывает основы философии.

Ключевые слова: сократический метод, досократики, метафилософия, философия

Философия отличается от других дисциплин своим широким предметным полем, в которое попадает и сама философия. С античных времён существовал особый жанр трактатов, обосновывающий философию, определяя её задачи, предмет и сущность. Самым поздним примером может выступать трактат Аристотеля «О философии», а самым близким по времени и популярным — работа Ж. Делёза «Что такое философия?». В то же время в 1942 году уже в аналитической традиции мысли начала своё становление метафилософия, или «философия философии». Метафилософия представляет собой теорию или особый тип исследований, где исследователи с помощью инструментария логики совершают попытку определить природу философии. Тем не менее, главным явлением природы философии является её рождение. Согласно В. Букету, автором, создавшим само слово «φίλοσοφία», выступает Платон. Следует предположить, что Платон при написании своих диалогов имел возможное представление о природе философии. Однако перед тем как приступить к анализу того, что античный мыслитель вкладывал в основы будущей дисциплины, следует обратиться к современным попыткам определения философии. К современным подходам в изучении философии стоит выделить упомянутую метафилософию и герменевтику, в лице истории философии. Учёные историки философии имеют представление о философии, и они, так или иначе, формируют канон философских произведений. Однако указанный канон не является стабильным, в него включаются или исключаются работы мыслителей, согласно актуальным исследованиям. В таком случае методом, сродни метафилосо-

софии, выступает герменевтика, используя которую учёные историки поддерживают традицию философствования и актуализируют прошлое философии для актуальных проблем. Предпримем попытку определить, по каким принципам была создана философия Платоном и к какой из представленных методов изучения природы философии мыслитель ближе всего. Для этого будут рассмотрены сократические диалоги, поскольку Сократ, во временной перспективе, ближе к деятельности ранних мыслителей Аттики и софистов. В ранних диалогах Сократ демонстрирует иной метод философствования, отличный от риторики софистов, а также от традиции ранних философов. Эленхос Сократа сопрягает в себе некоторые мотивы философствования ранних мыслителей и актуальную для античной Греции проблему различия философии от софистики. Иными словами, Сократ ближе к герменевтике.

DANIIL KHMELEVSKOI, Southern Federal University
(Rostov-on-Don, Russia), postgraduate student

SOCRATES' ELENCHOS AS THE METAPHILOSOPHY OF PRE-SOCRATIC THOUGHT?*

The report attempts to determine which practice of studying philosophy: metaphilosophy or the history of philosophy, represented by hermeneutics, belongs to the philosophy created by Plato. The subject of the study is Socratic dialogues, since in chronological order Socrates is closer to both the tradition of the early thinkers of Attica and to the sophists. Socrates demonstrates the inconsistency of sophistic claims to wisdom against the background of the wisdom of the ancients, but also shows that the philosophy of the early thinkers does not help in achieving an answer in conversations. In this context, Socrates unfolds his method of philosophical research — elenchos. This method adopts false wisdom as the subject of criticism from the early thinkers of Greece, and also adapts

* This research was carried out at in Southern Federal University with financial support of Russian Science Foundation, project No 23-28-00023, <http://rscf.ru/en/project/23-20-00023/>

their research motive in the form of questions “What is x?” for ethical research. In other words, the philosophy shown by Socrates is closer to hermeneutical practice, since the thinker adopts and transforms the philosophical method of previous philosophers, and thereby lays the foundations of philosophy.

Keywords: Socratic method, Pre-Socratics, metaphilosophy, philosophy

АБДРАФИКОВ РУСЛАН РАФИЛЬЕВИЧ, Уральский
колледж Экономики и Права (Екатеринбург,
Россия), преподаватель

НЕПОНЯТЫЙ РАЦИОНАЛИЗМ ПЛАТОНА — ИНТЕРВАЛЬНЫЙ ПОДХОД: ПЛАТОН *VS* АРИСТОТЕЛЬ

С точки зрения интервального подхода (ИП) предлагается сравнение познавательных позиций Платона и Аристотеля. Платоновская методология подвергается переосмыслению с современной перспективы компьютерных технологий. Определение «интервалов абстракций», как контекстов познавательных условий во взглядах философов, позволяет последовательно выстроить используемый ими метод мышления. Создание Аристотелем собственного учения, ставшего более понятным для рассудка большинства его современников и последователей, заложило основу философского дуализма и антропоцентризма. Важнейшим его достижением стало создание им системы категорий и формальной логики, т. е. первого и единственного системного способа мышления в языковых понятиях, которым и мы с вами вынуждены пользоваться до сих пор. Но через призму аристотелевских категорий понять перспективу взгляда Платона оказалось невозможно. Нами рассматриваются чувственные основания рассудочного следования (от следствий к причинам), не позволившие ученику понять своего учителя, в результате чего им производится подмена смыслов ключевых платоновских категорий (единое, бытие, сущность, идея, движение). Отказ Платона от чувственного познания, напротив, нами понимается и как отказ от чувственно-рассудочных понятий, что

заставляет его опираться исключительно на возможности разума. На примере фрагментов диалогов Теэтет, Софист, Парменид, Филеб и Тимей обосновывается системность взглядов Платона, его стремление создать универсальный метод рационального познания природы и человека, актуальный и применимый сегодня в любых сферах научного знания.

Ключевые слова: Платон, Аристотель, интервальный подход, познавательная позиция, контекстов познавательных условий, универсальный метод рационального познания

«Интервал абстракций» или познавательная позиция индивида определяется социальными условиями своего формирования. Авторы ИП выделяют три познавательные ситуации — «изнутри», «извне» и «над интервалом». В связи с этим по отношению к реальности обнаруживаются три уровня рефлексии: общественного индивида, ученого-обществоведа и методолога. Ученый, пытаясь понять, как устроена жизнь людей, видит уже «извне» относительно массового интервала, но его познавательная позиция также находится под действием не рефлексируемых им социальных условий. Рефлексия методолога уже способна обнаружить зависимость выводов ученого от социальных предпосылок и отследить инвариантные детерминанты сознания. С нашей точки зрения позиция Платона сравнима с рефлексией методолога, а Аристотеля с позицией ученого-обществоведа. Отсюда становится ясно, что оценить глубину взгляда своего учителя Стагирит был не в состоянии.

Проиллюстрировать данную несоизмеримость взглядов нам поможет следующая ситуация. Поставив себе задачу компьютерного моделирования социальной реальности, мы оказались в положении аналогичном Платону. Исходная позиция антропоцентризма «Я — не Я» здесь ничего не дает. Он также пытался создать модель мира, используя известные на то время научные средства геометрии и математики, и начинал «с чистого листа». Об этом говорит его отказ использовать для познания данные чувственных восприятий, а вместе с этим и все производные от них понятия и категории.

Встав на метаинтервальную позицию дедуктивным путем, попытаемся отследить логику построения взглядов философов. Определяя Аристотеля как философа рассудка, а Платона — разума, рассмотрим принципы функционирования рассудочного и разумного уровней мышления.

Функция Рассудка: анализ очевидных результатов чувств, эмпирии. Обобщает от следствий к причинам, первоначалам. Уходит в ретроспективу, («обратная перспектива», «изнаночная история»). Будущее строится по опыту прошлого (привычка у Д. Юма). Приоритетный метод — индукция.

Функция Разума: напротив, перспективен. Не связан с чувствами. Создает собственные «априорные синтетические» категории на основе неочевидного ощущения порядка — различения. Упорядочивает понятия рассудка. Задача: объяснение целей существования, целостности и единства мира. Двигается от первопричин к целям на основе фундаментальных принципов. Приоритетный метод — дедукция.

Оба философа начинают с определения категории «всеобщего». Рассудок Аристотеля исходит из чувств и представлений сознания и делает первое предельное обобщение — «всё есть вещи». Критерием существования у него служат чувства. Далее он находит логические связи между родами существующего и связывает сущности вещей через категории. Но вещи не являются причиной самих себя, поэтому Аристотель делает новое обобщение и объясняет их происхождение от Бога — «перводвигателя» через «материю» и «форму».

Итог формальной логики Аристотеля: рационально (в причинно-следственных связях) мыслятся только понятия о чувственно воспринимаемых или представляемых вещах. Всё остальное (сами чувства, мышление, разум, сознание, психика, ценности, душа, смысл жизни и т. д.) рационально не познаётся. Между сознанием и телом утверждается разрыв. Сознание — как самостоятельный центр мышления, чувств, желаний, фактически подменяет собой всего человека. Но потребность объяснения духовного мира людей остаётся. В отсутствии рационального способа, происходит появление иррационального, религиозного объяснения алгоритмов

психики и достижения разумной, свободной способности целеполагания.

Платон словно всё это предвидит. Обобщение одних чувственных данных к истине, к пониманию «как Всё устроено в целостности?» не приближает. Поэтому они с Аристотелем мыслят словно в двух разных измерениях. Диалектика Платона не просто сложна, она невозможна для рассудка.

Он также начинает с предельного обобщения: «всё есть движение [становление] и кроме движения нет ничего» (Теэтет). Как его мыслить, т. е. что в нём можно найти общего, тождественного? Обнаруживая два вида движения «действие» и «страдание», Платон вводит критерий существования, как принцип взаимодействия (Теэтет). Следом из этого он выводит категорию «бытие», как всё существующее во взаимодействии (Софист). Появляется определенность с ответом на вопрос «что можно познавать?». «Бытие» здесь служит операндом сравнения «=» между мышлением и реальностью и по сути тождественно разумному устройству.

Только теперь появляется необходимость ввести первую инструментальную категорию «единое» как условие, и как принцип организации системных связей.

Для доказательства правомерности введения «единого», Платон противопоставляет его второй инструментальной категории «многое» и рассматривает их в соотношении с существованием — «бытием» (Парменид). Связь «многого» в «единое» становится третьей инструментальной категорией — «идеей» порядка.

Что значит эта «идея» связи, Платон показывает на примере собирания повозки из 100 частей, называя это умение — *знанием сущности* (Теэтет). Сложнее дело обстоит с собиранием вещей природного происхождения и причастного им — быка, человека, прекрасного, блага (Филеб). Здесь становится ясно, что «идеи» Платона — это вовсе не словесные гипостазированные понятия, как полагал Аристотель и его последователи, а *модели деятельности, движений, эволюционные алгоритмы собирания и становления вещей*.

Но в категориях «единого» и «многого» познание «идей» всё ещё слишком абстрактно. Тогда Платон берёт на вооружение пифагорейские понятия и называет «единое» — Пределом, «многое» — Беспредельным, а их связь Мерой порядка, которая познаётся только с помощью языка чисел (Филеб).

Теперь становится понятной перспектива взгляда, который не видит вещей, не признает чувственного познания, но ищет объяснение их *становлению*, эволюции, производству. Платона больше интересует «как они сделаны». С данной точки зрения взгляд на чувственные и рациональные познавательные способности сознания еще должен как-то объяснить природу самого сознания.

Таким образом, Платон создаёт универсальный метапознавательный метод свободный от чувственных восприятий, чем опережает своё время.

RUSLAN ABDRAFIKOV, Ural College of Economics and
Law (Ekaterinburg, Russia), Lecturer

PLATO'S MISUNDERSTOOD RATIONALISM — INTERVAL APPROACH: PLATO VS ARISTOTLE

From the point of view of the interval approach (IA), a comparison of the cognitive positions of Plato and Aristotle is proposed. Plato's methodology is being rethought from the modern perspective of computer technology. Defining “intervals of abstractions” as contexts of cognitive conditions in the views of philosophers allows us to consistently build the method of thinking they use. Aristotle's creation of his own teaching, which became more understandable to the minds of most of his contemporaries and followers, laid the foundation for philosophical dualism and anthropocentrism. But through the prism of Aristotelian categories it turned out to be impossible to understand the perspective of Plato's view. We are considering the sensory foundations of rational inference (from consequences to causes), which did not allow the student to understand his teacher, as a result of which he substituted the meanings of key Platonic categories (one, being, essence, idea, movement). Plato's rejection of sensory

knowledge, on the contrary, is also understood by us as a rejection of sensory-rational concepts, which forces him to rely exclusively on the capabilities of reason. Using fragments of the dialogues *Theaetetus*, *Sophist*, *Parmenides*, *Philebus* and *Timaeus* as an example, the systemic nature of Plato's views and his desire to create a universal method of rational knowledge of nature and man, relevant and applicable today in all areas of scientific knowledge, are substantiated.

Keywords: Plato, Aristotle, interval approach, cognitive position, contexts of cognitive conditions, universal method of rational knowledge

СЕКЦИЯ 8: «ПЛАТОН И ПЛАТОНИЗМ В ИСТОРИИ ИСКУССТВА»

АРТЕМЬЕВ ТИМУР МУРМАНОВИЧ, кандидат философских наук, доцент; Северо-Западный государственный медицинский университет им. И. И. Мечникова (Санкт-Петербург, Россия), доцент

КАК ПЛАТОН ЗАЛОЖИЛ ОСНОВЫ ОБРАЗОВАНИЯ, ОПИРАЯСЬ НА ТРАДИЦИИ ТЕАТРА

Решая задачу привлечения интереса к своим идеям в философии, Платон использует элементы, заимствованные у театра. Опора на традиционную привычку греков посещать театр дала свои плоды. В диалогах Платона можно отметить соответствие свойственным той эпохе правилам театральной композиции. Действия театрализованного представления в виде диалогов происходит на протяжении одного дня, в одном пространстве, без сторонних сюжетов, ранние события передаются путем монолога о персонажах. Если диалоги на сцене вызывают к эмоциям зрителей, то текстовые диалоги расширяют воздействие на читателя, вовлекая его в более длительный и глубокий процесс выявления истины. Современники действительно проявили интерес, и новая форма презентации философии в виде «развлекательных» диалогов стала основой для комментариев последователями и критиками.

Ключевые слова: Платон, образование, диалоги, театр, композиция

ТИМУР АРТЕМЕВ, CSc in Philosophy, Associate Professor; North-Western State Medical University named after I. I. Mechnikov (Saint Petersburg, Russia), Associate Professor

HOW PLATO “SET THE STAGE” FOR EDUCATION BASED ON THE THEATER TRADITIONS

In order to attract attention to his philosophical ideas, Plato incorporated a theatrical element into his project. Relying on the traditional Greek practice of attending the theater, he sees success. In Plato's works, it can be observed that the composition rules specific to that era are followed. The actions in the theatrical performance, presented in the form of dialogue, take place over a single day, in a single location, without external plots, and earlier events are communicated through a monologue describing the characters. While stage dialogues appeal to the audience's emotions, written dialogues extend the impact on readers, engaging them in a longer and more profound process of truth discovery. Contemporaries indeed showed interest, and the new form of presenting philosophy in the form of “engaging” dialogues formed the basis for commentary by followers and critics.

Keywords: Plato, education, dialogues, theater, composition

ШИЛЕНКО АНАСТАСИЯ РОМАНОВНА, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), студент

ОБРАЗ ФИЛОСОФА В РАННЕХРИСТИАНСКОМ ИСКУССТВЕ III–V ВЕКОВ

Традиция изображения святых, апостолов, пророков и самого Христа в греческом паллиуме — обычном облачении античного философа, с свитком или книгой, уходит корнями в первые века христианского искусства. С одной стороны, это связано с «модой» в римском обществе на греческое образование (*παιδεία*) и ученость, популярности которых способствовала в т. ч. Вторая софистика, а как следствие, колоссальная популярность скульптурных портретов философов, сцен философской

школы или изображения самих римлян в образе философов. С другой, и сами христиане нередко носили паллиум, следуя наставлениям апологетов, многие из которых, получив классическое образование, положительно относились к философии и нередко понимали Христа и его проповедь как истинную философию (Юстин Философ, Климент Александрийский, Ориген). Раннехристианское искусство, заимствуя символы из языческой традиции и опираясь на устойчивые ассоциации, использовало популярную сцену философской школы, как прототип для изображения Христа с учениками, однако наполнило ее и новыми смыслами: определялся характер Христа как учителя и источника истины, провозглашался принцип постоянного обучения в жизни христианина, через обращение к Писанию; демонстрировались апостолы как преемники «философии» Христа, а также проводилась параллель между учением Сократа о душе и учением Христа (фрески катакомб Виа Латина). Образ философа с длинными волосами и бородой также оказал влияние на внешность самого Христа, который до IV в. изображался исключительно как юноша-чудотворец, вместе с тем демонстрируя изменения представлений верующих о Христе и изменение самого христианского учения. Изображения Христа и апостолов как философа-учителя и его учеников в III-V вв. были особенно популярны, меняя свое функциональное и смысловое значение, в конечном счете стали темой росписи апсиды — центрального изображения для богослужения.

Ключевые слова: раннехристианское искусство, иконография, Иисус Христос, апостолы, раннехристианские катакомбы, римское искусство

ANASTASIA SHPILENKO; Saint Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia), Student

VISUAL REPRESENTATION OF PHILOSOPHER IN EARLY CHRISTIAN ART IN THE 3RD–5TH CENTURIES

The tradition of depicting the saints and Christ in the pallium, with a scroll or book, dates back to the first centuries of Christian art. On the one hand, it is connected with “fashion”

for παιδεία and in the Roman society, the popularity of which contributed to the Second Sophistry, and as a result, the huge popularity of sculptural portraits of philosophers, scenes of the philosophical school or images of the Romans as philosophers. On the other hand, Christians often wore pallium, following the instructions of the apologists, many of whom, having received a classical education often understood Christ and his sermon as true philosophy. Early Christian art, borrowing symbols from the pagan tradition and relying on stable visual associations, used the popular philosophical school scene as a prototype for depicting Christ with his disciples, but also filled it with new meanings: Christ was identified as the teacher and the source of truth; he principle of continuous learning in the life of a Christian through the conversion to the Scripture was proclaimed; apostles were demonstrated as successors of the “philosophy” of Christ. The image of the philosopher with long hair and beard influenced the appearance of Christ, who until the 4th century was depicted only as a young miracle-worker. Depictions of Christ and the apostles as philosopher-teacher and his disciples in the 3rd-5th centuries were especially popular, changing its functional and semantic meaning, eventually became the theme of the painting of the apse.

Keywords: early Christian art, iconography, Jesus Christ, the apostles, early Christian catacombs, Roman art

ДЕМИН РОСТИСЛАВ НИКОЛАЕВИЧ, Русская христианская гуманитарная академия (Санкт-Петербург, Россия), преподаватель

ПЛАТОНОВСКИЕ ТЕКСТЫ КАК ОСНОВА МУЗЫКАЛЬНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Выдвигается тезис о возможности рассмотрения музыкальных произведений, тем или иным образом связанных с философией, посвященных философам, философским произведениям, философским терминам, в качестве источников по истории философии. В свете этого тезиса анализируются такие произведения, как симфоническая драма «Сократ» Эрика Сати, написан-

ная на текст трех диалогов Платона; сочинение Луи Андрессена “De Staat” для четырех голосов и большого ансамбля на текст платоновского «Государства»; сочинение «Диалектика» Алана Дадли Буша, предназначенное для струнного квартета, а также такие симфонические поэмы как: поэма «Так говорил Заратустра», написанная в 1896 году немецким композитором Рихардом Штраусом под впечатлением от одноименного романа Фридриха Ницше, и сочинение «Так говорил Заратустра Спитама» современного иранского композитора Александра Рахбари, переосмысляющее образ иранского пророка, запечатленного в произведениях Ницше и Рихарда Штрауса.

Ключевые слова: история философии, музыка, Платон, Эрик Сати, Луи Андрессен, музыкальное произведение

ROSTISLAV DYOMIN, Russian Christian Academy for the Humanities (Saint Petersburg, Russia), Lecturer

PLATONIC TEXTS AS THE BASIS OF MUSICAL WORKS

The thesis is put forward about the possibility of considering musical works related to philosophy in one way or another, dedicated to philosophers, philosophical works, philosophical terms, as sources on the history of philosophy. In the light of this thesis, such works are analyzed as the symphonic drama “Socrates” by Eric Satie, written on the text of three dialogues by Plato; Louis Andreessen’s composition “De Staat” for four voices and a large ensemble on the text of Plato’s “State;” the composition “Dialectic” by Alan Dudley Bush, intended for string quartet, as well as such symphonic poems such as: the poem “Thus Spake Zarathustra,” written in 1896 by the German composer Richard Strauss under the impression of the novel of the same name by Friedrich Nietzsche, and the composition “Thus Spake Zarathustra Spitaма” by the modern Iranian composer Alexander Rahbari, rethinking the image of the Iranian prophet captured in the works of Nietzsche and Richard Strauss.

Keywords: history of philosophy, music, Plato, Erik Satie, Louis Andriessen musical composition

Синицын Александр Александрович,
кандидат исторических наук, доцент;
Русская христианская гуманитарная
академия им. Ф. М. Достоевского (Санкт-
Петербург, Россия), доцент

**ИСТОРИКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ
ЗАМЕЧАНИЯ О СОКРАТОВСКИХ
РЕМИНИСЦЕНЦИЯХ
В ЛИРИКЕ А. С. КУШНЕРА**

Одним из опытов рецепции Сократа является лирика советского/русского поэта Александра Семеновича Кушнера. В его творчестве присутствует образ афинского босоногого мудреца, героя платоновских диалогов «Пир», «Государство» и др. В докладе собраны и проанализированы фрагменты стихотворений А. С. Кушнера, в которых встречаются античные реминисценции, отсылающие к Сократу. Рассматривается, как современный поэт трактует этот великий образ, в какие литературные и культурные контексты он вписан в его произведениях.

Ключевые слова: современная русская лирика, поэт Александр Кушнер, философы, античные мыслители, Гомер, Сократ, Платон, «Пир», Диотима, смерть, яд, связь веков, рецепция

Сократовский образ в русской поэзии отличается от того образа Сократа, который содержится в трудах отечественных историков-антиковедов, философов, правоведов, психологов, историков этики и эстетики. Можно говорить о вариациях рецепции этого образа в разные века русской литературы. Каким воспринимается Сократ в русской поэзии на рубеже XX–XXI веков, спустя двадцать четыре столетия после расправы с философом?

Одним из опытов рецепции афинского мудреца является лирика советского/русского поэта Александра Семеновича Кушнера. В его творчестве присутствует образ афинского босоногого мудреца, героя платоновских диалогов «Пир», «Государство» и др. В докладе собраны и проанализированы

фрагменты стихотворений А. С. Кушнера, в которых встречаются античные реминисценции, отсылающие к Сократу. Рассматривается, как современный поэт трактует этот великий образ, в какие литературные и культурные контексты он вписан в его произведениях.

В стихотворении «На даче так: всё время кто-то...», описывая мир дачного панпсихизма, где одушевлены деревья, цветы, насекомые и прочая флора и фауна, А. С. Кушнер вдруг упоминает Сократа, который, как припоминает автор, говорил о метемпсихозе (переселении душ). В название этой статьи взята строка из стихотворения «Никто не виноват...», где поэт говорит, что «смертельный яд» существует для того, чтобы расправляться с неугодными Сократами, и поэтому «обречен Сократ». Мудрец не будет принят, он всегда обречен на смерть. «Увы, такой расклад», — заключает поэт, так уж устроен наш мир, и в этом «Никто не виноват».

В другом стихотворении А. С. Кушнер говорит, что несправедливый приговор и смерть Сократа, происшедшие в середине первого тысячелетия до нашей эры, важны для нас, людей, живущих на рубеже второго и третьего тысячелетий нашей эры, отделенных от Сократа сотней поколений. Ведь что было когда-то, то непременно имеет значение и теперь; знаковый акт, однажды случившийся в прошлом (не существенно — где и когда), касается нас, если мы задумываемся о нем. Античность, Средневековье и суровый XX век находятся в единой связанности. Исторические эпохи, события и судьбы сопряжены, и всё имеет причинно-следственные связи: «лишь руку протяни — / Достанешь тех, трубить о ком не надо». И если мы этого не видим, не осознаем, то мы слепы духовно и исторически. Поэт воспринимает жертвенную смерть философа, как то, что должно изменить нас, современных читателей.

В «антиковедческих» стихах А. С. Кушнера возникают образы Гомера, Платона, других древнегреческих мудрецов, а также образ мантинейской жрицы Диотимы из платоновского «Пира» — наставницы Сократа в «философии любви».

ALEXANDER SINITSYN, CSc in History, Associate Professor;
Russian Christian Academy for the Humanities (Saint
Petersburg, Russia), Associate Professor

HISTORICAL AND CULTURAL REMARKS ON REMINISCENCES OF SOCRATES IN A. S. KUSHNER'S VERSE

Verses written by Alexander Semyonovich Kushner, a Soviet/Russian poet, is one of the examples of the Socrates's reception. His poetry features the figure of the Athenian barefoot sage, the character of *The Symposium*, *The Republic* and others Plato's dialogues. The article amasses and analyses fragments of A. S. Kushner's poems containing antique reminiscences of Socrates. The author examines how a contemporary poet interprets this great figure, in what literary and cultural contexts he appears in his works.

Keywords: contemporary Russian lyric poetry, poet Alexander Semyonovich Kushner, philosophers, ancient thinkers, Homer, Socrates, *The Symposium*, Diotima, death, poison, irony, bonds of ages, reception, poem analysis

КУЛИКОВ ПЕТР ВИКТОРОВИЧ, Институт философии РАН (Москва, Россия), аспирант

ТЕАТР ИДЕЙ (ДИАЛОГИ ПЛАТОНА В ТЕАТРАЛЬНЫХ ОПЫТАХ А. ВАСИЛЬЕВА)

В 1990-е годы Анатолий Васильев перешел в практике театра Школы драматического искусства от метода психологического (ситуативного) театра к метафизическому театру и игровым структурам. Материалом, на котором происходил этот переход, в частности, стали диалоги Платона. В этом методологический поворот режиссера от театра персонажа к театру персоны, а затем — к театру идей он включает в свою практику диалоги Платона как пропедевтику актерского искусства. В докладе я на примере сценических опытов Школы драматического искусства (под руководством А. Васильева) попробую рассмотреть, как могут трансформироваться философские идеи при переводе их на язык те-

атра, и обратно, как могут влиять эти идеи на практику и методологию театра.

Ключевые слова: философия, идея, театр, метафизика, методология

Философские идеи при переводе с языка литературы и философии на язык театра превращаются в идеи-театр, как их называет Аллен Бадью. Идеи-театр включают в себя ряд компонентов, так идеальных, так и материальных. Бадью включает в этот набор: пространство, текст, актеры, постановщик, зрители, декорации, костюмы. Различные комбинации этих компонентов и образуют идеи-театр. На первый взгляд выглядит странным включение онтологически различных компонентов в одно целое, однако в истории мысли можно найти примеры таких «кентавров»: начиная с схем, в том числе трансцендентальных, И. Канта и заканчивая акторно-сетевыми образованиями Б. Латура; в отечественной СМД-методологии место материального предмета занимает деятельность и ее организация.

Декорации и костюмы в театральны опытах А. Васильева и его коллег в Школе драматического искусства по диалогам Платона имеют несколько функций: это механизмы, чаще всего абсурдные, и визуальные цитаты из картин Магритта. Вместе с игрой актеров ни создают материальную среду, с которой соединяются тексты диалогов. Различные компоненты идеи-театра, например, текст и игра актеров, текст и декорации и костюмы — взаимодействуют между собой не прямо, декорации и игра не иллюстрируют текст, а зачастую вступают с ним в конфронтацию. Театр склонен к буквальному прочтыванию сложных концептов и метафор, незначимые детали в тексте на сцене оказываются центральными, так что смысл ситуации иногда меняется на противоположный. Конфронтация, буквальность, реверсивность — способы, которыми театр мыслит философский текст. Посмотрим, как скомпонованные таким образом идеи-театр соотносятся с собственно философским прочтением тех же текстов. Каково обратное воздействие философских идей, с которыми играет театр, на практику и методологию самого театра?

PETR KULIKOV, RAS Institute of Philosophy
(Moscow, Russia), Postgraduate

**THEATER OF IDEAS
(PLATO'S DIALOGUES IN A. VASILIEV'S
THEATRICAL EXPERIMENTS)**

In the 1990s, Anatoly Vasiliev moved in the theater practice of the School of Dramatic Art from the method of psychological (situational) theater to metaphysical theater and play structures. The material on which this transition took place, in particular, was Plato's dialogues. This is the director's methodological turn from the theater of character to the theater of the person, and then to the theater of ideas; he includes Plato's dialogues in his practice as propaedeutics of the art of acting. In my report, using the example of stage experiments of the School of Dramatic Art (under the direction of A. Vasiliev), I will try to consider how philosophical ideas can be transformed when translated into the language of the theater, and vice versa, how these ideas can influence the practice and methodology of the theater.

Keywords: philosophy, idea, theater, metaphysics, methodology

ИСМИЕВА ВАЛЕРИЯ МАМЕДОВНА, кандидат философских наук, доцент; Институт мировых цивилизаций (Москва, Россия), доцент

**ПЛАТОНОВСКИЕ МОТИВЫ В СТИХОТВОРЕНИИ
Э. МАРВЕЛЛА «САД» И ИХ РЕМИНИСЦЕНЦИИ
В СТИХОТВОРЕНИИ Н. ЗАБОЛОЦКОГО
«ВЕНЧАНИЕ ПЛОДАМИ»**

В стихотворении английского поэта-метафизика XVII Э. Марвелла «Сад», которое традиционно относят к одному из самых «мистически» тёмных, содержатся прямые отсылки к диалогу «Государство» Платона, а также к «Федру» и «Пиру». Вопреки сложившейся традиции истолкования этого текста, согласно которой Марвелл воспевает в нём радости сельской жизни и отказ от ма-

тримониальных связей, мы попытаемся показать, что на самом деле автор искусным и парадоксальным образом обыгрывает мотивы, связанные с эпиталамными одами, и отсылки к Платону служат к тому своеобразным ключом. К этой же традиции имплицитно апеллирует и стихотворение Заболоцкого «Венчание плодами», причём его автор использует, наряду с тропами, заимствованными из русской поэзии XVIII века, и семантическую игру Марвелла, внося в стихотворение онтологичность, расшифровать которую помогает понимание содержания Марвелловского «Сада».

Ключевые слова: философия Платона, поэзия Марвелла, философская лирика Марвелла, учение Платона, эпиталамные оды

VALERIYA ISMIYEVA, CSc in Philosophy, Associate
Professor; Institute of World Civilizations
(Moscow, Russia), Associate Professor

**PLATONIC MOTIFS IN E. MARVELL'S POEM
"THE GARDEN" AND THEIR REMINISCENCES IN
N. ZABOLOTSKY'S POEM "CROWNING WITH FRUITS"**

The poem by the English metaphysical poet XVII E. Marvell "The Garden," which is traditionally considered one of the most "mystically" obscure, contains direct references to the dialogue "The Republic" of Plato, as well as to "Phaedrus" and "Feast." Contrary to the established tradition of interpreting this text, according to which Marvell sings in it the joys of rural life and the rejection of matrimonial ties, we will try to show that in fact the author skillfully and paradoxically plays out the motives associated with epithalamic odes, and references to Plato offer the key to this. Zabolotsky's poem "Crowning with Fruits" implicitly appeals to the same tradition, and its author uses, along with tropes borrowed from Russian poetry of the XVIII century, partly the semantic game of Marvell, introducing ontology into the poem, and the interpretation of the content of Marvell's "Garden" helps to decipher the meaning of Zabolotsky's poem.

Keywords: Plato's philosophy, Marvell's poetry, Plato's concepts in poetry

ЭКРОГУЛЬСКАЯ АЛЕКСАНДРА ОЛЕГОВНА, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), аспирант

**СЁРЕН КИРКЕГОР И ПЛАТОНОВСКОЕ НАСЛЕДИЕ:
КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ПЕРЕВОДОВ ПЛАТОНА
НА ДАТСКИЙ ЯЗЫК В 1830–1859 ГГ.**

В своих сочинениях Сёрен Киркегор часто отсылает к текстам Платона, это могут быть как прямые цитаты, так и аллюзии. В этой связи возникает вопрос, на каких языках датский философ читал Платона, какие переводы повлияли на его восприятие? Ответ на этот вопрос дает датский теолог Т. А. Олесен, который рассказывает историю изучения и переводов платоновского наследия в Дании XIX века. В 1830 году — в том же году, когда Киркегор поступает в университет — начали выходить в свет «Избранные диалоги Платона» (*Udvalgte Dialoger af Platon*) в переводе Карла Йохана Хейсе (1787–1857 гг.). Всё собрание было издано в период с 1830 по 1859 год. В него вошли: «Федон», «Критон», «Алкивиад II» (том первый, 1830 год), «Пир», «Протагор» (том второй, 1831 год), «Горгий» (том третий, 1838 год), «Государство» (том четвертый, пятый и шестой, 1851), «Тимей» (том седьмой, 1855), «Филеб» (том восьмой, 1859).

Ключевые слова: Сёрен Киркегор, Платон, переводы, Карл Йохан Хейсе, Шлейермахер

Платон принадлежит к числу наиболее часто цитируемых С. Киркегором авторов: у него можно найти ссылки на более чем двадцать произведений из платоновского корпуса, в одной лишь в диссертации «О понятии иронии» упоминается десять диалогов. В этой связи интересен вопрос о том, как Киркегор читал Платона.

Датский теолог Т. А. Олесен в статье *Kierkegaard's Socrates Sources: Eighteenth- and Nineteenth-Century Danish Scholarship* (2016) утверждает, что в школе Киркегор читал Платона по-гречески, а в университете начинает знакомиться с новейшими достижениями тех лет в области изучения Платона

в Дании. Самым значительным событием стала серия переводов, которую начал Карл Йохан Хейсе (1787–1857 гг.) в 1830 году — в том же году, когда Киркегор поступил в университет. «Избранные диалоги Платона» в восьми томах (*Udvalgte Dialoger af Platon*) в переводе Хейсе выходили в свет в период с 1830 по 1859 год.

Именно на датские переводы Хейсе Киркегор ссылается в «О понятии иронии», а именно, на те, которые были уже к тому моменту опубликованы в первых трех томах данного собрания сочинений. К 1841 году Хейсе перевел и опубликовал следующие диалоги Платона: «Федон», «Критон», «Алкивиад II» (том первый, 1830 год), «Пир», «Протагор» (том второй, 1831 год) и «Горгий» (том третий, 1838 год). Остальные же диалоги («Федр», «Теэтет», «Апология Сократа» и «Государство») Киркегор цитирует по греко-латинскому собранию сочинений Платона в 11 томах, изданному немецким филологом и философом Г. А. Ф. Астом (Лейпциг, 1819–1832). Последующие переводы Хейсе, которые Киркегор успел прочитать, вышли только в 1851 и 1855 году, это были «Государство» (в 3-х томах) и «Тимей» соответственно. Восьмой том с «Филебом» был издан в 1859 году, уже после смерти Хейсе и Киркегора. Из сказанного мы делаем вывод, что в тот период, когда Киркегор пишет основные свои сочинения, в датском переводе можно было прочесть только шесть диалогов Платона, которые были изданы в первых трех томах переводов Хейсе. Остальные диалоги читались либо в оригинале, либо в переводах на другие языки.

Олесен также отмечает, что на Киркегора имели влияние не только переводы Хейсе, но и его интерпретации Платона, высказанные им в предисловиях и комментариях к переводам, а также полемика, которую он вел в печати. Скорее всего именно благодаря переводам Хейсе Киркегор решает писать диссертацию на датском языке, тогда как традиционно в то время ее писали на латыни.

Кроме того, нельзя забывать, что Киркегор читал Платона в немецком переводе Фр. Шлейермахера (*Platons Werke*, Berlin, 1804–28). Как отмечает Олесен, немецкие исследования

Платона в целом не могли обойти стороной Киркегора, который был знаком, по меньшей мере, с комментариями к Платону уже упомянутых Шлейермахера и Аста, а также, скорее всего, и с другими немецкими интерпретациями платоновского наследия.

ALEXANDRA EKROGULSKAYA, Saint Petersburg State
University (Saint Petersburg, Russia), Postgraduate

**SØREN KIERKEGAARD AND PLATO: A BRIEF
HISTORY OF TRANSLATIONS OF PLATO'S TEXTS
INTO DANISH IN 1830–1859**

In his writings, Søren Kierkegaard often refers to the texts of Plato; these can be either direct quotes or allusions. In this regard, the question arises: in what languages did the Danish philosopher read Plato, and what translations had influence on his perception? The answer to these questions is given by the Danish theologian T. A. Olesen, who tells the history of the study and translation of Plato's heritage in Denmark in the 19th century. In 1830, the same year Kierkegaard entered university, Plato's Selected Dialogues (*Udvalgte Dialoger af Platon*), translated by Karl Johan Heise (1787–1857), began to appear. The entire collection was published between 1830 and 1859. It included: *Phaedo*, *Crito*, *Alcibiades II* (volume one, 1830), *Symposium*, *Protagoras* (volume two, 1831), *Gorgias* (volume three, 1838), *Republic* (volumes four, five and six, 1851), *Timaeus* (volume seven, 1855), *Philebus* (volume eight, 1859).

Keywords: Søren Kierkegaard, Plato, translations, Karl Johan Heise, Schleiermacher

СЕКЦИЯ 9: «НОВЫЕ ПОДХОДЫ В ПЛАТОНОВЕДЕНИИ»

Закрошвили Нино Вахтанговна, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), аспирант

«ЗАБВЕНИЕ ПОРЯДКА ОТЦА» В ПЛАТОНОВСКОЙ КОСМОЛОГИИ

В чем смысл «забвения порядка отца» Платона в диалоге «Тимней», зачем такое вопрошание вовсе и почему беззаботность связана с познанием, а главное, в чем суть связи между познанием? Почему «закон» и «память» все время фигурируют у Платона в контексте проблемы истины? Что значит «раскусить» истину по-платоновски? Это типичная светская демосная экзотерика или Платон считает, что существует единственный «эзотерический» способ осмысления «истины»? Насколько «рациональна» свобода и что мы можем о ней сказать или претворить её в жизнь? Что значит «забвение порядка отца» для космологии Платона? А также что значит «подражание» «идеальным круговращениям космоса» и какое это отношение вообще имеет к интеллигибельности абсурдности (смешанности сущностей тождественного и иного) космоса?

Ключевые слова: миф, платон, катастрофа, античность, космология, забота о себе

NINO ZAKROSHVILI, Saint Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia), Postgraduate

OBLIVION OF “THE ORDER OF THE FATHER” IN PLATO’S COSMOLOGY

What is the meaning of Plato’s “forgetting the order of the father” in the *Tymaeus*, why such questioning at all and why carelessness

is connected with knowledge, and most importantly, what is the essence of the connection between knowledge. Why do “law” and “memory” always appear in Plato in the context of the problem of truth? What does it mean to “see through” the truth in Plato’s way? Is this typical secular demos exotericism or does Plato believe that there is only one “esoteric” way of thinking about “truth”? How “rational” is freedom and what can we say about it or put it into practice? What does “forgetting the order of the father” mean for Plato’s cosmology? And also, what does it mean to “imitate” the “ideal rotations of the cosmos” and what does this have to do with the intelligibility of the absurdity of the cosmos?

Keywords: myth, Plato, catastrophe, cosmology, care of oneself

ШКЛЯР ЕВГЕНИЙ ЛЕОНИДОВИЧ, Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия), студент

ВОЗРОЖДЕНИЕ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО ЯЗЫКА В МЕМАХ

Автор предлагает рассмотреть позиция Хайдеггера насчёт способности древнегреческого языка являть вещи сами по себе. О том что грамматика данного языка отсылает не к чему то за вещью, но раскрывает её саму. Являет вещь в её бытии. Если обратиться к этой мысли через творчество Виктора Шкловского и его концепт «остранения», то можно предположить, что искусство обладает схожей способностью, вырывать объект из означаемого ряда и осмыслять его в наличности и самореференции. В таком случае мемы оказываются непосредственно новым языком приближающим к бытию. Исследования мемов позволяют увидеть в них пустые означающие, которые оголяют абсурд и самобытность любого объекта попадающего в «мемный» дискурс. Вырывая что-либо из обыденного контекста и его закреплённых означиваний, мемы позволяют разглядеть в чём угодно факт присутствия и существования. Сложность временности, которая по-новому являет себя через ленты в социальных сетях. Новый язык образующийся внутри сети интернет открывает возможности иначе посмотреть как на мир, так и начать мыслить новой «мемной» грамматикой.

Ключевые слова: Мем, ирония, Деррида, Хайдеггер, Шкловский, Делёз

EVGENII SHKLIAR, Saint Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia), Student

THE REVIVAL OF THE ANCIENT GREEK LANGUAGE IN MEMES

The author suggests considering Heidegger's position on the ability of the ancient Greek language to reveal things by themselves. The fact that the grammar of this language does not refer to something behind the thing, but reveals it itself. It shows a thing in its being. If we turn to this idea through the work of Viktor Shklovsky and his concept of "exclusion," then we can assume that art has a similar ability to pull an object out of the signified series and comprehend it in cash and self-reference. In this case, memes turn out to be directly a new language that brings them closer to being. Research on memes allows us to see empty signifies in them, which expose the absurdity and originality of any object falling into the "meme" discourse. By tearing something out of the ordinary context and its fixed meanings, memes allow you to see the fact of presence and existence in anything. The complexity of temporality, which manifests itself in a new way through social media feeds. The new language being formed inside the Internet opens up opportunities to look at the world differently, and to start thinking with a new "meme" grammar.

Keywords: meme, irony, Derrida, Heidegger, Shklovsky, Deleuze

КОРОСТЕЛОВА АНАСТАСИЯ ВЛАДИМИРОВНА;

Южно-Уральский государственный университет (Челябинск, Россия), студент

ΠΑΙΔΕΙΑ: ΚΡΑΕΥΓΟΛΗΝΟ ΚΑΜΕΝΟ ΠΛΑΤΟΝΟΒΣΚΟΓΟ ΚΟΥΑΡΚΑΤΟ

Автор исследует актуальность концепции Платона о «философе-царе» в контексте современной политической реальности; анализирует проблему соотношения философского идеализма и практической стороны политической деятельности. Особое внимание уделяется платоновской концепции Пайдеи — воспитания, которое тесно связано с политикой и философией. В статье раскрываются некоторые аспекты

Пайдеи: ее роль в формировании гармоничного политического устройства и духовной реализации граждан, проблема цензуры как инструмента защиты культурной идентичности, а также двойственность Пайдеи, разделенной на «философскую» и «народную» в контексте идеального Государства. Автор подчеркивает неразрывную связь политики, философии и Пайдеи в концепции Платона, обращая внимание на идею изоморфизма полиса, космоса и души. Автор приходит к выводу, что политическая теория Платона не является чисто умозрительной, а имеет глубокое практическое значение. В качестве одного из основных источников исследования использовался труд В. Йегера «Пайдейя: Воспитание античного грека».

Ключевые слова: В. Йегер, философ-царь, пайдейя, Платон, идеальное государство

ANASTASIYA KOROSTEVA, South Ural State University
(Chelyabinsk, Russia), Student

ΠΑΙΔΕΙΑ: THE CORNERSTONE OF THE PLATONIC STATE

The author explores the relevance of Plato's concept of the "philosopher king" in the context of modern political reality; analyzes the problem of the correlation of philosophical idealism and the practical side of political activity. Special attention is paid to Plato's concept of Paideia — education, which is closely related to politics and philosophy. The article reveals some aspects of Paideia: its role in the formation of a harmonious political structure and the spiritual realization of citizens, the problem of censorship as a tool for protecting cultural identity, as well as the duality of Paideia, divided into "philosophical" and "popular" in the context of an ideal State. The author emphasizes the inextricable connection of politics, philosophy and Paideia in Plato's concept, drawing attention to the idea of isomorphism of the polis, cosmos and soul. The author comes to the conclusion that Plato's political theory is not purely speculative, but has deep practical significance. W. Jaeger's work "Paideia: The Ideals of Greek Culture" was used as one of the main sources of research.

Keywords: W. Jaeger, philosopher king, paideia, Plato, ideal state

Топчий Татьяна Павловна, Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина (Нижний Новгород, Россия), студент

ПАЙДЕЙА КАК МЕТОД ПРЕОДОЛЕНИЯ ПОТЕРЯННОСТИ

В современном мире многие ценности трансформируются, вследствие этого возникают всевозможные дискуссии. Особый интерес имеют дискуссии на тему современного образования. Многие утверждают, что со временем система образования становится хуже и не соответствует ценностям, установленным в обществе. Каждый обвиняет систему, но никто не задумывается над вопросом развития самого человека, который ощущает потерянную и неспособность адаптироваться к новым условиям. Идея «потерянности» — ключевая идея философии, суть которой заключается в осознании своей уязвимости и неопределённости в мире. Первоначально миф, после полноценная идея, изначально получившая развитие в концепции образования Платона. Образование — сфера, где человек может проявить себя, свои способности, однако все чаще обучающиеся чувствуют потерянную и неспособность адаптироваться к постоянно изменяющимся стандартам. Выходом может стать применение своеобразного руководства к изменению всего человечества в его существе — пайдейя Платона, благодаря которой обучающиеся могут прийти к целостному восприятию мира и развитию личности.

Ключевые слова: бытие, идея, образование, потерянность, пайдейя, смысл, человек, ценность

ТАТИАНА ТОПЧУ, Kozma Minin Nizhny Novgorod
State Pedagogical University — Minin University
(Nizhny Novgorod, Russia), Student

PAIDEIA AS A METHOD OF OVERCOMING LOSS

In the modern world, many values are being transformed, and as a result, all kinds of discussions arise. Discussions on the topic of modern education are of particular interest. Many argue that over time, the education system becomes worse and does not correspond to the values established in society. Everyone blames the system, but no one thinks about the question of the development of the person himself, who feels lost and unable to adapt to new

conditions. The idea of “being lost” is a key idea of philosophy, the essence of which is to realize one’s vulnerability and uncertainty in the world. Initially a myth, after a full-fledged idea, initially developed in Plato’s concept of education. Education is an area where a person can express himself, his abilities, but more and more often students feel lost and unable to adapt to constantly changing standards. The way out may be the application of a kind of guidance to change the whole of humanity in its essence — Plato’s paideia, thanks to which students can come to a holistic perception of the world and personal development.

Keywords: being, idea, education, loss, paideia, meaning, person, value

СМОЛИН МАТВЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ, Институт философии
СПбГУ (Санкт-Петербург, Россия), студент

МЕТАФОРА ВОСХОЖДЕНИЯ/НИСХОЖДЕНИЯ КАК ОПИСАНИЕ ФИЛОСОФСКОГО ПУТИ У ПЛАТОНА

Текст диалогов Платона обильно насыщен материалом мифов, метафор, аллегорий и иных образов. Часто, подходя к определенному этапу в рассуждении, персонажи вместо дальнейшего рассмотрения некоей идеи самой по себе, рассказывают миф. Встречаются сюжеты, объединенные общим мотивом — движения души, причем такое движение представляется вертикальным — как подъем или спуск, будь то возвышение в сонм богов на колеснице, или выход из пещеры к свету Солнца. Данное движение сопровождается изменением состояния души, связывается с нравственным совершенствованием и познанием истины. Это сопровождается метафорами «очищения» от душевной болезни, «окрыления», «настройки», подобно музыкальному инструменту и др. Цель данной работы — сопоставить мифы и образы из выбранных диалогов («Пир», Федр», «Федон», «Государство»), объединенные этим мотивом — движения души. И предложить вариант ответа на вопросы: описывают ли они разным языком одну и ту же ситуацию? Является ли цель движения одной и той же — приближению к идее Блага? И если это так, можно ли вывести на основе этого определенную модель, которая будет описывать путь, на который должна встать душа для своего совершенствования?

Ключевые слова: Платон, мифология, движение души, образ колесницы, образ пещеры, лестница Диотимы

MATVEY SMOLIN, Saint Petersburg State University
(Saint-Petersburg, Russia), Student

THE METAPHOR OF ASCENT/DESCENT AS A DESCRIPTION OF THE PHILOSOPHICAL PATH ACCORDING TO PLATO

The texts of Plato's dialogues are full of myths, metaphors, allegories and other images. Often, approaching a certain stage in the discussion, the characters, instead of further consideration of some idea in itself, tell a myth. There are stories associated by a common motif — the movement of the soul, and such movement is represented in a vertical — as an ascent or descent, whether it is an ascension to the host of gods on a chariot, or an departure from the cave to the light of the Sun. This movement is accompanied by a change in the state of the soul, associated with moral perfection and knowledge of truth. It is accompanied by metaphors of “cleansing” from mental illness, “enfolding,” “tuning,” like a musical instrument, etc. The task of this paper is to compare myths and images from the selected dialogues (“Pyrus,” “Phaedrus,” “Phaedo,” “The State”) associated with this motif — the movement of the soul, to offer a variant of answer to the questions: do they describe the same situation in different words? Is the purpose of the movement the same — to approach the idea of the Good? And if so, is it possible to derive from this a certain model that will describe the path on which the soul must take for its perfection?

Keywords: Plato, mythology, soul movements, allegory of the chariot, allegory of the cave, Diotima's stairway

ЗАГУЗИН ПАВЕЛ ТИМОФЕЕВИЧ, Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта (Калининград, Россия), аспирант, независимый исследователь

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ЛУЦИЯ АННЕЯ СЕНЕКИ НА ПРИМЕРЕ «НРАВСТВЕННЫХ ПИСЕМ К ЛУЦИЛЛИУ»

В рамках доклада будет рассмотрена между экзистенциальной установкой в творчестве Жана-Поля Сартра и тематикой нескольких писем из «Нравственных писем» Сенеки. Оба

мыслителя существовали в эпохи, находящихся на закате человеческой цивилизации — Римской империи и “La belle Époque” . В письмах раскрывается мысли Сенеки, отличные от тех, которые мы например, видим в «О гневе» или «О милосердии». Философской тематикой писем является тема свободы, «освобождения знанием» созвучной главной идее озвученной автором «Бытия и ничто» — апологии личной свободы. Немаловажным является сама форма эпистолярного жанра — значение способа выражения интимно-индивидуального, отличного от традиционного обезличенного трактатного изложения. В конце доклада уделяется влияние античного философа на концепцию самообмана (*mauvaise foi*) из сартровской философии.

Ключевые слова: Сартр, Сенека, индивидуальность, свобода, самообман

PAVEL ZAGUZIN, Immanuel Kant Baltic Federal
University (Kaliningrad, Russia), Assistant
Professor, independent scholar

EXISTENTIAL MOTIVES IN THE WORKS OF LUCIUS ANNAEUS SENECA USING THE EXAMPLE OF “MORAL LETTERS TO LUCILLIUS”

The presentation will examine between the existential attitude in the work of Jean-Paul Sartre and the themes of several letters from Seneca’s “Moral Letters.” Both thinkers existed in eras at the decline of human civilization — the Roman Empire and “La belle Époque” . The letters reveal Seneca’s thoughts, different from those that we see, for example, in “On Anger” or “On Charity.” The philosophical theme of the letters is the theme of freedom, “liberation by knowledge” consonant with the main idea voiced by the author of “Being and Nothingness” — apologia of personal freedom. The form of the epistolary genre itself is not insignificant — the importance of the way of expressing intimate-individual, different from the traditional impersonal treatise. The paper concludes by focusing on the influence of the ancient philosopher on the concept of self-deception (*mauvaise foi*) from Sartrean philosophy.

Keywords: Sartre, Seneca, individuality, freedom, self-deception

НИКОЛАЕВ ДМИТРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ, Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского (Санкт-Петербург, Россия), студент

**ФИЛОСОФИЯ ПЛАТОНА КАК НЕОБХОДИМАЯ
СТУПЕНЬ ВСЕМИРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО
ПРОЦЕССА ОБРАЗОВАНИЯ ДУХА**

В результате истории классической философии обнаруживается, что она, в сущности, есть необходимый процесс становления единого философского предмета, тождественного методу своего познания. Важнейшее место в становлении этого результата занимает учение Платона. Положив начало диалектике как первому научному методу познания истины самой по себе, философу удалось раскрыть ее противоречивую природу как логический процесс саморазвития идеи, включающей в себя свои собственные видовые определения. В связи с этим Платон разворачивает целую систему философского образования человеческой души. Вспоминая себя, душа проходит субъективный опыт любви, снимая ограниченные формы внешнего единства во многом. Разложив все многое в единство и достигнув истинного начала познания, душа приступает к науке диалектики, или науке разума.

Ключевые слова: диалектический метод, идея, разум, образование, история классической философии

DMITRY NIKOLAEV, Russian Christian Academy for the Humanities (Saint Petersburg, Russia), Student

**PLATO'S PHILOSOPHY AS A NECESSARY
STEP IN THE WORLD-HISTORICAL PROCESS
OF THE FORMATION OF THE SPIRIT**

As a result of the history of classical philosophy, it is revealed that it is, in essence, a necessary process of formation of a single philosophical subject, identical to the method of its cognition. The most important place in the formation of this result is occupied by the teachings of Plato. Having laid the foundation for dialectics as the first scientific method of knowing the truth in itself, the philosopher managed to reveal its contradictory nature as a logical process of self-development of an idea that includes its own specific definitions. In this regard, Plato develops a whole system

of philosophical education of the human soul. Remembering oneself, the soul goes through the subjective experience of love, removing the limited forms of external unity in diversity. Having decomposed all the many things into unity and having reached the true beginning of knowledge, the soul proceeds to the science of dialectics, or the science of reason.

Keywords: dialectical method, idea, reason, education, history of classical philosophy

Кузьмин Николай Вадимович, Русская христианская гуманитарная академия (Санкт-Петербург, Россия), студент

ПОНЯТИЕ «НУС» И ИСТОКИ ТЕОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Целью доклада является попытка проследить зарождение древнегреческой теологической мысли через рассмотрение истории развития концепта «нус» в раннегреческой философии в качестве способа ответить таким образом на вопрос о причинах, истоках формирования представлений о божественном в контекстах как раннегреческой мысли и свойственного некоторым её направлениям «ментализма», так и философски артикулированных религиозных представлений своего времени в том виде в каком это доказательно прослеживает история мысли как философская дисциплина. Задачами доклада являются обозначение основных культурных предпосылок самого возникновения философии как явления для раскрытия представлений о богах у различных философских школ в её развитии с привлечением контекста религиозных и культовых представлений рассматриваемого региона и времени, а также их конфронтации и противоречий с упомянутыми школами мысли; рассмотрение наиболее ранних использований слова «нус» в нефилософских, а затем и философских контекстах, с последующим переходом к анализу фрагментов Анаксагора, Гераклита и Парменида для изучений включений этого концепта в их философские представления в порядке специфического для мысли этих авторов ментализма.

Ключевые слова: Гомер, Гесиод, асебия, Протагор, Ксенофан, Анаксагор, нус, Гераклит, Парменид, Платон

NIKOLAY KUZMIN, Russian Christian Academy for the
Humanities (Saint Petersburg, Russia), Student

**THE CONCEPT “NUS”
AND THE ORIGINS OF THEOLOGICAL TRADITION**

The purpose of the report is an attempt to trace the origin of ancient Greek theological thought through the consideration of the history of the development of the concept of “nus” in early Greek philosophy as a way to answer the question of the causes and origins of the formation of ideas about the divine in the contexts of both early Greek thought and “mentalism” peculiar to some of its areas, and philosophically articulated religious ideas of its time, including the form in which this is evidently traced by the history of thought as a philosophical discipline. The objectives of the report are to identify the main cultural prerequisites for the very emergence of philosophy as a phenomenon for revealing the ideas of gods among various philosophical schools in its development, involving the context of religious and cult ideas of the region and time under consideration, as well as their confrontation and contradictions with the mentioned schools of thought; consideration of the earliest uses of the word “nus” in non-philosophical and then philosophical contexts, followed by a transition from the analysis of fragments of Anaxagoras, Heraclitus and Parmenides to study the inclusion of this concept in their philosophical representations in the order of mentalism specific to the thought of these authors
Keywords: Homer, Hesiod, asebia, Protagoras, Xenophanes, Anaxagoras, nous, Heraclitus, Parmenides, Plato

ЗАРУБИНА АЛЕКСАНДРА ДМИТРИЕВНА, Балтийский
федеральный университет им. Иммануила
Канта (Калининград, Россия), студент

**КОНЦЕПЦИЯ ДУХОВНОГО РАБСТВА
В АНТИЧНОЙ ТРАДИЦИИ И ЕЕ АКТУАЛИЗАЦИЯ
В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ**

Понятие «невежество» (аматия) используется в разных контекстах как в доплатоновской традиции, так и после нее. У Ксенофонта оно приобретает значение различия добра и зла, из-за неспособности различать которые возникает духовное рабство. На протяжении многих веков в античной

философии были предложены разные способы преодоления этого недуга. Возможные пути избавления от невежества предлагает и Марк Аврелий. Он считает, что «навязчивость, неблагодарность, заносчивость, коварство, завистливость, неуживчивость» проистекают от неспособности различия добра и зла, и предлагает свой путь избавления от этого. Однако в современной российской системе образования развитию этого важного навыка либо не уделяется никакого внимания, либо происходит подмена понятий в угоду политической ситуации (идеологии). Концепция аматии нашла отражение и в античных произведениях. Еврипид в трагедии «Медея» показывает всю неоднозначность ситуации в которой оказалась Медея, совершив, с ее точки зрения «правильный поступок» — убила своих детей. Неспособность различать добро и зло в 20 веке уже привела к возникновению гуманитарной катастрофы. Ярчайшим образом эта проблема осмыслиется в работе Ханны Арендт. Я считаю, что актуализация разговора о добре и зле с обращением к мыслям на эту тему у разных античных авторов могут способствовать оздоровлению образования, следственно — и общества в целом.

Ключевые слова: аматия, Ксенофонт, Марк Аврелий, Еврипид, Ханна Арендт, добро и зло, образование

ALEKSANDRA ZARUBINA, Immanuel Kant Baltic Federal
University (Kaliningrad, Russia), Student

THE CONCEPT OF SPIRITUAL SLAVERY IN THE ANCIENT TRADITION AND ITS ACTUALIZATION IN MODERN EDUCATION

The concept of “ignorance” (amatheia) is used in various contexts both in the pre-Platonic tradition and after it. In Xenophon, it acquires the meaning of the distinction between good and evil, due to the inability to distinguish which spiritual slavery arises. For many centuries, ancient philosophy has proposed various ways to overcome this ailment. Marcus Aurelius also suggests possible ways to get rid of ignorance. He believes that “obsession, ingratitude, arrogance, treachery, envy, obstinacy” stem from the inability to distinguish between good and evil, and offers his own way of getting rid of it. However, in the modern Russian education system, the development of this important skill is either not given

any attention, or concepts are being substituted for the sake of the political situation (ideology). The concept of *amatheia* is reflected in ancient works. Euripides in the tragedy “*Medea*” shows the ambiguity of the situation in which Medea found herself, having done, from her point of view, the “right thing” — she killed her children. The inability to distinguish between good and evil in the 20th century has already led to a humanitarian catastrophe. This problem is most vividly understood in the work of Hannah Arendt. I believe that the actualization of the conversation about good and evil with an appeal to the thoughts on this topic from various ancient authors can contribute to the improvement of education, consequently, and society as a whole.

Keywords: *amatheia*, Xenophon, Marcus Aurelius, Euripides, Hannah Arendt, good and evil, education

ЕВЛАМПИЕВ ФЕДОР ИГОРЕВИЧ, Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия), студент

ПЛАТОНОВСКИЙ МЕТОД ПОЗНАНИЯ КАК ОСНОВА МЕТОДА ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК И ЕГО КРИТИКА АНРИ БЕРГСОНОМ

Платон в своей философии заложил основу естественнонаучного метода, который основывается на работе с неподвижными моделями, представляющими собой абстракции реальных объектов, из которых было удалены движение и становление, так как они познаются разумом сложнее, чем статичные конструкции. Этот метод исходит из того, что движение можно восстановить из полученной модели, а неизбежно утрачиваемые детали индивидуальных вещей несущественны для исследования. В то же время, в философии XIX-XX веков мы видим критику такого подхода, представленную в том числе французским мыслителем Анри Бергсоном, который утверждал, что из модели восстановить реальность невозможно, и поэтому если мы хотим познать не модель, а сам мир, мы должны дополнить разум другой способностью познания, интуицией, которая способна работать со становлением самим по себе, без его разложения на набор неподвижностей.

Ключевые слова: наука, метод, познание, Платон, Бергсон, неподвижность

FEDOR EVLAMPIEV, Saint Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia), Student

PLATO'S METHOD OF COGNITION AS FOUNDATION OF SCIENTIFIC METHOD AND ITS CRITICS BY HENRI BERGSON

Plato in his philosophy laid the foundation for the natural science method, which is based on working with fixed models, which are abstractions of real objects, from which movement and becoming have been removed, since they are more difficult for the mind to comprehend than static constructions. This method proceeds from the fact that movement can be restored from the resulting model, and the inevitably lost details of individual things are not essential for research. At the same time, in the philosophy of the 19th–20th centuries, we see criticism of this approach, presented, among others, by the French thinker Henri Bergson, who argued that it is impossible to restore reality from a model, and therefore if we want to know not the model, but the world itself, we must supplement the mind with another cognitive ability, intuition, which it is able to work with becoming by itself, without decomposing it into a set of immobilities.

Keywords: science, method, cognition, Plato, Bergson, immobility

МАХНОВ АРСЕНИЙ ДМИТРИЕВИЧ, Русская христианская
гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского
(Санкт-Петербург, Россия), аспирант

О ФИЛОСОФСКОМ ХАРАКТЕРЕ ДАЙМОНИЯ СОКРАТА

Часто даймоний Сократа исследуется в контексте религии. В таком случае исследователи склонны привлекать различные сторонние источники, интерпретировать и предполагать механику общения с божеством для прояснения туманного указания на «божественное знамение» у Ксенофонта и Платона. В то же время, даймоний Сократа описывается как личный опыт Сократа, который неясно соотносится с афинской религией. Точка зрения на даймония Сократа как на личный опыт божественного в условиях общественной религии тем более не исчерпывает этого явления, что даймоний оказывается значимым для добротности Сократа (и, по всей вероятности, для его философского расположения). Представляется, что новое обращение внимания на

черты даймония Сократа, как они показываются в текстах Ксенофонта и Платона, поможет заметить его философский характер. А именно, невозможность понимания даймония Сократа без узнавания собственного опыта даймония.
Ключевые слова: даймоний Сократа, Платон, Ксенофонт, узнай себя

ARSENIJ MAKHNOV, Russian Christian Academy for the Humanities (Saint Petersburg, Russia), Postgraduate

ON THE PHILOSOPHICAL CHARACTER OF SOCRATES' DAIMONION

Often Socrates' daimonion is explored in the context of religion. When this is the case, researchers tend to draw on a variety of outside sources, interpretations, and inferred mechanics of communication with the deity to clarify the vague indication of a "divine sign" in Xenophon and Plato. At the same time, Socrates' daimonion is described as a personal experience of Socrates that does not clearly relate to Athenian religion. The view of Socrates' daimonion as a personal experience of the divine in the context of public religion is all the more incomplete in that the daimonion turns out to be significant for Socrates' goodness (and, in all likelihood, for his philosophical disposition). It seems that the new attention to the features of Socrates' daimonion as it is described in the texts of Xenophon and Plato will help to notice its philosophical character. Namely, the impossibility of understanding Socrates' daimonion without recognising one's own experience of daimonion.

Keywords: Socrates' daimonion, Plato, Xenophon, know yourself

СИВКОВА АЛЁНА СЕРГЕЕВНА, Государственное бюджетное профессиональное образовательное учреждение «Центр непрерывного профессионального медицинского развития Ленинградской области» (Выборг, Россия), студент

ЭРОС ПЛАТОНА В УЧЕНИИ О ДУШЕ МАРСИЛИО ФИЧИНО

В докладе будет представлен анализ соотношения учения об Эросе в платонизме с учением о душе в работах философа эпохи Возрождения Марсилио Фичино. В докладе будет раскрыт процесс соединения души и тела, представленный в ра-

ботах Фичино, а так же определен характер влияния учения об Эросе Платона на развитие представлений о душе и теле, их взаимосвязи в трудах Марсилио Фичино. Учение Фичино является не только закономерным развитием платонизма, но и переосмысливает его под влиянием мистических течений философской мысли в эпоху Возрождения. В учении о душе важен не только теоретический аспект, но и в значительной степени практический, который в яркой степени представлен в философии Марсилио Фичино.

Ключевые слова: Фичино, Платонизм, душа, мистицизм, Эрос

ALENA SIVKOVA, State budgetary professional educational institution
“Center for Continuous Professional Medical Development
of the Leningrad Region” (Vyborg, Russia), Student

PLATO’S EROS IN THE DOCTRINE OF THE SOUL BY MARSILIO FICINO

The report will present an analysis of the relationship between the doctrine of Eros in Platonism and the doctrine of the soul in the works of the Renaissance philosopher Marsilio Ficino. The report will reveal the process of connecting soul and body, presented in the works of Ficino, and will also determine the nature of the influence of Plato’s teaching on Eros on the development of ideas about soul and body, their relationship in the works of Marsilio Ficino. Ficino’s teaching is not only a natural development of Platonism, but also reinterprets it under the influence of the mystical currents of philosophical thought during the Renaissance. In the doctrine of the soul, not only the theoretical aspect is important, but also a largely practical one, which is vividly represented in the philosophy of Marsilio Ficino.

Keywords: Ficino, Platonism, soul, mysticism, Eros

**КРУГЛЫЙ СТОЛ: «ГЕРМЕНЕВТИКА
КЛАССИЧЕСКОГО ТЕКСТА КАК ФОРМА
ФИЛОСОФСКОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ»**

СВЕТЛОВ РОМАН ВИКТОРОВИЧ, доктор философских наук, профессор; Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта (Калининград, Россия), директор Высшей школы философии, истории и социальных наук; Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), профессор

**ПЛАТОНИК НА АВЕРСЕ И РЕВЕРСЕ:
ЧТО ЗНАЧИТ БЫК НА МОНЕТАХ ЮЛИАНА?***

Один из наиболее значимых для понимания целей и ценностей правления артефактов — монеты. Недолгое правление Юлиана как императора-августа предвлялось исполнением роли цезаря в Галлии. А поэтому у нас достаточно материала для того, чтобы увидеть те смыслы, которые Апостат стремился донести до подданных через это универсальное орудие обмена. Монетные эмиссии представляли собой фиксацию посланий для подданных в предмете, который был вполне реален, который можно держать в руках, рассматривать, обменивать на товар, Послания для современников были вполне ясны и однозначны. Вот император, которому богиня Победы вручает лавровый венок. Император при этом именуется готским или персидским, что означает военный триумф (или хотя бы претензию на него), подтверждение

* Исследование выполнено в Балтийском федеральном университете им. Иммануила Канта за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00980, <https://rscf.ru/project/24-18-00980/>

мощи Imperium Romanum, которой наделен принцепс. Pietas и Virtus, порой персонифицированные, были свидетельством о доблести и благочестии государя как предводителя римской армии. Однако, бывали и более сложные послания, некоторые из которых как-раз связаны с сонетными сериями Юлиана Апостата, вполне вероятно, вызваны его философско-религиозными взглядами.

Ключевые слова: Юлиан Отступник, неоплатонизм, халдаизм, римские монетные эмиссии

ЦЫПИНА ЛАДА ВИТАЛЬевна, кандидат философских наук, доцент; Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), доцент

СЛЕД ПЛАТОНА. ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МИСТИЦИЗМ В ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ*

Доклад представляет герменевтическую перспективу исследования «диалектического платонического мистицизма» (Б. Мак-Гинн). В первой его части намечаются герменевтические стратегии современного прочтения текстов Платона и его школы. Особое внимание уделяется концепту следа (*la trace*) из грамматологического проекта Ж. Деррида. Во второй части доклада прослеживается связь известных топосов платоновской мысли с традицией спекулятивного диалектического мистицизма с тем, чтобы показать каким образом истолкование обнаруживает след «первотекста», который понимается как прото-след объединяющего опыта (*unio mystica*).

Ключевые слова: след, платонический мистицизм, философская герменевтика, диалектика

* Исследование выполнено в Балтийском федеральном университете им. Иммануила Канта за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00980 «Герменевтика классического текста как форма философской самоидентификации: Платон и его наследие от Античности до современной России», <https://rscf.ru/project/24-18-00980/>

1. Концепт «следа» и современные стратегии интерпретации платоновского наследия

Эти конспективные соображения можно считать попыткой ответить на вопрос зачем и как мы читаем Платона сегодня, что мы выбираем в качестве призмы для такого чтения и какой может быть актуальная исследовательская рамка для обсуждения наследия Платона в истории философской традиции, и шире, культуры *via antiqua* в целом. Общим местом можно считать тезис о том, что язык мировой философии, как и проблемное поле познания и науки формировались под непосредственным влиянием текстов Платона и его школы. Не случайно А. Н. Уайтхед указывал на следующее важное обстоятельство: «Много веков назад Платон предугадал семь основных факторов, соединенных в факте: идеи, физические элементы, душа, эрос, гармония, математические отношения, Восприемница и Кормилица всего сущего», хотя и подчеркивал, что «было бы в высшей степени наивно отождествлять наши современные понятия с этими архаическими идеями Платона».¹ Как раз «архаизм» платоновских сюжетов позволяет рассматривать его наследие в качестве некоего «безусловного первотекста», нуждающегося в экзегезе, истолковании. Причем такая экзегеза органично охватывает значимые эпохи исторического развития философии под знаком наследия Платона — позднеантичную, средневековую, ренессансную. В качестве примера приведем замечание А. Койре относительно средневековой философии: «как только философ — будь то иудей, мусульманин или христианин — приступал к центральной метафизической проблеме, проблеме бытия и сущности бытия, он обнаруживал в своем боге-творце платоновского бога-благо, аристотелевского бога-мысль, плотинского бога-единого».²

¹ Уайтхед А. Н. Приключения идей // А. Н. Уайтхед. Избранные работы по философии. М.: Прогресс, 1990. С. 560.

² Койре А. Аристотелизм и платонизм в средневековой философии // А. Койре Очерки истории философской мысли. М.: Прогресс, 1985. С. 55.

Поэтому очевидно, что «комментарий к Платону» в истории философской традиции может рассматриваться не как исключительно текстология, но преимущественно как рецепция, которая способна приобретать множественные формы. Во-первых, в процессе истолкования осваиваются и транспортируются в новые философские регистры комплексы принципиальных для платонизма идей и базовых сюжетов. Здесь возможна фокусировка на обладающем эффектом дальнего действия исключительном концепте. В отношении к платоновскому наследию ближайшим примером может служить концепт знания как припоминания. Не меньший интерес для исследователя представляют метафоры как «мыслеобразы», обеспечивающие перенос смысла из области чувственно воспринимаемого в область собственно логического, скажем, знаменитая платоновская метафора внезапно вспыхнувшего света, метафора пещеры etc. В фокусе герменевтического подхода может оказаться и логический прием, допустим, диэреза, с точки зрения его гносеологической валидности или изменения области его применения. Во-вторых, рецепция может имитировать или преобразовывать саму форму презентации платоновской мысли — диалог особенно в ситуациях острейших дискуссий между понятыми в широком смысле *via antiqua* и *via moderna*. Наконец, в-третьих, рецепция платоновской мысли способна определить самоидентификацию школы или движения в институциональном аспекте (на заре Нового времени такая рецепция инициировала возникновение Платоновской академии во Флоренции в XVI в., а позднее, движение кембриджских платоников в Англии в XVII в.

В тоже время важно иметь в виду, что современные интерпретативные дисциплины далеко отстоят от эллинистической или средневековой экзегетики. Современная философская герменевтика, исток которой связывается с трудами В. Дильтея и Г.-Г. Гадамера, обнаруживает точки сопряжения «герменевтики фактичности» (Хайдеггер) с герменевтикой традиции, удовлетворяющей требованиям историчности понимания. Разного рода служебные дисциплины, возникшие в ходе гуманитарного поворота 70-х гг. прошлого века, такие

как, например, метафорология или история понятий предлагают свой обширный методологический инструментарий работы с записанной традицией. В отношении дальнего действия платоновского наследия в истории мысли и культуры продуктивным, хотя и проблематическим, представляется концепт «следа» (*la trace*) из грамматологического проекта Ж. Деррида. Напомним фрагмент из «О грамматологии», указывающий на этот концепт: «Откуда берется вопрос о следе, да и само это слово? След — первоначало смысла, а смысл, в свою очередь, строится на путях последствия (*Nachtraglichkeit, apres-coup*). След есть нечто записанное независимо от способа записи: это протофеномен памяти, который следует мыслить до всех противопоставлений (например, природы и культуры). След (и прото-письмо вместе с ним) выступает как такое наличие, в которое уже вписано неналичия, и потому он оказывается первичной возможностью и речи, и письма как артикулированных форм языка».³

В такой перспективе многообразные формы рецепций мысли Платона и его школы, которые касаются как ее содержания (целостного или фрагментированного), так и ее формы, можно считать обнаружением «следа» Платона в том смысле, какой придает этому понятию Ж. Деррида. Итак, «след» позволяет артикулировать тождества и различия, наличия и неналичия, он в той же мере присутствует, в какой и отсутствует в силу своей резидуальной природы. Изначальность самостирающегося следа сохраняется посредством знаков: слов языка, замещающих вещи во время их отсутствия и фиксирующихся в письме как «нацарапанном следе речи». Также ведет себя платоновский «первотекст», скрывающийся в глубинах традиции и этой сокрытостью саму традицию формирующий в оправдание известного афоризма А. Н. Уайтхеда о том, что европейскую философию можно считать «комментарием к Платону». Интересно, что у самого Платона можно отыскать возражение против дерридеанского утверждения изначальности «прото-следа», для древнегреческого мысли-

³ Деррида Ж. О грамматологии. М.: Ad Marginem, 2000. С.198.

теля изображение — это третий вид познания, следующий за именем и определением, но уступающий знанию как правильному мнению и далеко отстоящий от истинного, как того, что познается само по себе. «На третьем месте стоит то, что нарисовано, а затем стерто или выточено и затем уничтожено».⁴ Но важно, что он, как и Деррида акцентирует тактильное измерение изображения и его стирающийся характер. Так что актуализация такой гипотетической дискуссии не лишена смысла.

*II. Герменевтический потенциал концепта
«след» в контексте диалектического
платонического мистицизма*

Актуальность обращения к диалектическому платоническому мистицизму в герменевтической перспективе связана с тем, что его содержанием является концепция мистической жизни — слепок опыта «бегства единого — к Единственному» (Плотин) или “*cognitio Dei experimentalis*” (Фома Аквинский), который может быть интерпретирован с помощью рассмотренного выше понятия «следа». Как замечает Деррида: «(Перво)начало опыта пространства и времени, это письмо различия, эта *ткань следа* позволяет различию между пространством и временем обрести форму и проявиться как таковому в единстве опыта (опыта «тождества», переживаемого на основе самотождественности собственного тела».⁵ «След», как можно заметить, здесь удваивается: если смысловым центром диалектического платонического мистицизма оказывается объединяющий опыт, возникающий в точке соприкосновения уничтожающей все проявления конечного бездны божественного присутствия (*mysterium tremendum*) с внутренними структурами человеческой конечности, то порожденная таким соприкосновением «экстремальная ситуации разума» (П. Тиллих) и, добавим, восприятия вплоть до трансфигурации телесности фиксируются

⁴ Платон. Письма // Платон. Собр. Соч.: в 4-х тт. Т. 4. М.: Мысль, 1994. С. 494.

⁵ Деррида Ж. О граматологии. М.: Ad Marginem, 2000. С. 192.

в текстах, активно использующих платоновскую метафорику и обладающих ярко выраженным фаскинирующим эффектом. Исследователи мистицизма в поисках «прото-следа» мистического опыта обращаются к текстам, включающим многообразие способов «обращения взгляда» к тайне, приемы описания которых обнаруживаются у Платона. Попробуем конспективно указать на «платоновские места», которые из века в век воспроизводятся в указанной форме мистицизма.

Онтологически и гносеологически платоническому мистицизму свойственен парадокс Первоначала и сопровождающая его платоническая же по генезису диалектика бытия и небытия. В теологической перспективе именно она позволяет примирить напряженность трансцендентного и имманентного планов бытия. Эпистемологическая ситуация необходимости Речи о самозамкнутом и невыразимом первоначале, для которого, как свидетельствует Платон, «не существует ни имени, ни слова для него, ни знания о нем, ни чувственного его восприятия, ни мнения»,⁶ порождает апории, обнаруженные уже элеатами и отчетливо сформулированные в знаменитом диалоге Платона «Парменид». Мыслительное затруднение (апория) становится продуктивным началом диалектического мышления, объединяющего противоположные утверждения. Его задача — различение частей предмета мысли вплоть до не поддающихся делению и последующий охват противоположностей — единого и множественного, подобия и неподобного, движения и покоя, возникновения и гибели, бытия и небытия, объединяющим взглядом ума. Прочитируем «Федр», «способность, охватывая все общим взглядом, возводит к единой идее то, что повсюду разрозненно, чтобы, давая определение каждому, сделать ясным предмет поучения».⁷

Среди способов рассмотрения первоначала для платонизма сохраняют значимость три «ослабления» первой гипотезы «Парменида». Единое непостижимо в собственной

⁶ Платон. Парменид // Платон. Собр. Соч.: в 4-х тт. Т. 2. М.: Мысль, 1993. С. 368–369.

⁷ Платон. Федр // Платон. Собр. Соч.: в 4-х тт. Т. 2. М.: Мысль, 1993. С. 176.

сущности, но частично позволяет судить о себе по аналогии с проявлениями в действиях или других феноменах (катафатика). Оно неопределимо с помощью утверждений, но описывается посредством отвлечений и отрицаний — аферетически и апофатически. Наконец, первоначало неведомо в силу непостижимости, но доступно в событии мистического слияния, исключающем концептуализацию и прямое сообщение (тайнознание, мистика). Платонический диалектический мистицизм привилегированным способом восхождения к Первоначалу делает незнание (*agnosia*), используя возможности понятийной диады *aphaeresis* — *noesis*. Схватывание умом эйдетической сущности (*noesis*) предполагает отсекаание несущественного, отделение неважного, то есть отвлечение (*aphaeresis*), достигаемое с помощью отрицания (*apophasis*). Но отрицание не обладает самоценностью и призвано в точке апофатического экстремума приводить к «интеллектуальной дисциплине непротивления противоположностей».⁸ Неслучайно диалектический платоновский мистицизм называют также спекулятивным

Это характеристика позволяет противопоставить его аффективному мистицизму в силу преимущественной роли, которую играет ум, в достижении мистического союза (*unio mystica*). То есть платонический мистицизм развивает унаследованный от мифологии большой антропологический сюжет — учение об отчужденном от человека, но пребывающем в нем самом (его телесной тьме и душевой разнородности) «отпечатке божества» как об антропологическом условии возможности мистического опыта. Этот сюжет, во-первых, опирается на «пурификационизм» (термин Р. Дж. Доддса), предполагающий представление о душе как средоточии некоей тайной силы, неразрушимой божественной или демонической «самости», скрытой в самом человеке и становящейся для него задачей очищения. Можно вспомнить знаменитый тезис из диалога

⁸ Лосский В. Н. Апофаза и троическое богословие // Богословие и Боговидение, М.: Издательство Свято-Владимирского Братства 2000, С. 25.

«Федон»: «А очищение — не в том ли оно состоит, <...> чтобы как можно тщательнее отрешать душу от тела, приучать ее собираться из всех его частей, сосредотачиваться самой по себе и жить, насколько возможно, — и сейчас и в будущем — наедине с собою, освободившись от тела, как от оков?»⁹ По мере освобождения души из «темницы» тела происходит возвращение души к ее божественному источнику. Состояния души, которые она проживает в этом процессе принадлежат в этом случае единственно ей самой. То есть речь идет о трансформации, включающей моменты обращения и очищения души.

Во-вторых, в этом контексте новое звучание приобретают характерные для платонизма идеи божественного происхождения способности понимания и родства познающего познаваемому. Здесь преимущественное значение получает диада исхождения-возвращения, истолкованная не только онтологически, как порядок следования посредством причинного взаимодействия, но и гносеологически как многоуровневое постижение реальности умом. Метафорика этих рефлексивных познавательных процедур связывается Платоном с «солнцеобразностью зрения», которой можно уподобить благодать ума, дарующего возможность знать. Как замечает Платон в 6 книге «Государства». «Чем будет благо в умопостигаемой области по отношению к уму и умопостигаемому, тем в области зримого будет солнце по отношению к зрению и зрительно воспринимаемым образам».¹⁰ Антропологически это соотношение описано в «Тимее». Ум, соприкасающийся с благом, подобен встрече «зрительного истечения с внешним потоком света» в «месте, где огонь устремляющийся изнутри сталкивается с потоком света».¹¹ Это объясняет фотизмы и иллюминации срединных ступеней мистического пути согласно образу, использованному в 7 письме Платона: «Только если

⁹ Платон. Федон // Платон. Собр. Соч.: в 4-х тт. Т. 2. М.: Мысль, 1993. С. 18–19.

¹⁰ Платон. Государство // Платон. Собр. Соч.: в 4-х тт. Т. 3. М.: Мысль, 1994. С. 508.

¹¹ Платон. Тимей // Платон. Собр. Соч.: в 4-х тт. Т. 3. М.: Мысль, 1994. С. 448.

кто постоянно занимается этим делом и слил с ним всю свою жизнь, у него внезапно, как свет, засиявший от искры огня, возникает в душе это сознание и само себя там питает».¹² То есть участие человека в Первоистоке (Едином, Боге) континуально. Богопознание, богообщение и, наконец, слияние вовлекают душу/ум в двунаправленное движение: процесс ее исхождения (*excessus*) из себя самой есть одновременно поэтапное восхождение (*processus*) к Богу по лестнице совершенств. Герменевтическая работа с текстами традиции диалектического платонического мистицизма оказывается работой со «следами» объединяющего опыта, его когнитивных схем и сценариев, которые, в свою очередь, говорят с нами языком Платона, присутствующего и отсутствующего в них.

КУРБАТОВ АНАТОЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ, Санкт-Петербургская духовная академия (Санкт-Петербург, Россия), аспирант

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ПЛАТОНИЗМ:

ПОСТАНОВКА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ВОПРОСА*

Термин «платонизм» возник в семнадцатом веке. Средневековые авторы говорили не о платонизме, а скорее о Платоне и платониках, применяя термин «платоник», например, к сторонникам реализма универсалий или апологетам экстраментального существования идей. Так, Иоанн Солсберийский охарактеризовал Бернара Шартрского как «выдающегося платоника нашего времени» имея ввиду его теорию идей. Средневековые писатели следовали принцип Кассиодора — Платон теолог, знаток божественного, вечного, нематериального и умопостигаемого, а Аристотель логик, классификатор

¹² Платон. Письма // Платон. Собр. Соч.: в 4-х тт. Т. 4. М.: Мысль, 1994. С. 493.

* Исследование выполнено в Балтийском федеральном университете им. Иммануила Канта за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00980 «Герменевтика классического текста как форма философской самоидентификации: Платон и его наследие от Античности до современной России», <https://rscf.ru/project/24-18-00980/>

форм аргументации. Средневековый платонизм сочетает в себе элементы среднего платонизма и неоплатонизма: дуалистическая оппозиция божественного и временно-го, чувственного миров, который построен по образцу неизменных форм, часто выраженных в числах. Для средневекового платонизма характерно утверждение бессмертия души и знание умопостигаемых истин в сочетании с подозрением к бренному телу и недоверием к чувственному опыту. Платоническое мировоззрение доминирует в раннем средневековье вплоть до двенадцатого века, до времени открытия аристотелевских текстов, существенно переориентировавших схоластическую мысль. Например, интерес к Аристотелю «вытеснил» платоновского «Тимея», чтение которого в Парижском университете к 1255 г. перестает быть обязательным. Однако, платонизм находит отклик у многих теологов тринадцатого века, например через Псевдо-Дионисия Ареопагита. Для средневекового платонизма характерен акцент на самопознании как источнике философствования и использование формы диалога.

Ключевые слова: платонизм, средневековье, философия, теология, рецепция

ANATOLY KURBATOV, Saint Petersburg Theological Academy
(Saint Petersburg, Russia), Postgraduate

MEDIEVAL PLATONISM: STATEMENT OF THE RESEARCH QUESTION*

The term “Platonism” appeared in the seventeenth century. Medieval authors did not speak about Platonism, but rather about Plato and the Platonists. For example, they applied the term “Platonist” to supporters of the realism of universals or apologists for the extramental existence of ideas. John of Salisbury described Bernard of Chartres as “the foremost

* The research was carried out at Immanuel Kant Baltic Federal University with financial support of Russian Science Foundation, project No 24-18-00980 “Classical text hermeneutics as a form of philosophical self-identification. Plato and his heritage from Antiquity to modern Russia,” <https://rscf.ru/en/project/24-18-00980/>

Platonist of our time” when speaking of his theory of ideas. Medieval writers followed the principle of Cassiodorus: Plato is a theologian, an expert on the divine, eternal, immaterial and intelligible, and Aristotle is a logician, a classifier of forms of argumentation. Medieval Platonism combines elements of Middle Platonism and Neoplatonism: the dualistic opposition of the divine world and the temporal, sensory world, which is modeled on permanent forms, often expressed in numbers. Medieval Platonism was characterized by the assertion of the immortality of the soul and knowledge of intelligible truths, combined with suspicion of the mortal body and distrust of sensory experience. The Platonic worldview dominated the early Middle Ages until the twelfth century, until the discovery of Aristotle’s texts, which significantly reoriented scholastic thought. For example, interest in Aristotle “suppressed” Plato’s *Timaeus*, the reading of which was no longer required at the University of Paris by 1255. However, Platonism resonates with many thirteenth-century theologians, for example through Pseudo-Dionysius the Areopagite. Medieval Platonism was characterized by an emphasis on self-knowledge as a source of philosophizing and the using of a form of dialogue.

Keywords: platonism, Middle Ages, philosophy, theology, reception

КАРПУК АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ, Санкт-Петербургская духовная академия (Санкт-Петербург, Россия), магистрант

МЕЖДУ ПЛАТОНОМ И ХРИСТОМ: К ПРОБЛЕМЕ ХРИСТИАНСКОГО ПЛАТОНИЗМА*

Доклада сводится к проблеме латинского христианского платонизма: его роли и ценности не только в истории философии и христианства, но и европейской культуры

* Исследование выполнено в Балтийском федеральном университете им. Иммануила Канта за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00980 «Герменевтика классического текста как форма философской самоидентификации: Платон и его наследие от Античности до современной России», <https://rscf.ru/project/24-18-00980/>

в целом. Философско-теологические системы Гая Мария Викторина и Блаженного Августина являются ярким примером не только того, как синергия философского и теологического гениев способствовала развитию систематического христианского богословия на западе в эпоху патристики, но и того, какие перспективы получает классическая философская мысль, находясь «на службе» у теологии. В докладе вновь актуализируется проблема взаимоотношения философского и теологического знания на примере краткого анализа тринитарной доктрины христианского богослова и философа Мария Викторина и ранних, так называемых «кассициакских», диалогов Блаженного Августина. Особый акцент делается на таких заимствованных из аристотелевской и неоплатонической философских традиций концепциях и идеях, как: самопознание, «δύναμις — ἐνέργεια», «δίτῃ ἐνέργεια». Вместе с тем, предпринимается попытка оптики философского и христианского опытов в качестве стимулов к созданию особой культурной среды, обладающей определенным ценностным и пайдеветическим потенциалом для современного общества.

Ключевые слова: христианский неоплатонизм, Гай Марий Викторин, Блаженный Августин, тринитарная доктрина, «кассициакские диалоги», самопознание, культура

Актуальность изучения «моделей», или наиболее ярких, образцов западной теологической мысли, созданных путем привлечения философского опыта античности, представленного в основном философией Платона, Аристотеля и Плотина, обусловлена прежде всего значимостью эпохи патристики в истории развития христианского богословия, а также необходимостью в том числе и рационального усвоения христианского вероучения современными христианами.

Целью настоящего краткого доклада является постановка проблемы взаимоотношения философии Платона и христианского Откровения на примере теолого-философских систем Гая Мария Викторина и Блаженного Августина.

Именно в патристическую эпоху, когда политическая и культурная инициативы были на христианской стороне, воз-

ника необходимость взаимодействия теологии и философии. Христианству требовалось не только собрать «обломки» старой культуры, вдохнув в них новую жизнь, но и ответственно разглядеть перспективу созиданию нового мира. Именно в это время христианство столкнулось со сложными и опасными попытками искажения собственных вероучительных истин (ересями), на которые требовалось дать не менее сложный ортодоксальный ответ. Два фактора: рождение нового христианского мира и упорное сопротивление собственной смерти мира языческого — обусловили собой эпоху, которую история христианской догматики именует переходной, эпоху, когда жили и творили такие выдающиеся христианские богословы и философы, как: Гай Марий Викторин, Блаженный Августин, Боэций и др.

Вплоть до сегодняшнего дня многие исследователи обращающиеся к теологическому и философскому наследиям Гая Мария Викторина и Блаженного Августина не могут дать четкого ответа на вопрос, кого в них было больше: философа или богослова. Конечно, христианская Церковь всегда видела в них исключительно богословов, однако отказать в высокой философской ценности и значении их сочинениям также невозможно. С нашей точки зрения дилемма решается просто: необходимо различать периоды творчества этих людей, а также отдавать себе отчет в тех задачах, которые они решили на протяжении своей жизни. В историю Церкви и патристической мысли Гай Марий Викторин вошел прежде всего как тот, кому первому удалось представить рационалистическую модель изложения христианского тринитарного догмата с помощью неоплатонических идей. Теология Блаженного Августина, изначально развивавшаяся в тесной зависимости от философской систем Платона и Плотина, которых он знал, вероятно, в латинских переводах Гая Мария Викторина, и вовсе стала стандартом западной теологии вплоть до эпохи Высокой схоластики и св. Фомы Аквинского.

В связи с этим главным приоритетом наших исследований является демонстрация взаимодействия опыта философии в условиях развития христианской догматической мысли на примере сочинений Гая Мария Викторина и Блаженного Авгу-

стина. Иными словами, нам следует показать, каким образом античный философский опыт был приспособлен к решению вопросов христианской догматики и к чему это привело в контексте формирования христианской европейской культуры.

ALEXANDER KARPUK, Saint Petersburg Theological Academy
(Saint Petersburg, Russia), MA student

BETWEEN PLATO AND CHRIST: ON THE PROBLEM OF CHRISTIAN PLATONISM*

The report deals with the problem of the Latin Christian Platonism: its role and value not only in the history of philosophy and Christianity, but also in the European culture as a whole. The philosophical and theological systems of Caius Marius Victorinus and Saint Augustine are a prime example of not only how the philosophical and theological geniuses cooperation contributed to the development of the Western systematic Christian theology during the Patristic era, but also of the perspective the classical philosophical thought gains while staying “in the service” of Theology. The relationship problem between philosophical and theological knowledge is actualized in the paper once more, using the brief analysis example of the trinitarian doctrine of the Christian theologian and philosopher Marius Victorinus and of the early, so-called “Cassiciacian,” dialogues of Blessed Augustine. Special emphasis is made on such concepts and ideas borrowed from Aristotelian and Neoplatonic philosophical traditions as: self-knowledge, “δύναμις — ἐνέργεια,” “διττῆ ἐνέργεια.” At the same time, an attempt is made to optiscise philosophical and Christian experiences as stimuli for a special cultural environment creation, which has a certain value and paideutic potential for the contemporary society.

Keywords: Christian Platonism, Caius Marius Victorinus, Saint Augustine, trinitarian doctrine, Cassiciacian dialogues, self-knowledge, culture

* The research was carried out at Immanuel Kant Baltic Federal University with financial support of Russian Science Foundation, project No 24-18-00980 “Classical text hermeneutics as a form of philosophical self-identification. Plato and his heritage from Antiquity to modern Russia,” <https://rscf.ru/en/project/24-18-00980/>

Гурьянов Илья Геннадьевич, кандидат философских наук; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва, Россия), доцент; Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Россия), старший научный сотрудник; Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта (Калининград, Россия), старший научный сотрудник

ОСОБЕННОСТИ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ ОБРАЗА ПЛАТОНА И ПЛАТОНИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ В «ПОСЛАНИЯХ» МАРСИЛИО ФИЧИНО*

Герменевтика философии Платона со времен Античности осуществлялась в разных жанровых формах со своими особенностями. Так, Аристотель часто толкует учение афинского мудреца в своих трактатах весьма критически и волюнтаристски; а в комментариях философов-неоплатоников мудрость основателя традиции обожествляется настолько, что едва ли не каждой строчке и иронической детали из диалогов Платона приписывается возможность вобрать в себя истины всех известных откровений и наук. Доклад посвящен жанровым особенностям «Посланий» Фичино — произведений «малой формы», которые, с одной стороны, были чрезвычайно значимы для коммуникативной ситуации в «республике ученых» и способствовали легитимации интереса к платонизму в раннее Новое время, а с другой — часто гораздо более рельефно, чем переводы, комментарии, трактаты и диалоги флорентийца, передают особенности его герменевтических стратегий при работе с образом Платона и платонической философией. В качестве примера будет рассмотрено послание “*Nobilitas, utilitas et usus medicinae.*” В начале произведения Фичино приводит пеструю россыпь имен античных поэтов, философов и врачей, а также свидетельства Писания, христианской агиографии и просто эрудитских сочинений с целью убедить читателя в том, что умение исцелять — это скорее дар Божий, чем человеческое изобретение. Примечания

* Исследование выполнено в Балтийском федеральном университете им. Иммануила Канта за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00980, <https://rscf.ru/project/24-18-00980/>

тельно, что в этом ряду Платон предстает лишь одним из авторитетов, выражающих общее согласие. Однако сравнение ряда формулировок послания с другими текстами Фичино показывает, что дело обстоит ровно наоборот: все данные «ссылки» должны подтвердить истинность платонической философии, как ее понимает флорентиец. Значение «божественного Платона» становится еще яснее благодаря про странной цитате из *Ti.* 89a–d, которая является философской кульминацией всего произведения: ведь перевод этого диалога еще не был опубликован Фичино. Завершается послание демонстрацией согласия среди врачей-современников флорентийца, представленных подлинными «платониками».

Ключевые слова: Платон, Фичино, герменевтика, ренессансный платонизм, жанр посланий

Ilya Guryanov, CSc in Philosophy; Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia), Associate Professor; Russian State University for Humanities (Moscow, Russia), Senior Research Fellow; Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russia), Senior Research Fellow

**THE HERMENEUTICS OF PLATO'S PHILOSOPHY
IN MARSILIO FICINO'S "EPISTOLAE:"
UNPACKING THE GENRE PECULIARITIES***

The interpretation of Plato's philosophy has been a multifaceted endeavor since Antiquity, with various genres and approaches yielding distinct insights. Aristotle's critiques of Plato's teachings in his treatises are notable for their critical and voluntaristic tone, while Neoplatonist commentaries often elevate Plato's wisdom to an almost divine level, attributing profound truths to even the most minor details in his dialogues. This paper focuses on the genre-specific features of Marsilio Ficino's "Epistolae," which, despite their brevity, played a significant role in the early modern period's renewed interest in Platonism and offer a unique window into Ficino's hermeneutical strategies. The epistle "Nobilitas, utilitas et usus medicinae" serves as a case study. Ficino begins the work by

* The research was carried out at Immanuel Kant Baltic Federal University with financial support of Russian Science Foundation, project No 24-18-00980, <https://rscf.ru/en/project/24-18-00980/>

invoking a diverse array of ancient authorities, including poets, philosophers, physicians, and scriptural references, to establish the divine origin of healing. Notably, Plato is presented as one of several authorities expressing general agreement, but a comparison with other Ficino's texts reveals that all these "references" are actually intended to validate Platonic philosophy as understood by Ficino. The significance of Plato's role is further underscored by a lengthy quotation from the "Timaeus" (89a-d), which is the philosophical climax of the work. This quotation is particularly noteworthy, as Ficino had not yet published his translation of the dialogue. The epistle concludes by demonstrating the agreement among contemporary physicians, who are portrayed as genuine "Platonists."

Keywords: Plato, Ficino, hermeneutics, Renaissance Platonism, *epistolae*

ГРАВИН АРТЁМ АНДРЕЕВИЧ, кандидат технических наук;

Социологический институт РАН Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия), старший научный сотрудник; Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (Москва, Россия), старший научный сотрудник; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), научный сотрудник

ДАВЫДОВ ТИХОН ГЕОРГИЕВИЧ, кандидат филологических

наук; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия), старший преподаватель; Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта (Калининград, Россия), младший научный сотрудник

ЯВЛЕНИЕ НЕЯВЛЕННОГО: К ВОПРОСУ ОБ ОДНОМ ПРИНЦИПЕ ДИАЛЕКТИКИ А. Ф. ЛОСЕВА*

В рамках доклада будет рассмотрена философская система А. Ф. Лосева периода первого «восьмикнижия» (1920-е — 1930-е гг.) в методологической перспективе. Внимание будет

* Исследование выполнено в Балтийском федеральном университете им. Иммануила Канта за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00980, <https://rscf.ru/project/24-18-00980/>

акцентировано на часто воспроизводимой Лосевым диалектической схеме явления неявленного и её роли как в системе в целом, так и в отдельных работах мыслителя. В качестве анализируемого материала будут использованы работы «Диалектика мифа», «Дополнение к «Диалектике мифа»», «Вещь и имя» и «О единстве онтологии». В докладе будет выявлен концептуальный и типологический потенциал рассматриваемой диалектической схемы, а также проанализирован «неоплатонический» контекст её формирования. Отдельно будет рассмотрен вопрос о степени влияния идей П. А. Флоренского на формирование данного положения диалектической методологии А. Ф. Лосева.

Ключевые слова: диалектика, всеединство, философия А. Ф. Лосева

ARTYOM ANDREEVICH GRAVIN, CSc in Technics; Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russia), Senior Researcher; A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), Senior Researcher; National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), Researcher
TYCHO DAVYDOV, CSc in Philology; Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), Senior Lecturer; Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russia), Junior Researcher

THE MANIFESTATION OF THE UNMANIFEST: TOWARD A PRINCIPLE OF A. F. LOSEV'S DIALECTIC*

This report will examine A. F. Losev's philosophical system of the first "eight books" period (1920s–1930s) from a methodological perspective. Attention will be focused on the dialectical scheme of the manifestation of the unmanifest, often reproduced by Losev, and its role both in the system as a whole and in individual works of the thinker. The works "Dialectics of Myth," "Supplement to

* The research was carried out at Immanuel Kant Baltic Federal University with financial support of Russian Science Foundation, project No 24-18-00980, <https://rscf.ru/en/project/24-18-00980/>

‘Dialectics of Myth’, “Thing and Name” and “On the Unity of Ontology” will be used as analyzed material. This report will identify the conceptual and typological potential of the dialectical scheme in question, and analyze the “Neoplatonic” context of its formation. The question of the degree of influence of P. A. Florensky’s ideas on the formation of this provision of A. F. Losev’s dialectical methodology will be considered separately.

Keywords: dialectics, all-unity, philosophy of A. F. Losev

БИРЮКОВ ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ, доктор философских наук, Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта (Калининград, Россия)

СОБОРНОСТЬ: РОЖДЕНИЕ ПОНЯТИЯ И ЕГО СМЫСЛА*

В статье предлагается взгляд на внутреннюю структуру концепта соборности, заложенную при ее возникновении: смысловое ядро этого понятия и наложенные на него линии-драйверы, определяющие векторы развития этого понятия в материи истории. Для этого детально прослеживается зарождение этого концепта сначала как идеи у Киреевского и Хомякова, а потом как понятия в славянофильском кругу. Выявляется платонический бэкграунд, имевший место при зарождении концепта.

Ключевые слова: соборность, А. С. Хомяков, И. В. Киреевский

Понятие соборности стремительно ворвалось в еклесиологический дискурс в русской мысли во второй половине XIX века. Затем, с середины XX в. через протагонистов II Ватиканского собора, находившихся в контакте с русской богословской диаспорой в Европе, это понятие стало входить и в католическую еклесиологию. Богословы и исследователи истории богословской мысли часто не осознают, что «соборность» имела свою судьбу также и на параллельном поле — поле светской русскоязычной культуры. Действительно, понятие соборности играло заметную роль в русскоязычной культуре Серебряного века и начала советской эпохи — в философии сознания, языка,

* Исследование выполнено в Балтийском федеральном университете им. Иммануила Канта за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00980, <https://rscf.ru/project/24-18-00980/>

политики, в теориях творчества и искусства, в размышлениях о природе театра и кино.¹ Причем, так же как на богословском поле, на поле светских наук это понятие преодолело привязку к культуре породившего его языка и вошло в узус иноязычной академической культуры. А именно, «соборность» вошла в учение о социальном праве Георгия Гурвича (*Georges Gurvitch*, 1894–1965), одного из ведущих французских социологов XX в., и через него стало обсуждаемым во французской и мировой философии права и фундаментальной социологии.²

«Соборность» сначала возникла в русской философии как некая философская и богословская интуиция, и уже затем появился термин, эту интуицию обозначающий.³ Соответству-

¹ См.: Rosenthal B. G. *Transcending Politics: Vyacheslav Ivanov's Visions of Sobornost'*, California Slavic Studies, Volume XIV, 1992, 147–170; Rosenthal B. G. *Lofty Ideals and Worldly Consequences: Visions of Sobornost' in Early Twentieth Century Russia // Russian History* 1993, Vol. 20, No. 1/4, Festschrift for Nicholas Riasanovsky, pp. 179–195; Левченко, Я. С. *Другая наука: Русские формалисты в поисках биографии*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 263–265; Seifrid Th. *Staging the absolute: ritual in Russia's modern era*. University of Toronto Press, 2024. P. 346; Шевеленко И. *Модернизм как архаизм: национализм и поиски модернистской эстетики в России*. М.: Новое литературное обозрение, 2017; Обатнин Г. *Иванов-мистик (Оккультные мотивы в поэзии и прозе Вячеслава Иванова (1907–1919))*. М.: Новое литературное обозрение, 2000. С. 10–11, 19, 116, 137–146, 163–164, 172–173.

² См.: Le Goff J. *Georges Gurvitch. Le pluralisme créateur*. Paris: Michalon (coll. “Le bien commun”), 2012. P. 15–16, 49–50; Navarro-Ugé G. *L'idée de droit social de Georges Gurvitch: la société comme source de droit*. Droit. Université Panthéon-Sorbonne — Paris I, 2021. P. 264–265.

³ В целом см.: Лурье В. М. «Соборность»: появление термина и понятия в трудах Псевдо-Хомякова // Хомяков А. С. *Полное собрание сочинений и писем: В 12 т. Т. 8: Богословские сочинения: Церковь одна; Quelques mots par un chrétien orthodoxe sur les communions occidentales à l'occasion d'une brochure de M. Laurentie*. Издание подготовили В. М. Лурье, Флоран Мушар и А. П. Дмитриев; научный редактор А. П. Дмитриев. СПб.: Росток, 2021. С. 177–192.

ющая философская и богословская интуиция в более-менее эксплицированном виде появилась по крайней мере у «старших славянофилов» — Ивана Киреевского и Алексея Хомякова; ее оформление в виде термина «соборность» произошло благодаря последователю Хомякова — Ю. Ф. Самарину.

Иван Киреевский

В текстах Ивана Киреевского можно обнаружить интуицию, в связи с которой Анджей Валицкий говорит об универсализме в его теории познания.⁴ В поздних сочинениях Киреевского, как правило, в контексте его размышлений вокруг центральной для него интуиции необходимости непосредственного цельного живого знания, возникает мысль об ущербности познания, когда оно производится отдельным индивидом. Согласно этой интуиции Киреевского, полноценным является познание и убеждения, приобретаемые общественно, в согласии с коллективным разумом. Киреевский говорит об этом и просто как о эпистемологическом принципе общего характера (как в «О необходимости и возможности новых начал для философии», 1856),⁵ и в церковно-вероучительном контексте, который волновал Киреевского сильнее всего. В послед-

⁴ Walicki Andrzej. The Slavophile Controversy. History of a Conservative Utopia in Nineteenth-century Russian Thought. Clarendon Press, 1975, 156–157; Валицкий А. В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства / пер. с польск. К. Душенко. М.: Новое литературное обозрение, 2019. С. 198–199.

⁵ «Философия, которая не хочет оставаться в книге и стоять на полке, но должна перейти в живое убеждение, — должна также и развиваться из живого взаимно-действия убеждений, разнообразно, но единомышленно стремящихся к одной цели. Ибо все, что есть существенного в душе человека, вырастает в нем только общественно. Потом необходимо, чтобы личные убеждения пришли не в предположительное, но в действительное столкновение с вопросами окружающей образованности» (О необходимости и возможности новых начал для философии // Киреевский И. В. Полное собрание сочинений: В 3 т. Т. 3: 1850–1856 / Сост. А. Н. Николюкина. СПб.: Росток, 2018. 117–118).

нем случае выход из этой ограниченности индивидуального сознания Киреевский видит, с одной стороны, в восприятии божественного откровения, и с другой, в духовном общении с людьми, составляющими полноту Церкви, в присоединении к церковному общему делу — как Киреевский пишет в «Отрывках», опубликованных после его смерти Хомяковым (1857).⁶

Эта философская интуиция Киреевского соответствует платоноцентрической историко-философской линии, намеченной им в «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России» (1852) и развитой в «О необходимости и возможности новых начал для философии», где византийская ортодоксальная богословская и аскетическая мысль связывается с платонической линией в истории философии, а западно-европейская католическая — с аристотелевской,⁷ при том что для платонизма, согласно Киреевскому, характерна цельность в отношении познания,⁸ тогда как аристотелизм, с его рассудочностью, не может вывести человека за границы его личных интересов.⁹

*Хомяков, «По поводу отрывков,
найденных в бумагах И. В. Киреевского»*

Философская интуиция, подобная проводимой Киреевским, обнаруживается и у Алексея Хомякова, которую послед-

⁶ «... Нет такого неразвитого сознания, которому бы не под силу было проникнуться основным убеждением христианской веры.... Нет такого тупого ума, который бы не мог понять своей ничтожности и необходимости высшего откровения... Как бы ни мало было развито это сознание, но он знает, что во внутреннем устройстве души своей он действует не один, и не для одного себя; что он делает общее дело всей Церкви, всего рода человеческого, для которого совершилось искупление и которого он только некоторая часть» (Там же. С. 144–145).

⁷ Киреевский И. В. Полное собрание сочинений: В 3 т. Т. 3... С. 29–30. См.: Бирюков Д. С. Перипетии византизма в русской мысли середины XIX — начала XX вв. Часть 1: А. И. Герцен, А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, Т. И. Филиппов // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 6, № 1. С. 47–49.

⁸ Там же. С. 28–29.

⁹ Там же. С. 103.

ний развивал, с одной стороны, опираясь на идеи Киреевского, а с другой стороны, разделяя с Киреевским учение о живом знании. Так же как Киреевский, Хомяков настаивает на принципиальной ущербности знания, достигаемого единичным, отдельным сознанием. Философским контекстом для этого является следующее. В своем послесловии к посмертному изданию «Отрывков» Киреевского (1857) Хомяков, следуя подходу Киреевского, делает краткий очерк хода развития философии. Ведя речь про «германскую философию», Хомяков рассматривает Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля, и делает краткий набросок соотношения в их учениях между непосредственным бытием человека, его действительностью, и рассудочной формулой, предлагаемой той или иной философской системой. Как и Киреевский, Хомяков утверждает, что бичом немецкой идеалистической философии является ее рассудочность и рационализм, что значит то, что познаваемое отражается в рассудке без своей действительности, но лишь в отвлеченности.¹⁰ Впрочем, согласно Киреевскому и Хомякову, рассудочность и рационализм — характеристика западно-европейского типа цивилизации как такового. Системы Шеллинга и Гегеля приближаются к границам этого рационализма; в них рационализм ударяется и расширяется о свои границы,¹¹ но не преодолевает их, поскольку «германский ум влюблен в свое рассудочное мышление».¹² Чтобы преодолеть эту замкнутую на себя влюбленность, нужно признать, что безусловный всецелый Дух не подвержен становлению, а значит, временности и несовершенству. Безусловный Дух обладает полнотой бытия, а человек только частичным существованием; он не является в собственном смысле сущим, но — только стремящимся быть, при том что остановка этого стремления есть внутренняя смерть.¹³

¹⁰ Хомяков А. С. По поводу отрывков, найденных в бумагах И. В. Киреевского // Хомяков А. С. Полное собрание сочинений Алексея Степановича Хомякова. Издание 3-е, дополненное. Том 1. М.: Университетская типография, 1900. С. 275, 277–278.

¹¹ Там же, 266, 269.

¹² Там же, 271.

¹³ Там же.

Однако, говорит Хомяков, человек имеет способ и выхода за границы своей частичности. Он может посредством других частных сущих «пополнять свою ограниченность». Но такое пополнение будет возможно только если оно будет происходить не через внешнее усвоение другого частного бытия, но если человек будет делать это жертвенно забывая интересы своей частичности, то есть силой любви не к себе, а к другим, любви, дающей «преизбыток расширяющейся жизни». Если же человек останавливается в такого рода стремлении к бытию, то он «заключается в самого себя, как в гроб».¹⁴

Ближе к концу сочинения Хомяков обращается к эпистемологической проблематике и говорит, что имеется такой вид знания, которое не есть знание рассудка. Это знание не отвлечено от действительности познаваемого, но проникнуто этой действительностью, и ухватывает ее связь действительностью Первоначала.¹⁵ Такое знание — внутреннее, живое и непосредственное.¹⁶ Оно соответствует «непосредственному знанию (*das unmittelbare Wissen*)», как о нем вели речь и некоторые немецкие философы. Это — зрячесть разума; также его нередко называют верой. Хомяков рассуждает о понимаемой так вере в широком контексте 1 *Кор* 13 апостола Павла, соединяя дискурс Павла с терминологией немецкого идеализма. Эта вера есть «видение как бы в стекле», т. е. все равно ограниченное знание, не окончательное развитие всецелого Духа. И далее, обращаясь к более широкому контексту 1 *Кор* 13, Хомяков развивает далее язык любви, играя в этой связи с некоторыми темами Павла. Любовь здесь приобретает у Хомякова инструментальный характер, будучи понимаема как коммуникативная сила, увеличивающая эпистемологическое качество. Хомяков говорит, что это внутреннее знание-вера строится по закону любви; любовь между обладающими частичным бытием человеческими существами оказывается условием приобретения человеком, в его сотрудничестве с другими

¹⁴ Там же, 272.

¹⁵ Там же, 278–279.

¹⁶ Там же, 279–280.

людьми, живого знания-веры, являющего полноту и истину. Любовь творит общение, и в общении «растет, крепнет и совершенствуется». «Общение любви не только полезно, но вполне необходимо, для постижения истины. ... Недоступная для отдельного мышления, истина доступна только совокупности мышлений, связанных любовью».¹⁷ Можно сказать, что эти мысли является кодой всего текста Хомякова.

Таким образом, мы видим здесь авторское развитие Хомяковым того эпистемологического воззрения, которое в сжатом виде проговаривалось Киреевским, а именно, воззрения о том, что *познание, производимое отдельным индивидом, является ущербным, тогда как только коллективно достигаемое познание может быть полноценным*. Я называю этот подход *принципом гносеологического коммунитаризма*.

Хомяков подводит к этой мысли сочетая язык немецкой идеалистической философии с концептами, заложенными в послании апостола Павла. Он эскизно очерчивает развитие европейской философии и представляет коммуникативный способ познания в взаимной любви как выход из тупика этой философии, вершиной которой является немецкий идеализм.

*Хомяков и Мёлер: принцип
органического единства во множестве*

На мой взгляд, эта философская интуиция играла существенную роль или даже нередко выступала базисом для специфических богословско-экслезисологических положений Хомякова, таких как его позиция относительно Церкви как авторитета, дискурс Церкви как личности-организма, а также учение о значении прилагательного «соборная», прикладываемого к Церкви в Символе веры. Еще одной философской интуицией, игравшей важную роль в экслезисологии Хомякова, хорошо сочетавшейся с описанной выше интуицией коммуникативного познания, является интуиция органического единства во множестве, заимствованная Хомяковым (прямо

¹⁷ Там же, 283.

или же опосредованно через Ю. Ф. Самарина) у Адама Мёлера и восходящая к немецкому идеализму.¹⁸ Как правило, в еkkлесиологических построениях Хомякова эти две философские интуиции сочетались с риторикой божественной благодати, выводящей данный еkkлесиологический дискурс за границы философии и делающей его собственно богословским.

Французские брошюры Хомякова

Так, в рамках проводимого в 1-й брошюре (1853) известного противопоставления Церкви как внутренней реальности и авторитета как чего-то внешнего, Хомяков пишет, что первый принцип, относящийся к Церкви, — это то, что “l’ignorance est l’apanage de tout individu comme le peche, et que l’intelligence n’appartient qu’a l’unite de tous les membres de l’Eglise, de même que la sainteté parfaite”¹⁹ («неведение есть удел каждого лица в отдельности так же, как грех, и разумение, равно как и совершенная святость, принадлежат лишь единству всех членов Церкви»²⁰). Действительно, если полнота познания принадлежит органическому единству всех членов Церкви, то принцип иерархического авторитета в Церкви перестает играть роль. Хомяков здесь, в контексте еkkлесиологической риторики, кратко выражает тот же принцип гносеологического коммунитаризма, который позже развернул в тексте «По поводу отрывков Киреевского».

¹⁸ См.: Титова А. О. Мёлер и Хомяков // Русское богословие: исследования и материалы / ред. Н. Ю. Сухова, прот. П. Хондзинский, А. Б. Григорьев. М.: Изд-во ПСТГУ, 2014. С. 48–76; Она же. Ересь против Церкви: И. А. Мёлер и А. С. Хомяков как полемисты // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2018. Вып. 84. С. 77–95. Ср. Лурье В. М. Комментарии // Хомяков А. С. Полное собрание сочинений и писем: В 12 т. Т. 9. С. 708–712.

¹⁹ Khomiakov A. Quelques mots par un chrétien orthodoxe sur les communions occidentales à l’occasion d’une brochure de M. Laurentie // Хомяков А. С. Полное собрание сочинений и писем: В 12 т. Т. VIII... С. 84.

²⁰ Пер. Ю. Ф. Самарина // Там же, с. 147.

С этим же мотивом связано появление понятия соборности в русской религиозно-философской и публицистической литературе. В 3-й брошюре («Еще несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях», 1858) Хомяков, полемизируя с известным представителем русского католичества иезуитом Иваном Гагариным, обвиняет католиков в том, что католицизм («романизм»), настаивая на значимости собственного частного, регионального богословского мнения восстал против догмата церковной *l'universalité*, предполагающего согласие всех христиан, которому следовали даже и еретики древней Церкви. Именно таков церковный догмат о естестве Церкви и о вере Церкви в себя:

L'explication de ce fait est bien simple, comme je l'ai déjà montré dans ma première brochure. «Les hérésies anciennes étaient des erreurs dans le dogme révélé, soit de la nature intime de Dieu, soit de ses rapports avec la nature humaine; mais, tout en faussant la doctrine traditionnelle, elles prétendaient lui rester fidèles. Elles étaient des erreurs plus ou moins coupables, mais des erreurs individuelles qui n'attaquaient pas le dogme de l'universalité ecclésiastique, et voulaient prouver leur vérité par le consentement de tous les chrétiens. Le romanisme, en remplaçant l'unité de la foi universelle par l'indépendance de l'opinion individuelle ou diocésaine (car l'infailibilité papale n'est venue que plus tard), a été la première hérésie contre le dogme de la nature de l'Eglise ou de sa foi en elle-même.»²¹

²¹ Khomiakov A. Encore quelques mots, par un chrétien orthodoxe, sur les communions occidentales: À l'occasion de plusieurs publications religieuses latines et protestantes // Хомяков А. С. Полное собрание сочинений и писем: В 12 т. Т. 9: Богословские сочинения: Quelques mots, par un chrétien orthodoxe, sur les communions occidentales: À l'occasion d'un Mandement de Mgr. l'Archevêque de Paris; Encore quelques mots, par un chrétien orthodoxe, sur les communions occidentales: À l'occasion de plusieurs publications religieuses latines et protestantes / Издание подготовили В. М. Лурье и Флоран Мушар; научный редактор А. П. Дмитриев. СПб., 2021. С. 181.

Очень простое объяснение этому факту я уже дал в первой моей брошюре.²² «Древние ереси заключали в себе заблуждения в откровенном догмате о внутреннем естестве Божиим или об отношении Его к естеству человеческому, но, искажая преданное учение, эти ереси предполагали, однако, что остаются ему верными. Это были заблуждения более или менее преступные, но заблуждения личные, не восстававшие против догмата церковной l'universalité,²³ а, напротив, охотно ссылавшиеся, в доказательство своей мнимой истинности, на согласие всех христиан. Романизм, поставив на место единства соборной веры независимость личного или областного мнения (ибо папская непогрешимость придумана была позднее), явил себя *первою ересью против догмата о естестве Церкви или о вере Церкви в себя*».²⁴

Самарин и появление термина «соборность»

Ю. Ф. Самарин, редактируя черновой перевод этой брошюры Хомякова с французского языка на русский, совершенный Н. П. Гиляровым-Платоновым, перевел французское *universalité*, обозначающее здесь согласие всех представителей некоторой общественной группы, в данном случае всех христиан, довольно редким словом «соборность», не использовавшимся ранее, в качестве существительного, в подобном значении. При переводе брошюр Хомякова, Самарин, совершив некоторое насилие над текстом Хомякова, использовал это

²² См. замечание В. М. Лурье к этому месту: «В этом месте третьей брошюры Хомяков цитирует сам себя, свою первую брошюру, но делает это в своей обычной манере: помещает внутри кавычек текст, далекий от дословного соответствия источнику, и еще хорошо, если вообще узнаваемый. Хомяков поступает так при цитировании других авторов, но не делает исключения и для себя самого» (Лурье В. М. «Соборность»: появление термина... С. 186).

²³ В переводе Ю. Ф. Самарина: «соборность».

²⁴ Перевод с франц. Ю. Ф. Самарина под ред. В. М. Лурье, цит. по изд.: Хомяков А. С. Полное собрание сочинений и писем: В 12 т. Т. IX... С. 283, с изменением.

слово еще два раза в контексте, несущем подобные коннотации взаимного согласия всех представителей. Таким образом само понятие соборности с коммунитарными коннотациями, ставшее настолько влиятельным в последующей русской мысли, технически возникло благодаря Самарину — редактору и переводчику текстов Хомякова. Однако Самарин ввел это понятие не на пустом месте, а для выражения действительной, достаточно специфической и определенной идеи Хомякова, базирующейся на его философской интуиции и имеющей важные для своего времени богословские приложения.

«Соборная» Церковь у Хомякова

Сам же Хомяков, не используя понятие соборности (в качестве существительного), но детально обсуждал прилагательное «соборный». Полемизируя с Гагариным, он настаивал на специфическом значении слова «соборная» (καθολικός), прилагаемого к Церкви в символе веры, характерном, по его мнению, по крайней мере для русской традиции. На самом же деле, это понимание Хомяковым «соборного», хотя несет в себе некоторые традиционные элементы, достаточно современно. Обсуждая привычное понимание греческого καθολικός относительно Церкви из Символа веры в смысле всемирности — то есть распространенности Церкви по всем земным пределам, Хомяков настаивает, что Кирилл и Мефодий в древнем славянском переводе Символа веры не зря использовали именно слово «соборный», поскольку «собор выражает идею собрания не только в смысле проявленного, видимого соединения многих в каком-либо месте, но и в более общем смысле всегдашней возможности такого соединения, иными словами: выражает идею единства во множестве... Церковь католическая есть Церковь по всему или по единству всех καθ' ὅλον τῶν πιστευτῶν, Церковь свободного единодушия, единодушия полного».²⁵ Раскрывая здесь свое понимание слова «соборная», прилагаемого

²⁵ Полное собрание сочинений Алексея Степановича Хомякова. Том второй. Издание третье. С портретом А. С. Хомякова. М., 1886. С. 326–327.

к Церкви, Хомяков обращается ко второй важной для него философской интуиции (помимо принципа гносеологического коммунитаризма), о которой я упоминал выше, — интуиции единства во множестве: Церковь соборная в том смысле, что для нее характерно единство во множестве.

Ходу мысли Хомякова в этом отношении нельзя отказать в определенной логике; его мысль не сводится лишь к известному влиянию эклесиологического органицизма Мёлера. Действительно, в соответствующем месте обсуждаемого Хомяковым и Гагариным Никео-Цареградского символа веры, сформулированного на II Вселенском соборе (381 г.), используется слово *καθολικός*, отсылающее в данном контексте к географической вселенности Церкви. В русском переводе этого символа веры это слово оказалось передано через понятие «соборный». Однако и к тому времени, и тем более ко времени Хомякова в византийской Церкви выкристаллизовался в качестве универсального принцип принятия догматов на церковных *соборах* (понятию «собора» в этом смысле соответствует греческое *Σύνοδος*). Поэтому Хомякову было легко проассоциировать слова из славянского символа веры о *соборной* Церкви с соборным — в смысле церковных соборов, т. е. согласного и единого решения собравшихся на церковный собор епископов — принципом принятия вероучительных положений в Церкви. А отсюда — один шаг до мысли о Церкви как согласии и единстве множества верующих как таковых.²⁶

²⁶ Этот ход мысли Хомякова в его полемике с о. Гагариным, предполагающий единомыслие всех верующих Церкви, а не только епископов, вызвал ответную критику Гагарина, выраженную в его письме к Самарину: «...Возьмите потом эти брошюрки Хомякова, печатанные за границей, о которых Вы говорите с таким чрезмерным восторгом, и прочтите, как он обходится со Вселенскими Соборами. Вы увидите, что он ставит окончательное решение споров церковных не на самом Соборе, состоящем из пастырей, а в согласии всех верных, т. е. в какой-то всеобщей подаче голосов» (Письмо отца Гагарина, священника общества Иисусова, Юрию Федоровичу Самарину в ответ на письма, напечатанные в журнале «День» // Символ. 1982. № 7. С. 186).

Соборность: вскоре после рождения

Федор Самарин, друг и последователь Хомякова в славянофильстве, а также редактор русского перевода его французских брошюр, где понятие соборности появилось впервые, и именно в еклесиологическом контексте, — был тем, кто вывел «соборность» за границы еклесиологии. Самарин стал говорить о соборности в отношении «славянства» («Современный объем польского вопроса», 1877), вкладывая в соборность почвеннические и националистические коннотации. Таким образом, Самарин задействовал романтический элемент в хомяковской соборности, понимая соборность как некую предзаданную коллективную цельность (цельность славянской нации). В то же время историку Оресту Миллеру оказалась близка, наоборот, демократическая линия в хомяковском описании соборного начала в Церкви. Он рассматривал учение славянофилов о соборности через эту оптику в различных моментах русской истории (работы 1880-х гг.: «Основы учения первоначальных славянофилов» и «Новый труд о Феофане Прокоповиче»). Нередко же апроприация соборности тем или иным мыслителем включала в себя каждую из указанных линий, но одна из них оказывалась ведущей и выражала позицию автора на важном для него поле. Либо же обе линии в соборности находили свое проявление, но в разных отношениях.

Контуры истории соборности:

эгалитарная и тотально-коллективистская линии

Тексты Хомякова проникали в русское общество со значительными цензурными препятствиями и становились общественно известными претерпевая определенные затруднения. Но в итоге они, спустя десятилетия после смерти Хомякова, резонировали с духом наступившего времени, и вдруг стали очень читаемыми. В результате понятие «соборности», фигурировавшее у самого Хомякова в качестве идеи (философской и богословской) и в качестве прилагательного, субстантивированного после смерти Хомякова Юрием Самариним, вошло

в узус русской публицистической и философской литературы конца 19 в. вместе с коннотациями, заложенными в это понятие Хомяковым и Самариним. Самарин, друг и последователь Хомякова в славянофильстве, а также редактор русского перевода его французских брошюр, где понятие соборности появилось впервые, в экклесиологическом контексте, — был тем, кто вывел «соборность» за границы экклесиологии. Самарин стал говорить о соборности в отношении «славянства» («Современный объем польского вопроса», 1877), вкладывая в соборность почвеннические коннотации. Таким образом, Самарин задействовал романтический элемент в хомяковской соборности, понимая соборность как некую предзаданную коллективную цельность (цельность славянской нации).

На церковном поле начальная история соборности связана с актуализацией ее эгалитарной составляющей. Действительно, общественный запрос на демократизацию в Российской Церкви соединился с этой заложенной Хомяковым эгалитарной линией в соборности в развернувшейся на основе этого понятия, начиная с 1880-х гг., обширной дискуссии о способе управления в Церкви. Эта дискуссия вылилась в Поместный собор РПЦ 1917–1918 гг., принципы которого эксплицитно основывались на хомяковской соборности и ее демократическом заряде.²⁷ Таким образом, эгалитарная линия в соборности проявилась в экклесиологических учениях православных, а затем католических богословов XX в. Эта линия (не в чистом виде, а в качестве разбавившей и трансформировавшей традиционный экклесиологический иерархизм) так или иначе сочеталась в них со второй из указанных мною, коллективистской линией. Различные конфигурации сочетания этих линий при использовании дискурса соборности или производных от него присутствуют в экклесиологиях о. Сергия Булгакова, о. Георгия Флоровского, о. Александра Шмемана, в евхаристической

²⁷ Cp: Destivelle H., O. P The Moscow Council (1917–1918): the creation of the conciliar institutions of the Russian Orthodox Church / Ed. by M. Plekon and V. Permiakov, transl. by J. Ryan, Notre Dame IN, University of Notre Dame Press, 2015. P. 8–19, 37; Shevzov V. Russian Orthodoxy on the Eve of Revolution. Oxford, 2004, P. 49–53.

эксклезиологии о. Николая Афанасьева, у о. Иоанна Зизиуласа (в той мере, в какой он отталкивался от Афанасьева) и др. Среди католических богословов — у Ива Конгара, в догматической конституции *Lumen gentium*²⁸ и др.

Заключение

Таким образом, риторика Хомякова о полноценности лишь коллективного познания, приложенная к Церкви, была связана с определенными исторически обусловленными линиями и интенциями. Это, во-первых, линия, направленная против представления о церковной иерархии как наделенной внешним, формальным авторитетом учительства. В этом отношении соборное начало в Церкви в понимании Хомякова предполагает, что в коллективное усилие познания истины включены все верующие в Церкви, а не только верующие церковные иерархи, что, через Киреевского, связано с платоническим дискурсом. В проекции на политическое поле эта линия соответствует прямой демократии и руссоистской теории общественного договора. В проекции на социологическое поле эта линия соответствует плоской социальной онтологии. Во-вторых, ведя речь о выявлении истины в Церкви коллективным усилием всех верующих, Хомяков использует дискурс немецкого романтизма, в частности, учение Адама Мёлера о Церкви как органическом единстве во множестве. Эта линия, в отличие от первой, предполагает особую субъектность (тотальность) коллективного.

На мой взгляд, вся последующая история соборности раскладывается на эти три составляющие, проявленные у Хомякова. То есть на следующие составляющие: а) ядро концепции соборности: представление об ущербности и неполноте индивидуального познания и полноте лишь познания коллективного. И линии, наложенные на это ядро: б) антиие-

²⁸ См.: Лурье В. М. Комментарии // Хомяков А. С. Полное собрание сочинений и писем: В 12 т. Т. 9... С. 731–732; Фарруджа Э., свящ. «Соборность»: православный термин в сердце Римско-католической эксклезиологии // Вестник Свято-Филаретовского института. 2023. Вып. 47. С. 140–180.

рархическая эгалитарная линия, предполагающая в рамках коллектива плоскую социальную онтологию и прямую демократию, и в) романтическая линия, предполагающая субъектность (тотальность) коллективного. Эти две последние линии логически не противоречат друг другу, но они и не являются однонаправленными. Наложённые на материю истории они тяготеют в разные стороны, к разным полюсам. Можно сказать, что дальнейшая извилистая история соборности отражает это напряжение разнонаправленности, заложенное внутри самого понятия.

DMITRY BIRIUKOV, DSc in Philosophy; Immanuel Kant
Baltic Federal University (Kaliningrad, Russia)

SOBORNOST'*: THE GENESIS OF THE NOTION AND ITS MEANING

The article offers a glimpse into the internal structure of the concept of *sobornost'* as it was originally conceived: the semantic core of this notion and the superimposed driver-lines that determine the vectors of its development within the fabric of history. The genesis of this concept is traced in detail, first as an idea in the works of Kireevsky and Khomyakov, and then as a fully formed concept within the Slavophile circle. The Platonic background present at the concept's inception is revealed.

Keywords: *sobornost*, A. S. Khomyakov, I. V. Kireevsky

* The research was carried out at Immanuel Kant Baltic Federal University with financial support of Russian Science Foundation, project No 24-18-00980, <https://rscf.ru/en/project/24-18-00980/>

ВЫДЕЛЕННАЯ СЕКЦИЯ: «ЕВРЕЙСКАЯ ДУХОВНАЯ ТРАДИЦИЯ И СОХРАНЕНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ: ОТ БИБЛЕЙСКОЙ ЭПОХИ К СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ»

ТАНТАЛЕВСКИЙ ИГОРЬ РОМАНОВИЧ, доктор философских наук, профессор; Институт теологии СПбГУ (Санкт-Петербург, Россия), профессор, заведующий Кафедрой еврейской культуры

ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ЭКЛОГЕ IV «БУКОЛИК» ВЕРГИЛИЯ И ФИЛОДЕМ ИЗ ГАДАРЫ*

Нельзя исключать возможности того, что Вергилий мог познакомиться с элементами библейского пророческого эсхатологизма, в том числе Исаяи (естественно, в формулировках античной образности), через Филодема из Гадары, чью эпикурейскую школу в Геркулануме он, судя по папирусу *P. Herc. Paris. 2*, посещал. Гадара была взята около 97 г. до н. э. иудейским первосвященником и царем Александром Яннаем (*Antt.*, XIII, 356, 396; *VJ*, I, 87), а его население было поголовно иудаизировано (ср., например: *Antt.*, XIII, 396). Таким образом, кем бы по этническому происхождению ни был Филодем, он уже в детстве (ранней юности) должен был исповедовать иудаизм. Книги Пророков были к тому времени минимум лет сто как канонизированы и признаны в иудаизме священными, их следовало читать и изучать, поэтому Филодему их содержание должно было быть известно детально.

Ключевые слова: эпикурейская школа Геркуланума, Филодем из Гадары, Вергилий, IV эклога «Буколик», библейская профетическая эсхатология

* Исследование выполнено в Санкт-Петербургском государственном университете за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00479 «Еврейская духовная традиция и сохранение идентичности: от Библейской эпохи к современной России», <https://rscf.ru/project/24-18-00479/>

В Эклоге IV (создана, вероятно, в 40 г. до н. э.) своих «Буколик» Вергилий изображает наступление благодатного нового мира — золотого века (досл.: «золотого рода»; *gens aurea*) «Сатурного царства», используя аллегорию порождения (ср. особенно строки: 8, 60–61) «Девой» (*Virgo*; также: «молодая женщина»¹) «мальчика» (*puer*; также: «ребенок», «дитя»), который будет приобщен к жизни «богов» и «героев» (15–16). Сей «муж» (*vir*; 37) «будет править страной в мире (*pacatumque reget patriis*)» (17); мир же полностью преобразится, станет благодетным и справедливым не только в отношении людей, но даже животного мира и природы (19–30, 38–45).

Издревле высказывались спекулятивные предположения о том, что Вергилий мог быть знаком с пророчествами Исайи — прежде всего стихами *Ис.* 7:14–15, 9:5–6[6–7] и 11:1–9 — через некое утраченное предсказание кумской Сивиллы (ср.: Эклога IV, 4 и Оракулы Сивиллы III, 652–795). Однако иудейские параллели представляются действительно знаменательными, и, как кажется, можно было бы допустить следующее предположение об их происхождении.

В 45–42 гг. до н. э. Вергилий обучался в Неаполе в эпикурейской школе Сирана (ум. в 42 г. до н. э.), ученика Зенона Сидонского (около 150–75/70 гг. до н. э.). Судя по папирусу *P. Herc. Paris.* 2, он со своими товарищами (Марком Плотием Туккой, Луцием Варием Руфом и Квинтилием Варом) посещал также эпикурейскую школу другого ученика Зенона из Сидона, Филодема из Гадары (110/100–40/35 гг. до н. э.), располагавшуюся в находившемся рядом с Неаполем (порядка 10 км по прямой) Геркулануме.

Гадара — эллинизированный город на территории древнеизраильского Гилъада (Галаада), который был взят около 97 г. до н. э. иудейским первосвященником и царем Александром Яннаем из рода Хасмонеев («Иудейские древности», XIII, 356, 396; «Иудейская война», I, 87) и население которого (как

¹ В мифологии: Справедливость; дочь Юпитера и Фемиды. В золотой век «Сатурного царства» жила на земле; с наступлением железного века превратилась в звезду в созвездии Девы.

и всех других взятых Хасмоняями городов и областей) было поголовно насильственно *иудаизировано* (ср., например: «Иудейские древности», XIII, 396).

Таким образом, кем бы по этническому происхождению ни был Филодем, он уже в детстве (ранней юности) должен был исповедовать иудаизм. Книги Пророков, исполненные эсхатологизма, были к тому времени минимум лет сто как канонизированы и признаны в иудаизме священными, их следовало читать и изучать, поэтому Филодему их содержание должно было быть известно детально. Равно как и мессианско-эсхатологические чаяния, распространявшиеся в ту пору в среде приверженцев иудаизма, он не мог не знать. О том, высказывал ли Филодем такого рода идеи, формулируя их в контексте античной образности, своим ученикам и слушателям позднее, конечно, можно только гадать, но и категорически отрицать этого, равным образом, не стоит. Конечно, возможно, что упомянутые аллегории — это не более чем экспликация параллельных и мировоззренчески не связанных друг с другом архетипов репрезентации генезиса нового мироустройства посредством натальной метафорик. Однако, в любом случае, знаменательно следующее: в античной поэтической традиции до Вергилия золотой век всегда позиционировался в прошлом; у Вергилия же в Эклоге IV «Буколик» мы встречаемся как раз с элементами эсхатологизма.

IGOR TANTLEVSKIJ, DSc in Philosophy, Professor; Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia), Head of Chair, Professor

ESCHATOLOGICAL ELEMENTS IN ECLOGUE IV OF VIRGIL'S "BUCOLICS" AND PHILODEMUS OF GADARA*

The author does not exclude the possibility that Virgil may have learnt elements of Biblical prophetic eschatology, in particular, of Isaiah (naturally, in the formulations of ancient imagery), through Philodemus of Gadara, whose Epicurean school in

* The research was carried out at Saint Petersburg State University with financial support of Russian Science Foundation, project No 24-18-00479, <https://rscf.ru/en/project/24-18-00479/>

Herculaneum he, judging from the papyrus *P. Herc. Paris. 2*, attended. Gadara was taken about 97 B. C. E. by the Judean High Priest and King Alexander Jannaeus (*Antt.*, XIII, 356, 396; *BJ*, I, 87), and its population was thoroughly Judaized (cf., e. g., *Antt.*, XIII, 396). Thus, whoever Philodemus was by ethnic origin, he must have been an adherent of Judaism already in his childhood (early youth). The books of the Prophets had been canonized and recognized as sacred in Judaism for at least a hundred years by then, they were to be read and studied, so Philodemus must have known their contents in detail.

Keywords: Epicurean school in Herculaneum, Philodemus of Gadara, Virgil, Eclogue IV of “Bucolics,” Biblical prophetic eschatology

ГАЛАНИН РУСТАМ БАЕВИЧ, кандидат философских наук; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского (Санкт-Петербург, Россия), научный сотрудник

ЕВРЕЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ГРЕЧЕСКАЯ ПАЙДЕЯ: СЛУЧАЙ ФИЛОНА АЛЕКСАНДРИЙСКОГО*

В эпоху Эллинизма евреи столкнулись, с одной стороны, с потребностью более менее органично вписаться в культурный греческий ареал, с другой же — с необходимостью сохранить при этом свою религиозную и — шире — культурную идентичность. Чтобы еврей мог осуществить успешную жизненную карьеру, скажем, в Египте Птолемея, ему нужно было стать субъектом греческих педагогических институций — в первую очередь палестры и гимназия. Проблема с традиционными еврейскими ценностями могла возникнуть уже при входе в палестру — нужно было обнажать свое тело, что, как известно, иудаизмом не одобрялось (*Юб.* 3: 31). При этом, как также хорошо известно, везде, где имелись гимназии, сразу пышным цветом расцветала пресловутая греческая «любовь к мальчикам» (*mos Graecorum*), которая представляла собой уже самостоятельную педагогическую практику, субъектом которой еврей не

* Исследование выполнено в Санкт-Петербургском государственном университете за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00479, <https://rscf.ru/project/24-18-00479/>

мог стать хотя бы потому, что по Закону за это, т. е. за мужеложство, полагалась смертная казнь (*Лев.* 18:22 и 20:13). Филон Александрийский, не отрицая пользы гимнасиев (*De Specialibus Legibus.* 2.229–230), о любви к мальчикам высказывается в полном согласии с Законом (*De Specialibus Legibus.* 3. 37–42). Однако коллизия традиционных еврейских ценностей и греческих практик существовала не только в Египте. Так, в Иудее первосвященник Ясон со своими присными-эллинизаторами построил гимнасий и решил воспитывать еврейских юношей на греческий манер. Согласно 1-ой книге Маккавейской (1: 14–15), в своем рвении быть эллинами Ясон и иже с ним даже «восстановили у себя крайнюю плоть» (ἐποίησαν ἐαυτοῖς ἀκροβυστίας), т. е. проделали болезненную операцию, которая называлась эписпазм. Наш доклад будет посвящен разбору тех коллизий, когда эллинистические евреи, принимая во внимание греческие ценности, выстраивали собственную систему воспитания, и возьмем мы для примера Филона Александрийского и его жизнь.

Ключевые слова: Еврейская идентичность, пайдейя, гендерные исследования, библеистика, античная философия

RUSTAM GALANIN, CSc in Philosophy; Russian
Christian Academy for the Humanities (Saint
Petersburg, Russia), Research Fellow

JEWISH IDENTITY AND GREEK PAIDEIA: THE CASE OF PHILO OF ALEXANDRIA*

Hellenistic Jews faced, on the one hand, the need to more or less organically fit into the cultural Greek area, on the other hand, the need to preserve their religious and— more broadly, cultural identity. In order for a Jew to have a successful life career, say, in Ptolemaic Egypt, he had to become a subject of Greek pedagogical institutions — primarily the Palaestra and gymnasium. The problem with traditional Jewish values could arise already at the entrance to the Palaestra — it was necessary to expose one's body, which, as is known, was not approved by Judaism (*Jub.* 3: 31). At the same time, as is known, wherever there were gymnasiums, the

* The research was carried out at Saint Petersburg State University with financial support of Russian Science Foundation, project No 24-18-00479, <https://rscf.ru/en/project/24-18-00479/>

notorious Greek “love for boys” (*mos Graecorum*) immediately flourished, which was already an independent pedagogical practice, the subject of which a Jew could not become, at least because, according to the Law, the immediate death penalty was imposed for this (*Lev.* 18:22 and 20:13). Philo of Alexandria, without denying the benefits of gymnasiums (*De Specialibus Legibus* 2.229–230), speaks about love for boys in full accordance with the Law (*De Specialibus Legibus* 3. 37–42). However, the conflict between traditional Jewish values and Greek innovations did not exist only in Egypt. So, in Judea, the high priest Jason and his fellow “Hellenizers” built a gymnasium and decided to educate Jewish youths in the Greek manner. According to the 1st book of Maccabees (1: 14–15), in their eagerness to be Hellenes they even “restored themselves foreskins” (ἔποιησαν ἑαυτοῖς ἀκροβυστίας), i. e. did a painful operation, which was called *apospasma*.
Keywords: Jewish identity, *paideia*, gender studies, biblical studies, ancient philosophy

КУЗЮТИН ДЕНИС ВЯЧЕСЛАВОВОВИЧ, кандидат физико-математических наук, доцент; Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), доцент
ТАНТЛЕВСКИЙ ИГОРЬ РОМАНОВИЧ, доктор философских наук, профессор; Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), профессор, заведующий Кафедрой еврейской культуры
СМИРНОВА НАДЕЖДА ВЛАДИМИРОВНА; Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), старший научный сотрудник

СЕТЕВАЯ МОДЕЛЬ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РЕЛИГИОЗНЫХ ТЕЧЕНИЙ И ВЛАСТИ В ИУДЕЕ*

Доклад вносит вклад в теорию структурного баланса в знаковых социальных сетях. Мы распространяем две известные меры частичного баланса на более общий класс так называемых взвешенных сетей, где веса ребер представляют силу связей. Кроме того, мы вводим новую меру частичного баланса, которая учитывает возможный способ сбалансировать

* Исследование выполнено в Санкт-Петербургском государственном университете за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00479, <https://rscf.ru/project/24-18-00479/>

исходную несбалансированную сеть с минимальными «затратами». Используя эти результаты, мы формализуем и изучаем взвешенные сетевые модели взаимодействия основных религиозных течений (фарисеев, саддукеев, ессеев/соответственно кумранитов) и хасмонейских правителей в Иудее на протяжении нескольких последовательных периодов во II-I веках до н. э. Сделана попытка восстановить систему отношений в этих сетях с четырьмя вершинами и оценить степень частичного баланса для каждой взвешенной сети. Наконец, мы сравниваем рассчитанные характеристики сетевых моделей с некоторыми историческими фактами, установленными благодаря древним рукописям и археологическим находкам. Оказывается, что рассмотренные меры частичного баланса этих взвешенных сетевых моделей хорошо согласуются с известными историческими фактами в Иудее, по крайней мере, для выбранных исторических периодов.

Ключевые слова: социальные сети, знаковые графы, структурный баланс, иудейская идентичность, хасмонеи, фарисеи, саддукеи, ессеи, кумраниты

Начиная с основополагающих статей Ф. Хайдера, Д. Картрайта и Ф. Харари по проблеме структурного баланса в знаковых сетях, теория графов широко использовалась для моделирования социальных сетей различной природы и структуры. В этой схеме различные субъекты (игроки, социальные группы, религиозные или политические движения и т. д.) рассматриваются как вершины сети, в то время как отношения между этими субъектами представлены связями (или ребрами), которые могут быть либо положительными, либо отрицательными (в докладе мы даем краткое введение в теорию знаковых сетей). В зависимости от структуры сети и количества положительных и отрицательных знаков ребер для всех циклов в этой сети некоторые сети можно охарактеризовать как сбалансированные. Обычно сбалансированные социальные сети рассматриваются как находящиеся в гармоничном/стабильном/равновесном состоянии. Однако большинство сетей не (полностью) сбалансированы, и важный вопрос заключается в том, насколько далека от сбалансированности данная социальная сеть.

В докладе мы используем некоторые простые меры частичной сбалансированности, известные для знаковых сетей, а также рассматриваем новую меру частичной сбалансированности, которая представляет собой долю ребер с «правильными» признаками. Более того, мы распространяем эти меры на более общий случай взвешенной знаковой сети (далее для простоты «взвешенная сеть»), которая учитывает не только знак, но и силу каждой связи.

Насколько нам известно, новые меры — такие как «минимальные изменения, чтобы сбалансировать», которые указывают возможный способ сбалансировать данную (изначально несбалансированную) сеть с минимальными усилиями — еще не рассматривались, по крайней мере, для случая взвешенных сетей. Другая методическая новизна состоит в том, что мы предлагаем сравнивать векторные степени частичного баланса различных знаковых сетей с использованием лексикографического порядка.

В докладе мы представляем взвешенные сетевые модели взаимодействия основных игроков (религиозных школ фарисеев, саддукеев и ессеев/кумранитов и власти) в Иудее в разные периоды II–I вв. до н. э. (мы приводим краткий обзор основных религиозных течений в Иудее). Мы реконструируем систему отношений для этих сетей с четырьмя вершинами и оцениваем степени частичного баланса для каждой взвешенной сети. Наконец, мы сравниваем полученные аналитические результаты с известными историческими фактами и описаниями.

В то время как существует множество исследований эволюции и взаимодействия основных религиозных школ в Иудее, основанных на традиционных исторических, археологических и лингвистических методах исследования, работы, посвященные сетевым моделям и анализу их частичного баланса, скудны. Наш вклад отличается от предыдущих исследований по нескольким направлениям. Во-первых, мы включаем в модели хасмонейских правителей (власть) как важного субъекта сетевого взаимодействия. Во-вторых, мы применяем несколько различных степеней (мер) частичного баланса, включая новые меры, представленные в статье, чтобы обеспечить более полную оценку частичного баланса для изучаемых се-

тевых моделей. В-третьих, мы рассматриваем еще один способ сбалансировать несбалансированную сеть — изменить знаки/веса определенных ребер с минимальными затратами вместо разделения одного течения на два.

Отметим также, что сообщения Иосифа Флавия о еврейских религиозных и политических движениях довольно предвзяты, во-первых, потому, что он сам был фарисеем, а во-вторых, потому, что он обращается преимущественно к эллинистическому и римскому читателю, незнакомому с иудейскими идеологическими и политическими реалиями. Кумранские рукописи также нельзя считать вполне объективными в силу своего сектантского происхождения. Однако эти источники отражают — хотя и с весьма тенденциозной точки зрения — реалии своего времени. Применение некоторых инструментов сетевого анализа, в частности, знаковой сетевой модели взаимодействия религиозных движений и власти в Иудее, позволяет рассмотреть ситуацию под другим углом, получить более объективные оценки устойчивости той или иной системы взаимоотношений, а также выявить те особенности, которые недоступны с позиций традиционных исторических интерпретаций.

DENIS KUZYUTIN, CSc in Physics and Mathematics,
Associate Professor; Saint Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia), Associate Professor

IGOR TANTLEVSKIJ, DSc in Philosophy, Professor; Saint
Petersburg State University, Institute of Theology (Saint
Petersburg, Russia), Head of Chair, Professor

NADEZHDA SMIRNOVA, Saint Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia), Researcher

A NETWORK MODEL OF THE RELATIONS BETWEEN RELIGIOUS MOVEMENTS AND AUTHORITY IN JUDEA*

The report contributes to the theory of structural balance in signed social networks. We extend two known measures of partial balance onto more general class of the so called

* The research was carried out at Saint Petersburg State University with financial support of Russian Science Foundation, project No 24-18-00479, <https://rscf.ru/en/project/24-18-00479/>

weighted networks where the edges weights represent the strength of the links. In addition, we introduce new measure of partial balance which takes into account a possible way how one can balance original unbalanced network with minimal “costs.” Using these results, we formalize and study weighted network models of the interaction between main religious movements (Pharisees, Sadducees, Essenes / resp. Qumranites) and Hasmonean rulers in Judea for several consequent periods in II-I centuries BCE. We make an attempt to reconstruct the system of relations in these networks with four vertices and evaluate the degrees of partial balance for each weighted network. Finally, we compare calculated characteristics of the network models with some historical facts dating back to ancient manuscripts and archaeological findings. It turns out that the considered measures of partial balance of these weighted network models are in good agreement with known historical facts in Judea at least for the chosen historical periods.

Keywords: social networks, signed graphs, structural balance, weighted network, Jewish identity, Hasmoneans, Pharisees, Sadducees, Essenes, Qumranites

ТАНТЛЕВСКИЙ ИГОРЬ РОМАНОВИЧ, доктор философских наук, профессор; Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), профессор, завсующий Кафедрой еврейской культуры

**К ВОПРОСУ ОБ ОТДЕЛЬНЫХ БИБЛЕЙСКИХ
ОБОЗНАЧЕНИЯХ «ПРОТОИЗРАИЛЬТЯН»
И ДРЕВНИХ ИЗРАИЛЬТЯН***

В докладе анализируются эволюция и семантическое поле термина $h\bar{a}-'i\bar{b}\bar{r}\bar{g}\bar{i}$, впервые употребляемого в Библии в Быт. 14:13 по отношению к Авраму (Аврааму; $'abr\bar{a}m / 'abr\bar{a}h\bar{a}m$), в контексте сутийской ($\check{s}\bar{a}t\bar{i}'u / sut\bar{i}'\bar{u}$) гипотезы происхождения предков израильтян. Термин $'i\bar{b}\bar{r}\bar{g}\bar{i}$ свидетельствует о месопотамском прошлом древних

* Исследование выполнено в Санкт-Петербургском государственном университете за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00479, <https://rscf.ru/project/24-18-00479/>

евреев. Так, предок Авраама по прямой линии именуется ‘Эвер (‘ēber; от глагола ‘ābar, «переходить (часто, через реку)»), т. е. «Переход» или, может быть, «Заречье». Отсюда буквальное значение прилагательного ‘ibrī — «зареченский», т. е. «(человек) из ‘Эвера / Заречья» (тот, кто пришел из-за Евфрата; ср., напр.: И. Нав. 24:2–3). Таким образом, hā-‘ibrī в *Быт.* 14:13 — это не этноним, а, скорее, указание на происхождение: ‘abrām hā-‘ibrī, Аврам *Зареченский*. (Причем так он мог бы в данном контексте обозначаться чужеземцем в неизраильском источнике, а не израильянином или иудеем, пишущем для соплеменников.) Аналогично термин ‘ārammī во *Втор.* 26:5 следует понимать не в том смысле, что Йаков был этническим арамеом, а так, что родиной патриархов была Месопотамия: Арам-Нахараим, т. е. «Арам Двуречья» (ср., напр.: *Быт.* 24:3–4 и 10 [«Y»]) = Паддан-Арам, т. е. «Равнина Арама» (ср., напр.: *Быт.* 25:20, 28:5 [«P»]), расположенного на северо-западе Месопотамии. Во *Втор.* 32:15, 33:5, 26 и *Ис.* 44:2 в качестве синонима имени-этнонима ya‘āqōb (Йаков; отождествляется в библейской традиции с именем-эпонимом yisrā’ēl, Израиль) употребляется обозначение yašūgūn, буквально означающее «выпрямленный» (отсюда «прямой», «праведный»). Yašūgūn — это yisrā’ēl в идеале. Возможно, данное наименование возникло в среде израильян как своего рода реакция на интерпретацию некоторыми их соседями (эдомитянами?) этнонима ya‘āqōb как «лукавствующий» (ср., напр.: *Быт.* 27:36). Рассматриваются также и варианты этимологии самого термина yisrā’ēl.

Ключевые слова: hā-‘ibrī, ‘ārammī, ya‘āqōb, yašūgūn, yisrā’ēl

Автор анализирует эволюцию и семантическое поле термина hā-‘ibrī, впервые употребляемого в Библии в *Быт.* 14:13 по отношению к Авраму (Аврааму; ‘abrām / ‘abrāhām), в контексте сутийской (šətī’u / sutī’ū) гипотезы происхождения предков израильян. Термин sutī’ū, вероятно, является передачей аморейского šətī’u, т. е. «потомки Шуту (resp. Суту)», которому тождественен библейский Шет (LXX: Σηθ; синод. Сиф, третий сын Адама и Евы). В источнике «Y» засвидетельствована

традиция, согласно которой Имя Бога YHWH было открыто еще во времена Шета и его сына Эноша (*Быт.* 4:26). Согласно генеалогиям Книги Бытия, все человечество восходит именно к Шету и его сыну Эношу (досл. «Человек») — «новому» Адаму (*hā-’ādām*; собственно «Человек»), ибо потомство Каина погибло во время Всемирного потопа, который пережили только потомок Шета Ной и его семейство.

Термин *’ibrî* свидетельствует о месопотамском прошлом древних евреев. Так, предок Авраама по прямой линии именуется *’Эвер* (*ēber*; от глагола *’ābar*, «переходить (часто, через реку)»), т. е. «Переход» или, может быть, «Заречье». Отсюда дословное значение прилагательного *’ibrî* — «зареченский», т. е. «человек) из *’Эвера / Заречья*» (тот, кто пришел из-за Евфрата; ср., напр.: *И. Нав.* 24:2–3). Таким образом, *hā-’ibrî* в *Быт.* 14:13 — это не этноним, а, скорее, указание на происхождение: *’abrām hā-’ibrî*, Аврам Зареченский. (Причем так он мог бы в данном контексте обозначаться чужеземцем в неизраильском источнике, а не израильтянином или иудеем, пишущем для соплеменников.) Заметим в данной связи, что источник «Р» соотносит имя *’abrāhām* с понятием «отец многих наций (*gōyim*)» (*Быт.* 17:5); о том, что от Авраама происходят не только евреи, народ Израйля, свидетельствуют и «авраамические» генеалогии.

Аналогично термин *’ārammî* во *Втор.* 26:5 следует понимать не в том смысле, что *’Иаков* был этническим арамеем, а так, что родиной патриархов была Месопотамия: в Ханаан семейство Авраама прибыло непосредственно из Арам-Нахараима, т. е. «Арама Двуречья» (ср., напр.: *Быт.* 24:3–4 и 10 [источник «У»]) = Паддан-Арам, т. е. «Равнина Арама» (ср., напр.: *Быт.* 25:20, 28:5 [источник «Р»]), расположенного на северо-западе Месопотамии, первоначально — область внутри большой излучины Евфрата, простирающаяся до впадающей в него реки Хабур. Т. е. *’ārammî* здесь — это не этноним «арамей», а термин, указывающий на место происхождения — «арамский», scil. «(из) Арама» (как, вероятно, и в *Быт.* 25:20, 28:5, 31:20, 24 *’ārammî* указывает на место проживания).

Во *Втор.* 32:15, 33:5, 26 и *Ис.* 44:2 в качестве синонима имени-этнонима *ya’āqōb* (*’Иаков*; отождествляется в библей-

ской традиции с именем-эпонимом *yīsrā'ēl*, Израиль) употребляется обозначение *yəšūrûn* (ср.: *yāšār* в *И. Нав.* 10:13; 2 *Сам.* 1:18; ср. также: 3 *Цар.* 8:53а [LXX]), буквально означающее «выпрямленный» (отсюда «прямой», «праведный» и т. п.). Можно сказать, что *yəšūrûn* — это *yīsrā'ēl* в идеале, т. е. Израиль, адекватно соблюдающий Закон Господа. Возможно, данное наименование возникло в среде израильтян как своего рода реакция на интерпретацию некоторыми их соседями (эдомитянами?) этнонима *ya'āqōb* как «лукавствующий» (ср., напр.: *Быт.* 27:36). Рассматриваются также и варианты этимологии самого термина *yīsrā'ēl*.

IGOR TANTLEVSKIJ, DSc in Philosophy, Professor; Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia), Head of Chair, Professor

ON THE QUESTION OF SOME BIBLICAL DESIGNATIONS OF “PROTO-ISRAELITES” AND ANCIENT ISRAELITES *

The paper analyses the evolution and semantic field of the term *hā-'ibrî*, first used in the Bible in *Gen.* 14:13 in relation to Abram (Abraham; *'abrām / 'abrāhām*), in the context of the *Sutī'ū* (*šəṭī'u/sutī'ū*) hypothesis of the origin of the Israelite ancestors. The term *'ibrî* testifies to the Mesopotamian past of the Hebrews. Thus Abraham's ancestor in the direct line is called *'Ēber* (from the verb *'ābar*, “to cross (often, over a river)”), i. e., “Crossing,” or perhaps “Beyond the River.” Hence the literal meaning of the adjective *'ibrî* is “Beyond the River,” i. e., “(a man) from *'Ēber / resp. Beyond the River*” (one who came from across the Euphrates; cf. e. g., *Josh.* 24:2–3). Thus, *hā-'ibrî* in *Gen.* 14:13 is not an ethnonym but rather an indication of origin: *'abrām hā-'ibrî*, Abram *From-Beyond-the-River*. (And this is how he might have been labelled in this context by a foreigner in a non-Israelite source, rather than by an Israelite or Judahite writing for his tribesmen.)

Keywords: *hā-'ibrî*, *'ārammî*, *ya'āqōb*, *yəšūrûn*, *yīsrā'ēl*

* The research was carried out at Saint Petersburg State University with financial support of Russian Science Foundation, project No 24-18-00479, <https://rscf.ru/en/project/24-18-00479/>

ТАНТЛЕВСКИЙ ИГОРЬ РОМАНОВИЧ, доктор философских наук, профессор; Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), профессор, заведующий Кафедрой еврейской культуры

К ВОПРОСУ ОБ ИДЕНТИФИКАЦИИ И ИМПЛИЦИТНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ АВТОРА КНИГИ КОХЕЛЕТА (ЕККЛЕСИАСТА) *

В Библии термин *qōheleṭ* засвидетельствован только в Книге Кохелета. Наименование *qōheleṭ* можно истолковывать как «Вождь/Председатель/Глава кахала (*qāhāl*)», т. е. сообщества (или народного собрания) иудеев; или: «Собирающий (народное) собрание»; вариантная интерпретация: «Проповедующий в (народном) собрании», sc. «Проповедник», откуда в Древнем Греческом переводе Ἐκκλησιαστής, синод. Екклесиаст. Возможная интерпретация: «Собиратель» (народа; премудрости, изречений и т. п.; богатств; земель и т. д.). Создатель Книги Кохелета обозначает себя также, как «сын Давида, царь в Иерусалиме» (*Кох.* 1:1), «царь над Израилем в Иерусалиме» (*Кох.* 1:12), тот, кто «над Иерусалимом» (*Кох.* 1:16; 2:7, 9). Зеруббавел, «сын Давида», стал назначенным персам правителем после пленной Иудеи с центром в Иерусалиме светским главой самоуправления иудейской гражданско-храмовой общины, называвшейся по-еврейски, как и в допленные времена, *qāhāl* — «(народное) собрание», «сообщество», в последней четверти VI в. до н. э. Поскольку на протяжении эпохи Второго Храма никакой другой потомок Давида, официально стоящий во главе иудейского сообщества, — помимо Шешбаццара и Зеруббавела — нам неизвестен, представляется правдоподобным допустить, что именно Зеруббавел и мог являться автором Книги Кохелета. Зеруббавел, сын Шеалтиэла, по всей вероятности, являлся внуком уведенного в изгнание в Вавилон иудейского царя — Давида Йехойахина,

* Исследование выполнено в Санкт-Петербургском государственном университете за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00479, <https://rscf.ru/project/24-18-00479/>

которого многие иудеи рассматривали в качестве последнего легитимного допленного иудейского царя.

Ключевые слова: еврейская Библия, Кохелет, Зеруббавел, иудейская гражданско-храмовая община

Книга Кохелета целиком посвящена размышлениям этого библейского любомудра жизненном целеполагании, которое он по преимуществу обозначает емким термином *uīṭrôn*, «прок». В Библии термин *qōheleṭ* засвидетельствован только в Книге Кохелета. Наименование *qōheleṭ* можно истолковать как «Вождь/Председатель/Глава кахала (*qāhāl*)», т. е. сообщества (или народного собрания) иудеев; или: «Собирающий (народное) собрание»; вариантная интерпретация: «Проповедующий в (народном) собрании», sc. «Проповедник», откуда в Древнем Греческом переводе Ἐκκλησιαστής, синод. Екклесиаст. Возможная интерпретация: «Собиратель» (народа; премудрости, изречений и т. п.; богатств; земель и т. д.)

Создатель Книги Кохелета обозначает себя также, как «сын Давида, царь в Иерусалиме» (*Кох.* 1:1), «царь над Израилем в Иерусалиме» (*Кох.* 1:12), тот, кто «над Иерусалимом» (*Кох.* 1:16; 2:7, 9). Сыном царя Давида был мудрый Соломон, откуда традиционное отождествление автора данного произведения с царем Соломоном. Однако обозначение «сын Давида» применялось чаще всего по отношению к потомку Давида. Поскольку Соломон был царем большого Израильского царства (можно даже сказать, мини-империи, созданной его отцом Давидом), то титулы «царь в Иерусалиме»/тот, кто «над Иерусалимом», скорее соотносятся с правителем/наместником Иудеи в период, когда она представляла собой маленькую территорию с центром в Иерусалиме. В связи с самообозначением «царь над Израилем в Иерусалиме» отметим, что Кохелет — равно как и его читатели — живший, по всей вероятности, в персидскую эпоху, мог под «Израилем» подразумевать народ, не саму страну. Возможно, автор Книги Кохелета, используя данный псевдоним, хочет, чтобы недоброжелательный читатель — например, тайные персидские агенты и согладатаи — ведь «у царя много глаз и ушей», как писал о Кире II Ксенофонт;

Сурораedia, VIII, 2, 11 (ср. также возможный намек Гераклита на соглядатаев («глаза и уши») Дария I [B 107 DK]) — думал об авторстве почившего несколько сотен лет назад царя Израиля. С другой стороны, он избирает именно тот псевдоним, по которому проникательный и доброжелательный читатель мог бы догадаться об истинном имени автора, своего современника. Заметим в данной связи, что и имя Соломон, евр. Šəlōmōh (происходит от существительного šālōm; корень šālēm означает: «быть цельным, полным, нетронутым, благополучным, мирным, дружным и т. п.»), вероятно, являлось почетным прозвищем (или же тронным именем царя), которое может быть интерпретировано как «Его благополучие» (Согласно 2 Сам. 12:25, при рождении он получил имя Yədīdūyā(h), т. е. «Возлюбленный (друг) ГОСПОДА»).

Зеруббавел, «сын Давида», стал назначенным персам правителем после пленной Иудеи с центром в Иерусалиме светским главой самоуправления иудейской гражданско-храмовой общины, называвшейся по-еврейски, как и в допленные времена, qāhāl — «(народное) собрание», «сообщество», в последней четверти VI в. до н. э. Поскольку на протяжении эпохи Второго Храма никакой другой потомок Давида, официально стоящий во главе иудейского сообщества, — помимо Шешбаццара и Зеруббавела — нам неизвестен, представляется правдоподобным допустить, что именно Зеруббавел и мог являться автором Книги Кохелета. Зеруббавел, сын Шеалтиэла, по всей вероятности, являлся внуком уведенного в изгнание в Вавилон иудейского царя — Давидида Йехойахина, которого многие иудеи рассматривали в качестве последнего легитимного допленного иудейского царя. Гипотеза об авторстве Зеруббавела, родившегося и выросшего в кругу высшей иудейской аристократии, проживавшей в изгнании в Вавилонии (аккад. Зеруббавел означает «семя Вавилона», т. е. «родившийся в Вавилоне»), косвенно могла бы объяснить, например, присутствие в Книге Кохелета почти дословных совпадений с месопотамским «Эпосом о Гильгамеше» (ср., например: IV, VI, 6 и Кох. 9:8–9) и знакомство с его идеологемами, скрытую полемику с рядом выраженных в нем доктрин.

С другой стороны, можно допустить, что автором Книги Кохелета мог быть один из потомков Зеруббавела (см.: 1 Хр. 3:19–24). Хотя нам неизвестно, был ли кто-то из них персидским наместником в Иудее в V в. до н. э. однако этого нельзя исключать. Возможно, редактор Книги Кохелета намекает на то, что ее автором был именно один из персидских наместников в Иудее, возглавлявших гражданско-храмовую общину, следующим своим утверждением:

Слова мудрецов — как стрекала,
как гвозди, вбитые наставниками собраний.

(Кох. 12:11)

Как бы то ни было, Книга Кохелета носит отчетливо авторский характер, написана она волевым, властным и богатым человеком, отлично владеющим административной и хозяйственно-экономической терминологией стремящимся к познанию со своей социальной высоты смысла жизни и даже истины в человеческом ее понимании, ставящим вопрос, для чего человек — и, прежде всего, он сам — живет. Автор, этнически — иудей, но ментально — человек мира, верующий в единого Бога, — Который в книге обозначается исключительно термином 'Ēlōhîm, т. е. собственно Бог, — почти всегда обращается к универсальному общечеловеческому опыту и общежитейским проблемам (не специфически иудейским).

IGOR TANTLEVSKIJ, DSc in Philosophy, Professor; Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia), Head of Chair, Professor

ON THE QUESTION OF IDENTIFICATION AND IMPLICIT SELF-IDENTIFICATION OF THE AUTHOR OF THE BOOK OF QOHELETH (ECCLESIASTES)*

In the Bible, the term qōheleṭ is attested only in the Book of Qohelet. The name qōheleṭ may be interpreted as “Leader/Chairman/Head of the qāhāl,” i. e. of the community (or

* The research was carried out at Saint Petersburg State University with financial support of Russian Science Foundation, project No 24-18-00479, <https://rscf.ru/en/project/24-18-00479/>

people's assembly) of the Judaeans; or: "Gatherer of the (people's) assembly;" a variant interpretation is: "Preacher in the (people's) assembly," sc. "Preacher," whence in the Ancient Greek translation Εκκλησιαστής. Possible interpretation: "Gatherer" (of the people; of wisdom, sayings, etc.; of riches; of lands, etc.)." The author of the Book of Qohelet designates himself also as "son of David, king in Jerusalem" (*Qoh.* 1:1), "king over Israel in Jerusalem" (1:12), one who is "over Jerusalem" (*Qoh.* 1:16; 2:7, 9). Zerubbabel, "son of David," became the Persian-appointed ruler of post-spring Judaea centered in Jerusalem, the secular head of the self-governing Judaeans civil-temple community, called in Hebrew, as in pre-exilic times, qāhāl, "(people's) assembly," "community," in the last quarter of the sixth century B. C. E. Since no other descendant of David is known to have been the official head of the Jewish community during the Second Temple period besides Sheshbazzar and Zerubbabel, it seems plausible to assume that it was Zerubbabel who may have authored the Book of Qohelet. Zerubbabel, the son of Shealtiel, was in all probability the grandson of the Judaeans king David Jehoiachin, who had been taken into exile to Babylon, and whom many Jews regarded as the last legitimate pre-exilic Judaeans king.

Keywords: Hebrew Bible, Qoheleth, Zerubbabel, Judaeans Civil-Temple Community

ЕВЛАМПИЕВ ИГОРЬ ИВАНОВИЧ, доктор философских наук, профессор; Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), профессор

НОВЫЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМЕ АВТОРСТВА АРЕОПАГИТСКОГО КОРПУСА*

Принципиальным для понимания происхождения Ареопагитского корпуса является рассмотрение его отношений к «Книге святого Иерофея» Стефана бар Судайли, созданной примерно в те же годы, что и трактаты Псевдо-Дионисия. Книга Стефана написана от лица легендарного Иерофея, учителя Дионисия Ареопагита, здесь мы имеем

* Исследование выполнено в Санкт-Петербургском государственном университете за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00479, <https://rscf.ru/project/24-18-00479/>

такую же очевидную литературную мистификацию, как и в Ареопагитском корпусе. Связь Ареопагитик и «Книги святого Иерофея» видна также из необычной, вычурной стилистики обоих произведений («назидательное» повествование от первого лица) и из наличия очевидных содержательных сходств, самым важным из которых является пантеистическая (гностицистическая) тенденция к пониманию природы как «развертывания» содержания апофатического Божества. Предисловия, написанные к Ареопагитскому корпусу Иоанном Филопоном и Иоанном Скифопольским, а также схолии последнего к тексту трактатов, показывают, что они безусловно знали неправдоподобность авторства Дионисия Ареопагита и тем не менее настойчиво защищали это авторство. Этот факт позволяет утверждать, что они оба являются самыми вероятными авторами корпуса (авторство Иоанна Филопона обосновывает Ю. Черноморец в своей книге 2010 года). Внутренняя связь Ареопагитик с «Книгой святого Иерофея» позволяет предположить, что эти трактаты появились одновременно как результат масштабной акции, проведенной целой группой мыслителей, по возрождению гностицистической традиции внутри ортодоксального богословия. Необходимость этой акции была обусловлена попытками церкви окончательно искоренить эту традицию через объявление учения Оригена ересью и преследование его идейных наследников.

Ключевые слова: Ареопагитики, Стефан бар Судайли, Иоанн Филопон, Иоанн Скифопольский, гностицистическая традиция

IGOR EVLAMPIEV, DSc in Philosophy, Professor; Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia), Professor

**A NEW APPROACH TO THE PROBLEM OF
AUTHORSHIP OF CORPUS AREOPAGITICUM***

Fundamental to understanding origins of Areopagite Corpus is the consideration of its relationship to “Book of St. Hierotheus” by Stephen bar Sudayli, created approximately in the same years as the treatises of Pseudo-Dionysius. The book of Stephen

* The research was carried out at Saint Petersburg State University with financial support of Russian Science Foundation, project No 24-18-00479, <https://rscf.ru/en/project/24-18-00479/>

was written on behalf of the legendary Hierotheus, teacher of Dionysius the Areopagite, here we have the same obvious literary hoax as in the Areopagite Corpus. The connection between the Areopagitica and the “Book of St. Hierotheus” is also visible from the unusual, pretentious style of both works and from the presence of obvious substantive similarities, the most important of which is the pantheistic (Gnostic) tendency to understand nature as “unfolding” content of the apophatic Deity. The prefaces written to the Areopagite Corpus by John Philoponus and John of Scythopolis, as well as the latter’s scholia to the text of the treatises, show that they certainly knew the implausibility of the authorship of Dionysius the Areopagite and nevertheless persistently defended this authorship. This fact allows us to assert that both of them are the most likely authors of the corpus. The internal connection of the Areopagitica with the Book of Saint Hierotheus suggests that these treatises appeared simultaneously as the result of a large-scale action carried out by a whole group of thinkers to revive the Gnostic tradition within orthodox theology. The need for this action was due to the church’s attempts to completely eradicate this tradition by declaring Origen’s teachings a heresy and persecuting his ideological heirs.

Keywords: Areopagitists, Stefan bar Sudaili, John Philoponus, John of Scythopolis, Gnostic tradition

АФОНАСИН ЕВГЕНИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ, доктор философских наук, профессор; Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта (Калининград, Россия), профессор

**БРУНО И PRISCI THEOLOGI. НЕСКОЛЬКО НАБЛЮДЕНИЙ
О ДИДАКТИЧЕСКОЙ РОЛИ «МУДРОСТИ ДРЕВНИХ»
В ФОРМИРОВАНИИ НАУКИ НОВОГО ВРЕМЕНИ***

Образы будущего в философии Платона так или иначе ассоциированы с прошлым. Именно таковы миф об Атлантиде, критские законы или реформированная полисная религия. Неоплатоники вплоть до эпохи Возрождения следовали по тому же пути, как это прекрасно показано

* Исследование выполнено в Санкт-Петербургском государственном университете за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00479, <https://rscf.ru/project/24-18-00479/>

еще Фрэнсис Йейтс в сер. XX в. (Yates 1964), которая, впрочем, предпочитала включать платонизм в состав широко понятого ренессансного герметизма. Этот подход в настоящее время значительно пересмотрен (см., например, Gatti 2011 и 2017) и, что касается Джордано Бруно, интересным представляется сопоставить его восприятие «древней теологии» с орфикой. Действительно, в «Пепельной трапезе» (*Cena de le ceneri*) и «О бесконечности, вселенной и мирах» (*De l'infinito, universo et mondi*) Бруно развивает космологию множественным миров, во многом похожую на орфическую, в то время как в «Изгнании торжествующего зверя» (*Lo spaccio della bestia trionfante*) и «Кабале Пегаса» (*Sabala del cavallo Pegaseo*) он эксплицитно использует методологию переосмысления полисной религии, унаследованную платониками от орфических комментаторов. Я не утверждаю, что эти литературные параллели с орфикой повлияли на Бруно непосредственно, однако сделанные в статье наблюдения, как представляется, могут помочь лучше понять генезис его философии.

Ключевые слова: орфика, пифагореизм, герметизм, кабала, образы будущего, философия Возрождения, множественность миров, полисная религия

EUGENE AFONASIN, DSc in Philosophy, Professor; Immanuel Kant
Baltic Federal University (Kaliningrad, Russia), Professor

**BRUNO AND *PRISCI THEOLOGI*. SOME OBSERVATIONS
ON DIDACTIC VALUE OF “ANCIENT WISDOM”
IN PRE-MODERN SCIENCE***

Images of the future in Plato's philosophy are in one way or another associated with the past. Such are the myth of Atlantis, the Cretan laws or the reformed polis religion. Neoplatonists up to the Renaissance followed the same path, as beautifully shown as early as Frances Yates (1964) in the mid-twentieth century, who, however, preferred to perceive Platonism as part of the widely understood Renaissance Hermeticism. This approach has now been considerably revised (cf., e. g. Gatti 2011 and 2017) and, as

* The research was carried out at Saint Petersburg State University with financial support of Russian Science Foundation, project No 24-18-00479, <https://rscf.ru/en/project/24-18-00479/>

far as Giordano Bruno is concerned, it is interesting to compare his perception of “ancient theology” with Orphicism. Indeed, in his “Cena de le ceneri” and “De l’infinito, universo et mundi” Bruno develops a cosmology of multiple worlds, in many ways similar to Orphic, while in *Lo spaccio della bestia trionfante* and *Cabala del cavallo Pegaseo* he explicitly uses the methodology of reinterpretation of polis religion inherited by Platonists from Orphic commentators. I am not claiming that all these literary parallels with Orphicism influenced Bruno directly, but the observations made in this article seem likely to contribute to a better understanding of the genesis of his philosophy.

Keywords: Orphicism, Pythagoreanism, Hermeticism, Cabala, images of the future, Renaissance philosophy, plurality of worlds, polis religion

ТУР Анна Викторовна, кандидат физико-математических наук; Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), доцент

ТАНТЛЕВСКИЙ Игорь Романович, доктор философских наук, профессор; Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), профессор, заведующий Кафедрой еврейской культуры

КООПЕРАТИВНЫЕ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫЕ ИГРЫ НА ГИПЕРГРАФАХ*

В работе рассматривается кооперативная дифференциальная игра на гиперграфе. Вводится характеристическая функция специального вида, учитывающая сетевую структуру игры, рассматриваются ее свойства. В качестве кооперативного принципа оптимальности исследуется вектор Шепли. Для игр на гиперграфах, реберный граф которых является ациклическим, получена формула для вычисления вектора Шепли в явном виде. Полученные результаты являются обобщением решений, представленных ранее для дифференциальных игр на сетях. Использование гиперграфов вместо обычных графов позволило

* Исследование выполнено в Санкт-Петербургском государственном университете за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00479, <https://rscf.ru/project/24-18-00479/>

лучше отражать многоканальные связи между игроками. В работе рассматривается возможность использования полученных решений в задачах моделирования изменения аспектов еврейской идентичности. Предполагается, что различные этнические и религиозные группы внутри народа могут быть представлены как коллекции вершин в гиперграфе. Связи между этими группами могут быть отражены гиперребрами ребрами с различными весами. Рассмотрен иллюстративный пример.

Ключевые слова: Игры на сетях, кооперативные игры, игры на гиперграфах, характеристическая функция, вектор Шепли, еврейская идентичность

Управление динамическими системами на сетях является активно развивающейся областью с широким спектром применения в различных отраслях экономики и науки. Для анализа систем, в которых управление осуществляется несколькими агентами и происходит конкуренция за достижение определенных целей, хорошо работают теоретико-игровые методы нахождения оптимальных решений. В таких моделях обычно агенты (игроки) отождествляются с узлами сети, структура которой определяет возможности для агентов взаимодействовать друг с другом.

Так, в ряде работ¹ исследованы кооперативные дифференциальные игры на сетях. Важным предположением в этих рабо-

¹ Petrosyan, L., Yeung, D. (2021) “Shapley value for differential network games: Theory and application,” *Journal of Dynamics and Games* 8(2), 151–166; Petrosyan, L., Yeung, D. (2020) “Construction of dynamically stable solutions in differential network games” in: Tarasyev A., Maksimov V., Filippova T., eds. *Stability, Control and Differential Games. Lecture Notes in Control and Information Sciences — Proceedings*. Springer, Cham; Petrosyan, L., Yeung, D. W. K., Pankratova, Y. (2021) “Cooperative differential games with partner sets on networks,” *Trudy Instituta Matematiki i Mekhaniki UrO RAN* 27(3), 286–295; Tur, A., Petrosyan, L. (2022) “The core of cooperative differential games on networks” in: Pardalos P., Khachay M., Mazalov V., eds. *Mathematical Optimization Theory and Operations Research MOTOR 2022*. (Lecture Notes in Computer Science 13367). Springer, Cham.

тах является возможность игроков разрывать связи сети, исключая при этом взаимодействие с какими-то или всеми другими участниками. В связи с этим рассмотрены задачи, в которых уравнения движения агентов зависят только от их собственных действий, другие игроки оказывают влияние на значение функционала. Для построения кооперативного решения в играх такого класса было предложено использовать характеристическую функцию специального вида, учитывающую структуру сети.

Целью данного доклада является обобщение полученных ранее методов на класс дифференциальных игр на гиперграфах и рассмотрение возможности применения их в задачах моделирования изменения аспектов еврейской идентичности. Гиперграфы предоставляют мощный инструмент для моделирования сложных структур и отношений в различных областях. Их главное преимущество — способность отражать многоканальные связи между элементами. Используя отношения многих-ко-многим, гиперграфы хорошо подходят для представления сложных социальных взаимодействий. Вершины гиперграфа могут быть связаны несколькими типами отношений одновременно, представленными разными ребрами. Это может быть использовано при исследовании социальных и экономических организационных систем. Помимо стандартного применения моделей такого типа для анализа отношений в социальных группах, возможно также их успешное применение для исследования религиозных, этнических или политических движений. Подобно тому, как в работе И. Р. Тантлевского, Д. В. Кузютина и Н. В. Смирновой² инструменты сетевого анализа применены для анализа взаимодействия религиозных движений и власти в Иудее, использование гиперграфовой структуры также может быть очень продуктивным подходом для анализа национальной идентичности. Различные этниче-

² Tantlevskij, I., Kuzyutin, D., Smirnova, N. (2024) “A Signed Network Model of the Interaction Between Religious Movements and Authority in Judea” in: Agarwal, N., Sakalauskas, L., Tukeyev, U., eds. *Modeling and Simulation of Social-Behavioral Phenomena in Creative Societies*. MSBC 2024. Communications in Computer and Information Science, in print.

ские группы внутри народа могут быть представлены как коллекции вершин в гиперграфе. Связи между этими группами могут быть отражены гиперребрами ребрами с различными весами. Также гиперграфы могут помочь в отражении динамического характера развития идентичности через исторические периоды. Вершинами могут быть представлены культурные элементы (язык, традиции, обычаи). Связь этих элементов с конкретными, например, еврейскими общинами или историческими периодами может быть отображена в виде ребер.

ANNA TUR, CSc in Physics and Mathematics; Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia), Associate Professor

IGOR TANTLEVSKIJ, DSc in Philosophy, Professor; Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia), Head of Chair, Professor

COOPERATIVE DIFFERENTIAL GAMES ON HYPERGRAPHS*

We consider cooperative differential games on hypergraphs. We introduce a characteristic function of a special kind, which takes into account the network structure of the game, and consider its properties. The Shapley value is studied as a cooperative optimality principle. For games on hypergraphs whose line graph is cycle-free, a formula for computing the Shapley value in explicit form is obtained. The obtained results are a generalization of the solutions presented earlier for differential games on networks. The use of hypergraphs instead of ordinary graphs allowed to better reflect multichannel connections between players. The paper considers the possibility of using the obtained solutions in the problems of modeling the changing aspects of Jewish identity. It is assumed that different ethnic groups within a nation can be represented as collections of vertices in a hypergraph. The links between these groups can be reflected by hypergraph edges with different weights. An illustrative example is considered.

Keywords: games on networks, cooperative games, games on hypergraphs, characteristic function, the Shapley value, Jewish identity

* The research was carried out at Saint Petersburg State University with financial support of Russian Science Foundation, project No 24-18-00479, <https://rscf.ru/en/project/24-18-00479/>

КУБАЕВА ШОИРА ТОШМУРОДОВНА, PhD; Самаркандский филиал Ташкентского университета информационных технологий им. Аль Хорезми (Самарканд, Узбекистан), доцент; Самаркандский государственный университет им. Шарофа Рашидова (Самарканд, Узбекистан), научный сотрудник

РАЗВИТИЕ ИДЕИ ИГРЫ В ЭВОЛЮЦИИ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ: ОТ ПЛАТОНА ДО РУМИ

В статье рассматривается эволюция понятия игры в философской мысли на примерах Запада и мусульманского Востока. В статье прослеживаются изменения от появления игры как развлекательной деятельности до признания ее важным фактором человеческого развития и мировоззрения. Рассматриваются различные философские взгляды на игру, в том числе Платона, Аристотеля, Августина, Канта. Анализ идеи игры изучается также в контексте развития литературно-философской мысли мусульманского Востока. В статье отмечается, что игра исполняет решающую роль в человеческой идентичности, познании и социализации. Игра предоставляет пространство для получения опыта, самовыражения и взаимодействия, также развивает творческие способности, воображение и критическое мышление. Понятие игры отражает культурный и интеллектуальный контекст, который менялся на протяжении веков. Подчеркивается важность признания игры неотъемлемой частью человеческого существования и дается представление о ее социальных, когнитивных и экзистенциальных аспектах.

Ключевые слова: игра, творчество, мораль, Платон, Руми, Кашгари, эстетическое наслаждение, подражание, опыт

Игра как культурный феномен — одна из древнейших форм мышления. Игра исполняет важную роль в филогенезе и онтогенезе человека и других биологических существ, появление которых не является случайным или стихийным, а является синергетическим продуктом эволюционного процесса развития высокоорганизованной материи. Причина этого заключается в том, что в результате биосоциального развития у существ более высокого ранга возникают характерные для

них высшие формы поведения, и среди них поведение игровое, представляющий собой сложное психофизиологическое проявление самоорганизации. С точки зрения онтологического подхода, игра для живого существа связана с приспособлением к условиям жизни в процессе эволюции органической материи. Эта черта игры усложняется в обществе и начинает выполнять новые социально-духовные функции.

Идея игры оказала большое влияние на формирование и совершенствование духовно-социальных отношений на ранних этапах развития общества. Уже в раннем развитии общества в процессе участия ребенка во взрослой жизни и труде разрабатывались игрушечные орудия, удобные для детского труда. В результате появления игрушечных орудий возникли сюжетно-ролевые игры. Проблемы их осмысления и всестороннего раскрытия сущности игры стали предметом длительных философских и научных исследований.

*Генезис игры: от биологической функции
к социокультурной деятельности*

В чём заключается онтологический генезис игры? На каком уровне биологического и социального прогресса возникает феномен игры?

Игра начала появляться на определенном этапе эволюции в сочетании с формированием психофизиологического аппарата, усложняющего установку и взаимодействие у живых существ. У живых существ происходил игровой процесс, состояние «игры», служащее для реализации поведения, выполнения функций наблюдения, подражания и обучения. Иными словами, игровое состояние биологически начало существовать в животном мире. Однако в основе биологической игры лежит подражание. Первоначально игровая ситуация возникает через взаимное подражание, сформированное инстинктом выживания животных. Таким образом, игры, присущие живому существу, являются первым признаком его жизнеспособности, универсальной характеристикой живого существа. Это универсальное свойство проявляется в усложнении поведения живого существа, в возникновении биоэтологических игр на

основе подражания. У животных подражание и обучающая деятельность, направленная от родителей к детенышам, становятся игровой структурой. Нападение, захват, охота становятся игрой для детей животных не из-за инстинктивной необходимости, а в результате их свободного выполнения. Авторы, выдвинувшие эту идею, утверждают, что в области инстинктов нет игрового феномена.¹ Однако, есть также и исследователи, которые оценивают такой вывод как спорный. Мы думаем, что в инстинкте нет игры, потому что инстинкт – это наследственный физиологический механизм, который работает точно, напоминая часы, в то время как в часах нет игры. Игровая же ситуация не проходит в четко определенных пределах.

Эволюция взглядов на игру в развитии западной философской мысли

Игра как высокоуровневое явление человеческой деятельности во все времена привлекала к себе внимание исследователей.

Античные мыслители, заложившие первые основы классической философии, выдвинули ряд идей об игре, ее роли и значении в жизни человека. Согласно толкованию Сократа, человек открывает путь к истине во время игры.

Понимание игры как многозадачного (полифункционального) социального и духовного явления восходит к представлениям Платона об игре. Именно Платон первым среди философов провозгласил принцип: «надо жить, играя» и обосновал жизнеспособность этого принципа. По его мнению, человек – всего лишь бездушная марионетка в руках богов. Человек не может свободно выполнять какое-либо действие по своему желанию. Он управляется богами, которые используют невидимые нити. Если Бог управляет человеком золотой нитью, он будет добрым, щедрым и общительным.²

В идеальном государстве, о котором мечтал Платон, существуют противоречивые мнения о роли человека. С од-

¹ Фабри К. Э. Игры у животных. М.: Знание, 1985.

² Платон. Собр. Соч. в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. С. 165.

ной стороны, человек – всего лишь одушевленная кукла, а с другой – достижение им совершенства зависит только от него самого, то есть от того, как он играет в игру. Хотя Платон в своих диалогах не объяснял именно понятие игры, дискуссии о подражании (μίμησις) и воспитании в его философских воззрениях развивались косвенно в связи с понятием игры.

Платон в своих произведениях уделяет большое внимание идее подражания. В «Государстве» он рассматривает подражание как процесс, с помощью которого художники и поэты создают копии идеальных форм или идей. Для Платона искусство и литература – это вид игры, в которой люди подражают идеальным формам и идеям, создавая образы и идеи, которые не всегда соответствуют действительности. Игра в этом контексте становится формой выражения, посредством которой человек стремится понять идеальные формы при помощи творческого подражания. Таким образом, игру можно рассматривать как средство изучения и понимания мира идей, лежащих в основе философии Платона.

В диалоге «Законы» Платон обсуждает роль игры и развлечения в образовательном процессе. Он утверждает, что детские игры имеют важное воспитательное значение, поскольку посредством игр дети усваивают социальные нормы, развивают навыки и готовятся к взрослой жизни. Платон утверждает, что правильно организованные игры способствуют формированию характера и нравственных качеств. Платон также утверждает, что взрослые должны участвовать в определенных играх и ритуалах, которые позволяют им поддерживать гармонию и порядок в обществе. Эти игры и ритуалы выполняют важную педагогическую и социальную функцию и помогают укрепить общие ценности и принципы.

Платон часто использует игру как метафору для объяснения сложных философских понятий. Он сравнивает человеческую душу с крылатой колесницей, управляемой разумом-возничим, которая должна сдерживать свои желания, представленные в образе двух коней. Такое сравнение можно рассматривать как своеобразную «игру» или драматическую пьесу, в которой различные стороны души взаимодействуют и стремятся к гар-

монии. Таким образом, игра у Платона принимает различные формы и значения, от педагогической и образовательной функции до метафоры для объяснения сложных философских идей. По его мнению, игра выступает средством подражания и обучения идеальным формам, а также важным элементом социального воспитания и формирования нравственных качеств.

Аристотель связывает явление игры с состояниями развлечения, удовольствия. Аристотель говорит, что игру следует проводить в перерывах между интенсивными тренировками, как если бы она была лекарством.³ Для Аристотеля игра – необходимый элемент, способствующий гармонии души, а также развитию нравственно-эстетического восприятия. Говоря о роли досуга и отдыха в «Никомаховой этике», Аристотель рассматривает развлечения и игры как необходимые составляющие человеческой жизни, способствующие восстановлению души. Он считает, что чрезмерная серьезность и отсутствие отдыха могут привести к ухудшению психического состояния и снижению способности выполнять серьезные дела. При этом он подчеркивает, что игры и развлечения должны быть умеренными и соответствовать нормам морали и добродетели. Аристотель вводит понятие «средний путь» («умеренность», μεσότης), утверждая, что добродетель находится в умеренности между избытком и недостатком. В связи с этим игры и развлечения также должны быть в меру. Чрезмерное развлечение может привести к пороку (ἀκρασία), а его полное отсутствие может лишить человека радости и удовольствия, необходимых для полноценной жизни.

Пифагор, хотя напрямую не использовал понятие «игра», его учение предполагает, что понимание и взаимодействие с числовыми и гармоническими принципами мира можно рассматривать как форму интеллектуальной, а также духовной игры. По словам К. Назарова, Пифагор объяснил статус философа на примере Олимпийских игр следующим образом: одна группа людей, приходящих на состязание, стремится соревноваться, бороться, то есть проявлять себя и свою ин-

³ Аристотель. Соч. В 4-х т. Т. 4. М.: Мысль, 1984. С. 630.

дивидуальность, вторая группа — торговать, приумножать свое богатство, а третья, получая духовную пищу от игры, стремится познать и определить истину. Те, кто принадлежал к этой третьей группе, согласно пифагорейской интерпретации, были философами.⁴

Немецкий мыслитель Николай Кузанский в своей работе «Игра в шар»,⁵ написанной в 1463 году, выделял следующие аспекты игры:

- игра доставляет удовольствие;
- игра обучает человека;
- игра выступает в качестве модели для объяснения философских идей;
- игра позволяет создавать философские идеи из игровой модели.

Мыслитель пишет: «наше упражнение с шаром, такое увлекательное, скрывает в себе, думаю, немало философии».⁶

Мишель Монтень отмечает игру как одну из основных потребностей человека, независимо от его возраста и социального статуса. Мыслитель отметил эффективность использования игры в образовании.⁷

Ламетри связывает игру с формированием человеческого духа, выдвигая идеи о том, что игра природы порождает игру, присущую человеку. Т. Гоббс исследовал вопрос о значении игрового явления, формирующегося в процессе человеческих отношений. И. Кант рассматривает игру как творческое начало в формировании совершенного члена общества.⁸ Он делит воспитание на два, свободное и схоластическое, называя свободное воспитание игрой.

⁴ Назаров К. Основы философии. Ташкент: «Узбекистан», 2005. С.10 (на узб. языке).

⁵ Кузанский Н. Игра в шар // Николай Кузанский. Соч. в 2 томах. Т. 2. М., 1980. С.251-315.

⁶ Там же, с. 251.

⁷ Монтень М. О воспитании детей // Монтень М. Опыты. М.: Правда, 1990. С. 150.

⁸ Кант И. Критика способности суждения // Иммануил Кант. Соч. в 6 т. Т. 5. М., 1965. С.319.

Ф.Шиллер считал, что человек есть человек только тогда, когда он играет, игра освобождает человека от обязательств и обязанностей, она признается фронтом, который дает человеку свободу. Ф.Шиллер исследует игру, связывая ее с красотой, и считает, что игра формируется в результате человеческого стремления к красоте.⁹ Таким образом, Шиллер подчеркивает, что человеческие игры в первую очередь ориентированы на эстетическую деятельность.

Идея игры у восточных мыслителей

Из восточных мыслителей Джалаладдин Руми понимает игру как детское занятие. Он пишет: дети невинны, потому что они не знают мира, не скучают в нем и живут мечтой об игре. Старик тоже видит мир чисто, как ребенок, хочет играть.

Впервые в истории узбекских народных игр изложение игровых образцов, их описание представлены в произведении «Диван лугат ат-турк» («Собрание [сборник, словарь] тюркских наречий [языков]»), написанном Махмудом Кашгари. В этом произведении Махмуда Кашгари упоминается около 150 народных игр, из которых около 20 видов игр описаны подробно. Он разделил игры на физические и умственные игровые тренировки, внимательно изучив их.¹⁰

Юсуф Хасс Хаджиб использует слово «игра», описывая красоту природы в своем произведении «Кутадгу билиг» («Знание, дающее счастье»). В одной из глав труда Хусейна Ваиза Кашифи «Футувватномаи Султани» («Указ султана») он специально обсуждает «людей, которые показывают представление» и следующим образом объясняет суть кукольного искусства: «О, дорогие, знайте, что добросердечные дервиши, поняв множество символических образов в игре в куклы, открыли тайну мира и сокровенные истины. Важно знать, что, хотя, вещи, которые появляются в мире, кажутся малыми, но по своей сути они представляют собой великие истины».

⁹ Шиллер Ф. Письма об эстетическом воспитании человека // Шиллер Ф. Собрание сочинений в 7 т. Т. 6. М., 1957. С. 251-358.

¹⁰ Махмуд Кошгарий. Туркий сузлар девони (Девони луго-тит турк). Ташкент: Фан, 1960.

Заключение

Итак, на Западе философия игры начинает формироваться в Древней Греции. Платон и Аристотель рассматривали игру как важную часть воспитания и обучения, подчеркивая ее роль в формировании нравственных и интеллектуальных качеств, в то время как в эпоху Возрождения и позже такие философы, как Шиллер, подчеркивали эстетическую и социальную роль игры, рассматривая ее как способ самовыражения, а также как средство гармоничного развития личности и общества. На мусульманском Востоке понятие игры больше ассоциировалось с духовными практиками.

Таким образом, несмотря на различия, западная и восточная философия признают игру важным элементом человеческой культуры и прогресса. В то время как на Западе это больше связано с рациональными и социальными аспектами, на востоке основное внимание уделяется духовному росту человека.

Оглавление

Пленарное заседание	5
Секция 1: «Наука и образование в античном платонизме»	8
Секция 2: «Платоническая традиция в науке и образовании поздней античности»	50
Секция 3: «Платоническая традиция в науке и образовании Средних веков»	59
Секция 4: «Платоническая традиция в русской философии» ...	68
Секция 5: «Платоническая традиция в современной науке и образовании»	89
Круглый стол: «Античные метафоры субъекта и субъектности и их рецепция»	125
Секция 6: «Платонизм в истории науки Нового времени»	140
Секция 7: «Платоническая эпистемология, диалектика и логика в истории науки»	171
Секция 8: «Платон и платонизм в истории искусства»	201
Секция 9: «Новые подходы в платоноведении»	215
Круглый стол: «Герменевтика классического текста как форма философской самоидентификации»	231
Выделенная секция: «Еврейская духовная традиция и сохранение идентичности: от Библейской эпохи к современной России»	266

Научное издание

**Тезисы докладов участников
XXXII научной конференции
«Универсум Платоновской мысли:
Платоновское наследие
в истории науки и образования»**

Санкт-Петербург, 20–21 июня 2024

Художник *О. Курта*
Верстка *Д. Курдыбайло*

Подписано в печать 28.10.2024
Формат 60 × 88 ¹/₁₆. Бум. офсетная
Печать цифровая. Усл. печ. л. 18,5
Заказ № 1008

МОО «Платоновское философское общество»
Тел.: (812) 310–79–29; +7(981) 699–6595;
e-mail: 9450922@gmail.com